

<ul style="list-style-type: none"> стабилизационные резервы. 	разная (в зависимости от финансовых результатов страховой организации за отчетный период)	высокая	нерегулярный доход	ликвидность – средняя
III. Заемный капитал, в том числе: <ul style="list-style-type: none"> кредиторская задолженность. 	краткосрочная	низкая	нерегулярный доход	ликвидность - высокая

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать выводы, что использование структурирования финансовых ресурсов с учетом их инвестиционных возможностей на основе условий инвестирования, закрепленных законодательно, способствует:

- эффективному формированию обоснованной инвестиционной политики;
- созданию сбалансированного инвестиционного портфеля, максимально соответствующего специфике финансов страховщика;
- достижению максимальной стандартизации инвестирования и упрощению процедуры управления;
- применению целостной методологии при оценке достаточности страховых резервов для выполнения принятых обязательств перед страхователями в соответствии с реформой регулирования законодательства по «Стратегии».

Литература

1. «Стратегия развития рынка страхования на период до 2020 года» раздел IV.1 «Цели развития законодательства и регулирования».

2. *Вавилова И.А.* Управление денежными потоками страховой организации в процессе инвестиционной деятельности // Казанская наука. 2010. № 2. С. 85–87.

3. *Никулина Н.Н., Эриашвили Н.Д.* Страховой менеджмент: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2011. Гл. 10. 703 с.

4. *Никулина Н.Н.* Инвестиционная политика в страховых организациях: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2013.

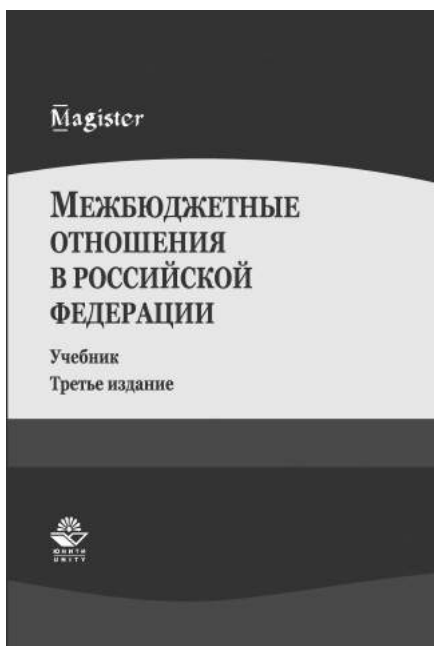
References

1. «Insurance market development strategy for the period up to 2020» section IV.1 «Millennium Development Law and Regulation».

2. *Vavilova I.A.* Cash flow management of the insurance organization in the process of investment activity // Kazan science. 2010. № 2. P. 85–87.

3. *Nikulina N.N., Eriashvili N.D.* Insurance Management: A Handbook. Allowance. M.: UNITY, 2011. Ch. 10. 703 p.

4. *Nikulina N.N.* Investment policy in insurance organizations: Textbook. M.: UNITY, 2013.

Межбюджетные отношения в Российской Федерации.

3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф УМО. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. (Серия «Magister»). Под ред. А.Е. Суглобова. Изд-во ЮНИТИ, 2015. 519 с.

Рассматриваются теоретические и практические вопросы формирования межбюджетных отношений в Российской Федерации, а также сущность, механизм и методы бюджетного регулирования. Анализируются этапы развития, проблемы и основные направления совершенствования межбюджетных отношений в РФ. Особое внимание уделяется различным методическим подходам, используемым для распределения финансовой помощи субъектам РФ.

Для студентов и аспирантов финансово-экономических вузов, практических работников финансовых и налоговых служб, государственных и муниципальных служащих, слушателей отделений переподготовки и повышения квалификации по экономическим специальностям.

УДК 81.38
ББК Ш 107

МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ И СТРАТЕГИЯ ДЕМОНИЗАЦИИ

СЕРГЕЙ РИФАТОВИЧ АБЛЕЕВ,

начальник кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук
E-mail: ASR028@yandex.ru;

СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА КУЗЬМИНСКАЯ,

доцент кафедры иностранных языков Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат филологических наук

Научные специальности 09.00.01 – онтология и теория познания;
10.02.19 – теория языка

E-mail: sk-teacher@mail.ru

Рецензент: доктор философских наук, доцент А.Л. Золкин

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрена проблема манипуляции массовым сознанием; стратегия демонизации политического оппонента в СМИ.

Ключевые слова: массовое сознание, политическая мифология, психолингвистические механизмы воздействия на сознание.

Annotation. The article is devoted to the problem of manipulation of mass consciousness. The authors consider the strategy of demonization of political opponent in mass media.

Keywords: mass consciousness, political mythology, psycholinguistic mechanisms of influence on consciousness.

Практика дискредитации оппонента в современном социально-политическом пространстве, к сожалению, используется достаточно активно и эффективно. Во многом она базируется на применении различных коммуникативных приемов и методов воздействия на массовое сознание, в котором формируются определенные (заданные) идеологические, ценностные и поведенческие установки. В этом контексте одним из самых интересных и малоизученных феноменов практики дискредитации является так называемая «*демонизация политического противника*». Этим понятием мы обозначаем широкий набор психолингвистических манипулятивных инструментов управления массовым сознанием, которые позволяют отождествить оппонента с неким «*универсальным злом*». Это открывает возможности оправдывать или легитимировать в глазах общества любые насильственные действия, направленные на его искоренение.

В отличие от обычной политической дискредитации, стратегия демонизации не ограничивается тактической задачей выиграть у политического соперника некоторые очки в конкурентной борьбе или добиться его поражения в политической дискуссии. Ее цель, как

правило, является более радикальной. Оппонент должен быть уничтожен сначала морально, а потом, если это возможно, и физически.

Если присмотреться к этой стратегии внимательно, то в ней можно найти немало общих черт с лукавой практикой инквизиции по устранению неудобных в Средние века. Обвинив невинного христианина в пособничестве дьяволу, можно было расправиться с ним при активной или молчаливой поддержке запуганной паствы. Все новое, как говорится, есть хорошо забытое старое. Сегодня стратегия демонизации получила свою очередную историческую инкарнацию в борьбе западных лидеров с неудобными политическими режимами и оппонентами сначала в государствах Ближнего и Среднего Востока, а затем и в России.

В мировоззренческом смысле стратегия демонизации опирается на исторически закрепленный в массовом сознании концепт «*универсального зла*», а также на такую базовую характеристику массового сознания, как *религиозность*. Однако, на современном этапе религиозность в секулярном обществе приобретает совершенной иной, весьма необычный вид. Она уже не связана исключительно с традиционной религией, так

как имеет инверсионный, трансформированный, иногда даже причудливый характер.

Современное массовое сознание (по крайней мере, западного общества) во многом опирается на ценности так называемых светских «квази-религий», значительным идейным ингредиентом которых является изрядная доля политической мифологии. В Северной Америке и Европе такой светской квази-религией со своими аксиологическими догматами и моральными императивами является *демократия*.

С некоторых пор для Запада идея демократии приобретает уже даже не политический, но онтологический характер. Демократия, с точки зрения правозащитного либерала, это единственно возможный способ бытия разумного человека. В глазах американской политической элиты она наделяется статусом если не абсолютного, то, во всяком случае, высшего Блага. Любое политическое устройство, которое не совсем соответствует вашингтонскому шаблону демократии, считается *мировым злом*, которое должно быть (рано или поздно) уничтожено. Хотя, следует заметить, что идея демократии нередко выступает не столько реальным идеалом свободы, сколько удобной политической ширмой, позволяющей преследовать свои геополитические и экономические интересы.

Таким образом, западная политическая элита сегодня начинает выступать в качестве особой, почти жреческой касты этой новой квази-религии, представители которой наделяют себя сакральным правом окончательной и верховной трактовки Добра и Зла. По сути, политический истеблишмент США сегодня претендует на моральные позиции, некогда утраченные Ватиканом. Теперь уже не Папа Римский, а Дядя Сэм определяет, что есть мировое зло, и какими средствами с ним следует бороться. При этом религиозно-мифологические свойства массового сознания (некритичное и эмоциональное восприятие действительности, покорное следование авторитетам, яркая ксенофобия, непонимание глубинных причин социальных процессов и др.)¹ позволяют правящей элите через подконтрольные СМИ успешно манипулировать общественным мнением для достижения своих меркантильных целей.

Стратегия демонизации оппонента осуществляется с помощью ряда специальных приёмов, предполагающих использование различных как вербальных, так и невербальных инструментов. Рассмотрим некоторые из подобных приёмов, наиболее активно применяемые в настоящее время.

Первый приём можно условно обозначить как «отождествление оппонента с библейским Злом или дьяволом». Западная цивилизация, как известно, почти две тысячи лет развивалась в русле христианской религии. И если основные нормы морали христианства в массовом сознании уже давно низвергнуты, то библейские архетипы и символы парадоксальным образом по-прежнему сохраняют своё существенное влияние на мировосприятие западного обывателя.

В результате мы видим, как в развернутых в американских и европейских СМИ пропагандистских кампаниях против Ирана, Ливии, Сирии, а теперь уже и против России, лидеры этих стран часто предстают перед аудиторией в мифическом «дьявольском свете». Вот, например, как выглядят некоторые заголовки информационных выпусков: «*Dealing with the Devil in Syria*»² («*Борьба с Дьяволом в Сирии*»), «*Bashar al-Assad and the Devil's Gambit*»³ («*Башар аль Асад и гамбит Дьявола*»), «*Asma and Bashar al-Assad - a match made in hell*»⁴ («*Асма и Башар Асад – брак, заключенный в аду*»).

А это заголовки, посвященные Президенту России: «*Vladimir Putin is the devil we know*»⁵ («*Владимир Путин – это дьявол, которого мы знаем*»). «*Meet the Night Wolves – Putin's Hell's Angels*»⁶ («*Знакомьтесь, Ночные волки, – Ангелы Ада Путина*»). «*Vladimir Putin 'possessed by Satan and faces eternal damnation'*»⁷ («*Владимир Путин «одержим Дьяволом и обречен на вечные муки»*»).

Дьявол как олицетворение вселенского зла в массовом сознании обычно ассоциируется с такими образами, как *кровь, насилие, смерть, убийства, разврат, муки ада, истязания и страдания*. Основные психологические черты этого персонажа, бессознательно узнаваемые сознанием индивида, тоже имеют явно негативное содержание. Это *бездушность, жестокость, изворотливость, хитрость, коварство, богоборчество*. Поэтому многократно повторяющееся сравнение политика с дьяволом, как правило, достигает своей цели. Его образ в массовом сознании приобретает нечто злое. А возникающий страх, как известно, является одним из психологических источников агрессии.

Этот приём направленного программирования массового сознания для формирования и закрепления inferнального образа предполагает активное использование специальных лексических средств. Они используются в заголовках, текстах статей или выпусков новостей, например, таким образом. «*Assad, the Butcher*»⁸ («*Мясник Асад*»). «*Assad: Our Century's Bloodiest Dictator?*»⁹ («*Асад: самый кровавый диктатор нашего времени?*»). «*But it was Gaddafi's malign, murderous side that isolated him, and Libya, in the eyes of western governments*»¹⁰ («*Именно коварство и кровожадность Каддафи сделали его и его страну изгойми в глазах западных держав*»). «*In saying Putin has no soul, it means he seems to lack both the capacity to feel emotions and to show empathy*»¹¹ («*Когда мы говорим, что у Путина нет души, это означает, что... он не способен испытывать эмоции и выражать сочувствие*»).

Рано или поздно последовательное психолингвистическое программирование аудитории достигает своей цели, и неугодный лидер незаметно для себя и своего окружения переводится из разряда нормальных политических оппонентов в разряд бездушных злодеев, злобных нелюдей и политических монстров. Отсюда остаётся всего полшага до «справедливого» призыва к расправе над таким «злодеем». В этом и состоит

скрытая цель манипулирования массовым сознанием в рассматриваемых случаях.

Следует заметить, что отмеченная тактика информационной войны не является демократической инновацией XXI в. Этот «передовой опыт» вашингтонские политтехнологи, по всей видимости, могли заимствовать у немецких нацистов периода Второй мировой войны. Так, в частности, когда началось освобождение СССР и Европы от фашистской оккупации, люди рейхсминистра Геббельса активно внушали европейскому гражданскому населению всякие мифические бредни, например, о том, что русские солдаты – это вовсе и не люди, а *порождения ада* и у них есть даже рога.

Второй технологический прием рассматриваемой стратегии демонизации заключается в противопоставлении политической системы, в которую включен неугодный оппонент, демократической модели американского типа с ее специфическими стандартами и ценностями¹². Причём само понятие демократии в западной интерпретации постоянно расширяется и видоизменяется в ответ на конъюнктуру текущей ситуации. Сегодня англо-саксонская демократия – это уже не просто банальная *власть народа*. Фактически это есть либеральная вседозволенность, моральный нигилизм и манипуляции обществом, какое-либо ограничение которых западные апологеты этой новой мировой квази-религии считают совершенно недопустимым.

На наших глазах происходит опасное перерождение западной демократии, которая становится не *властью народа для народа*, а *властью олигархата* (финансово-промышленной элиты) *для олигархата*. Какие ценности несёт миру современная англо-саксонская демократия? Подрыв моральных устоев общества и разрушение традиционной семьи, политическое рейдерство и право силы в международном пространстве, экономическую стратегию неокOLONIALИЗМА, оскорбление религиозных убеждений, трансформацию свободы личности в разрушительную вседозволенность, попытку тотального информационного контроля общества через спецслужбы и СМИ.

Тем не менее, нам пытаются внушить, что англо-саксонская демократия есть заоблачный идеал, к которому должно стремиться всё население Земли, включая, видимо, и пингвинов в Антарктиде. Если в религиозной мифологии наиболее негативной характеристикой субъекта являлось отождествление его с дьяволом, то для апологета западного либерализма такой характеристикой является обвинение своего оппонента в отказе от англо-саксонских шаблонов демократии.

Всякое национальное своеобразие демократических институтов власти в нужный момент расценивается не менее чем «кровожадная диктатура», «злобная тирания» и «удушающий авторитаризм». Неудивительно, что подобные номинации в руках ловких политтехнологов становятся эффективным информационным инструментом в заказной демонизации неугодных народных лидеров. «*Bashar al-Assad: A Tyrant in Full*»¹³ («*Баашар аль-Асад: тиранин в полном смысле*

этого слова»). «*A day in the life of Vladimir Putin: The dictator in his labyrinth*»¹⁴ («*Один день из жизни Владимира Путина: Диктатор в своем лабиринте*»).

Серьёзно доказывать подобные обвинения, как правило, никто даже и не пытается. Самое главное – это частотная номинация. Когда все газеты и телеканалы называют Асада тираном, американский обыватель начинает верить, что так оно и есть на самом деле. Ведь что происходит в Сирии в действительности, да и вообще где она находится, он представляет крайне туманно. «*Тиран*», «*диктатор*», «*деспот*» – это своего рода сигнальные слова-маркеры, появление которых в тексте запускает нейролингвистический механизм некритичного восприятия некомпетентным массовым сознанием всего последующего содержания такого текста.

Вслед за навешиванием негативных ярлыков¹⁵, как правило, следует череда стандартных обвинений в нарушении демократических ценностей: не соблюдение прав человека, подавление оппозиции, отсутствие свободных выборов, массовые репрессии, нарушение свободы слова. Как эти обвинения соотносятся с реальной жизнью – не имеет никакого значения. Их цель проста: не выявить объективную истину, а закрепить за оппонентом в массовом сознании чёткий *образ человека-ненавистника*, применяющего репрессии против собственного народа. Массовой аудитории обычно не сообщают, чем вызваны те или иные вполне законные и необходимые решения лидера другого государства. Например, пресечение погромов и беспорядков или привлечение к ответственности крупного бизнесмена-мошенника. Однако, ей вполне определенно подсказывают и внушают, как эти действия следует интерпретировать.

Ещё одним эффективным приёмом стратегии демонизации политического лидера является тактика искусственной криминализации оппонента. Её основная цель: показать массовой аудитории, что неудобный лидер – это *преступник мирового масштаба*, который должен быть наказан благородными служителями закона под звёздно-полосатым флагом. Эта тактика вполне эффективно работает в западном культурном пространстве, так как на протяжении нескольких веков концепт «*право*» активно осмысливался интеллектуальной элитой и встраивался в массовое сознание западного общества как одна из фундаментальных ценностных констант.

Примечательно, что роль верховного судьи и спикера всеобщего правового закона сегодня достается лидеру Соединенных Штатов. Именно американский Президент в своих выступлениях даёт однозначные оценки действиям глав других государств, обличает, осуждает, выносит приговор и требует привести его в исполнение. Политический суверенитет другой страны, международное право и Совет Безопасности ООН здесь, разумеется, уже не имеют существенного значения.

Вот, например, некоторые показательные пассажи из выступлений Барака Обамы. «*Once again, Qaddafi*

chose to ignore the will of his people and the international community. Instead, he launched a military campaign against his own people»¹⁶ («В очередной раз Каддафи предпочел проигнорировать волю своего народа и мирового сообщества. Несмотря ни на что, он развязал войну против собственной страны»). «Now, after careful deliberation, I have decided that the United States should take military action against Syrian regime targets»¹⁷. («Теперь, после того как я тщательно взвесил, я принял решение, что США должны предпринять военные действия в отношении Сирийского режима»).

В заключение следует остановиться еще на одном приёме демонизации, который связан с использованием исторических параллелей. Так, например, воплощением тотального насилия в мировом сообществе сегодня по праву считается Адольф Гитлер. Принесенные им человечеству страдания и разрушения были столь значительны, что уже на протяжении жизни нескольких поколений его имя у всякого цивилизованного человека вызывает непроизвольное содрогание и заслуженное презрение.

Простое сравнение политического лидера с Гитлером само по себе уже гарантирует крайне негативные бессознательные ассоциации (кровь, смерть, пытки, массовые убийства, концлагеря) и оставляет в сознании обывателя недвусмысленный ментальный шлейф. На это и рассчитывают западные политические манипуляторы, активно вбрасывающие в мировое медийное пространство подобные сравнения.

«Putin's Sochi and Hitler's Berlin: The Love Affair Between Dictators and the Olympic Games»¹⁸ («Сочи Путина и Берлин Гитлера (Любовь диктаторов к Олимпийским играм»). «From Hitler to Gaddafi: dictators and their bunkers»¹⁹ («От Гитлера до Каддафи: диктаторы и их бункеры»). «Where are the French now, as Americans prepare to put their soldiers on the line to fight today's Hitler, Saddam Hussein?»²⁰ («А где же французы, сейчас, когда Америка готова послать своих солдат на передовую, чтобы сразиться с современным Гитлером, Саддамом Хусейном»).

Среди других исторических персонажей, которые в массовом сознании устойчиво олицетворяют зло и страдания, в западных СМИ упоминаются римские императоры Калигула и Нерон. «It was easy for all parties to join in portraying Gaddafi as a tyrant reminiscent of Caligula or Nero»²¹ («Все стороны единодушно сошлись в описании Каддафи как тирана, подобного Калигуле или Нерону»).

Однако, такие исторические параллели нельзя назвать частотными. Очевидно, что ожидаемый прагматический эффект подобных сравнений намного меньше, чем сравнение с Гитлером. Образовательный уровень массовой аудитории в США все же не так высок, чтобы легко выстраивать параллели с событиями многовековой исторической давности.

Таким образом, сегодня стратегия демонизации страны и её политического лидера становится чуть ли не главным компонентом информационной войны,

развязанной западными государствами против России. Очевидно, что в современном мире победа в информационном противостоянии становится не менее важной, чем победа на поле боя. Битва за умы и души, или, как принято сегодня говорить, за общественное мнение, становится решающим фактором в защите исконного и естественного права страны на суверенитет и выбор собственного пути развития.

Литература

1. Гронская Н.Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 1.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
3. Хэппис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., М., 2002.
4. Шунгаров О.С. Легитимация государственной власти посредством манипулирования общественным сознанием // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 2.

References

1. Gronskaya N.E. Language mechanisms of manipulation of mass political consciousness // The Journal of Nizny Novgorod University named after N.I. Lobachevskiy. 2003. № 1.
2. Kara-Murza S.G. Manipulation of mass consciousness. M., 2002.
3. Harris R. A cognitive psychology of mass communication. M., Spb., 2002.
4. Shungarov O.S. Legitimation of state power by means of manipulation of mass consciousness // Law in order in modern society. 2010 (2).

¹ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы // Человек в социальном мире: проблемы, исследования, перспективы: Научно-практический вестник. 2002. Вып. 1 (№ 8).

² FrontPage magazine: <http://www.frontpagemag.com/2012/robert-spencer/dealing-with-the-devil-in-syria/>

³ The Atlantic: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/07/assad-and-the-art-of-the-devils-gambit.>

⁴ Телеканал FoxNews: [http://www.foxnews.com/opinion/2013/09/06/asma-and-bashar-al-assad-match-made-in-hell/.](http://www.foxnews.com/opinion/2013/09/06/asma-and-bashar-al-assad-match-made-in-hell/)

⁵ The Mirror: <http://www.mirror.co.uk/news/world-news/vladimir-putin-is-the-devil-we-know-751676.>

⁶ The Telegraph: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/10670244/Meet-the-Night-Wolves-Putins-Hells-Angels.html.>

⁷ The Telegraph: <http://www.telegraph.co.uk/news/world-news/vladimir-putin/11079988/Vladimir-Putin-possessed-by-Satan-and-faces-eternal-damnation.>

⁸ The New York Times: <http://www.nytimes.com/2012/04/21/opinion/bashar-al-assads-lies.html.>

⁹ The Daily Beast <http://www.thedailybeast.com/articles/2013/12/04/assad-our-century-s-bloodiest-dictator.html.>

¹⁰ The Guardian <http://www.theguardian.com/commentis-free/2011/oct/20/gaddafi-death-leaves-libya-crossroads>.

¹¹ Сайт телеканала CNN: <http://edition.cnn.com/2014/07/25/opinion/motyl-putin-is-evil/>

¹² *Аблеев С.Р.* Синергийная этика и евро-американские этические концепции XVIII–XX веков: компаративистский анализ философских корреляций // Аспирантский вестник Поволжья. Научно-информационный межвузовский журнал. 2009. № 5–6; *Золкин А.Л.* Философия права «русского зарубежья» и современная юридическая наука. Вестник Московского университета МВД России, 2012. № 8.

¹³ National Journal: <http://www.nationaljournal.com/daily/bashar-al-assad-a-tyrant-in-full-20130909>.

¹⁴ The Independent: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/a-day-in-the-life-of-vladimir-putin-the-dictator-in-his-labyrinth-9629796.html>

¹⁵ *Кузьминская С.И.* «Ярлык» как средство манипулирова-

ния массовым сознанием // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 5 (36).

¹⁶ Из выступления Барака Обамы: whitehouse.gov/photos-and-video/video/2011/03/28/president-obama-s-speech-libya#transcript.

¹⁷ Из выступления Барака Обамы: whitehouse.gov/photos-and-video/video/2011/03/28/president-obama-s-speech-libya#transcript.

¹⁸ The Daily Beast: <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/02/07/putin-s-sochi-and-hitler-s-berlin-the-love-affair-between-dictators-and-the-olympic-games.html>.

¹⁹ The Guardian: <http://www.theguardian.com/world/2011/aug/27/best-of-the-bunkers-gaddafi-hitler-saddam>.

²⁰ The Guardian: <http://www.theguardian.com/world/2003/feb/13/iraq.nato>.

²¹ The Guardian: <http://www.theguardian.com/world/2013/sep/06/syrian-presidency-instagram-banalities-evil>.

УДК 1:001;001.8

ББК Ю6

ПОИСК НОВЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА ГАЛАНИНА,

*доцент кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук
Научная специальность 09.00.11 – социальная философия*

E-mail: Natgal2411@rambler.ru

Рецензент: доктор философских наук С.Р. Аблеев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Уже с конца XIX в. общественными науками ведётся поиск новых детерминант социального развития, отличных от сложившихся в естествознании, которые могли бы глубже и многограннее раскрыть суть исторического процесса и уловить новые тенденции в развитии и перспективах человечества.

Ключевые слова: детерминизм, духовная культура, ценности, бессознательное, структурный метод.

Annotation. Since the end of the XIX century the social sciences is looking for new determinants of social development other than existing in the natural sciences, which could reveal deeper and more varied the essence of the historical process and to capture new trends in the development and prospects of mankind.

Keywords: determinism, spiritual culture, values, unconscious, structural method.

Вопрос о существовании общественных детерминант, определяющих ход исторического развития человечества, в наши дни актуален в большей степени, чем когда-либо в истории, так как среди многих учёных, изучающих социальные перспективы, сложилось представление, что человечество сейчас идет по пути, неминуемо ведущему нас к глобальному кризису, который положит конец современной цивилизации, а возможно, и всему виду человека разумного.

Представления и идеалы о детерминизме в науке сформировались в XVII–начале XVIII вв. в классической механике Галилея–Ньютона, после чего были сделаны попытки переноса их в обществознание. Позднее, острое ощущение ограниченности модели науки, сложившейся в XVIII в., в свете тех задач, которые встали перед познанием в конце XIX–начале XX в. заставили по-новому трактовать принцип детерминизма в социуме. «Мир представляет собой невероятно сложную, постоянно раз-

вивающуюся и совершенствующуюся действительность и содержание его гораздо сложнее и богаче, чем представления о нем, сложившиеся на определенном этапе исторической практики»¹. Далее, в самой классической науке произошли серьезные изменения: открытие теории относительности А. Эйнштейна, квантовой механики Н. Бора, кварков, теории струн и т.п. Тогда естественные науки стали пересматривать тематику жёсткого детерминизма и безотносительного развития.

Гуманитарные науки, в свою очередь, тоже отреагировали на это новыми социальными теориями, опровергающими однозначные и безусловные причинно-следственные связи в обществе. Но принцип детерминизма не изгонялся полностью, а лишь приобрел новый контекст. Ведь если устранить полностью любую детерминацию в социуме, тогда и нельзя будет назвать науки о человеке вообще науками.

Например, М. Вебер полагал, что в гуманитарном знании возможна не только фактология, но и теория, сопоставимая с естественнонаучной, где роль модели выполняет некий идеальный тип, который есть аналитическая конструкция, создаваемая исследователем путем мыслительного усиления определённых черт действительности. Вебер направлял исследование на поиск характерных черт социальной реальности, которые несут элементы повторяемости². «Благодаря упрощению любого познаваемого объекта становится возможным выделение из бесконечного многообразия реального мира тех существенных и закономерных связей, познание которых выступает как главная цель науки на всех исторических этапах ее развития. Именно эти связи становятся системой научных принципов, на основе которых и происходит исследование, и именно они становятся мощным инструментом конструирования конкретных теоретических моделей»³.

У многих исследователей человека и общества возникает стремление восполнить детерминационную ограниченность средствами художественной культуры и психологии. Баденская школа неокантианства, главными представителями которой были В. Виндельбанд и Г. Риккерт, осуществляла критику Канта и других неокантианских школ за одностороннюю ориентацию на естествознание с его материально-формальными, направленными на выявление общих законов методами⁴. Виндельбанд и Риккерт считали, что историческое существование человека как таковое, в своей голой фактичности, ещё не имеет никакой значимости. Оно обретает эту значимость лишь благодаря тому, что соотносится с трансцендентально – конститутивным царством ценностей, которые вечно значимы, и не зависят от времени. По сути, они вводят учение о ценностях, как об интегративных и детерминирующих формах духовной культуры. Эти ценностные структуры связываются с живой историей. Существование человека, отмечают те же мыслители, – это, фактически, место проявления наиндивидуальных функций разума. Этот разум толкуется как некое нормативное сознание, которое противостоит человеку, как должное

– существу и, таким образом, накладывает отпечаток на его бытие⁵.

Приоритет культурных ценностей отстаивает и П. Сорокин. Он всё социальное, общественное превращает в носителей культурного, ценностного. Взаимодействия людей, по Сорокину, создают общественную систему, которая, в свою очередь, создает их самих, как только они вступают в общественные отношения. Эти выводы вполне совместимы с принципом детерминизма.

Представители «философии жизни», отрицая какие бы то ни было детерминирующие факторы человеческого развития, кроме некой судьбы, неведомой силы, влияющей на бытие не только индивида, но и социума, признают, что материал для созидания мира не творится нами, а всё-таки нам дан, т.е. некие детерминанты, пусть еще мало понятные для исследования, объективно присутствуют в общественной жизни, «его (мира) содержание не может быть конструировано только из духа», а потому в мире присутствует нечто тёмное, неразрешимое... В любой жизни есть некий «остаток», который не есть наша судьба и о котором мы, правда, целенаправленно большей частью не думаем, кроме тех случаев, когда субъективно нежелательная для нас судьба напоминает нам о его влиянии»⁶. Отсюда, рядом с отрицанием классического детерминизма в социуме, мы наблюдаем настойчивые поиски некоей «органической логики», «логики жизни» и тому подобного. Правда, эта логика объявляется принципиально невыразимой методами рациональной науки.

Новый импульс развитию взглядов на детерминизм в социальной жизни дали подходы, разработанные в антропологии и социальной психологии. Обнаружились дополнительные измерения, «глубинные», которые способны оказывать детерминирующее воздействие, как на индивида, так и на общество в целом. Первоначально, эти измерения были открыты З. Фрейдом, который констатировал, что кроме рациональных структур сознания, присутствует целый блок бессознательного, который он назвал «оно», где разворачиваются совершенно другие процессы и существуют иные системы координат, их следует изучать иначе, нежели традиционное рассмотрение поведения человека как сознательного существа⁷.

К.Г. Юнг расширил понимание бессознательного блока детерминант «коллективным бессознательным». С его точки зрения, бессознательное заполнено архетипами, которые являются коллективными и врожденными⁸. Здесь обнаруживается огромный мир, вытесненный в сферу бессознательного – это миф, который никуда не исчез, с развитием научного мышления, а сохранился в полной мере и действует на людей не менее активно, чем раньше. «Человек в своих глубинах, в своих сновидениях, в своих реакциях, в системе первичных отношений остается ровно таким же, каким он был всегда. И это сказывается на его жизни гораздо больше, чем перемены»⁹. Феномен коллективного бессознательного Юнг применил не только к лечению неврозов и психических расстройств, но и к объяснению

культурных явлений. Например, сам Юнг, исходя из преобладания детерминант коллективного бессознательного над осознанной деятельностью людей, был одним из первых, кто предупреждал европейское человечество еще до прихода Гитлера к власти, что нечто подобное возможно и возможно всегда и даже в еще более страшных формах, так как человечество в большей мере спит, чем бодрствует.

Резюмируя выше сказанное, можно констатировать, что в человеке, обществе, его культуре и государственном укладе, действуют огромное множество детерминант, не только тех, которые можно рассмотреть умозрительно, и рассчитать с точки зрения формальной логики, но и тех, какие действуют скрыто от нашего сознания. Только так мы сможем найти ключи, раскрывающие суть социального процесса. «В таком случае явление фашизма получит естественное объяснение. Да, немецкий народ, немецкая культура менялись на уровне сознания. На уровне бессознательного все осталось таким же диким и варварским, как всегда»¹⁰.

Появившийся в 60-е годы во Франции структурализм выступил под лозунгами объективности и научной строгости. В структурализме человек превращается из действующего лица, как в «философии жизни», в «действуемое», которому человек, считающий себя свободным, бессознательно подчиняется. Это структуры универсальных знаковых систем, которыми пронизано все человеческое бытие, в том числе и его бессознательное, и через это бессознательное определяют все формы человеческой деятельности, культуру, социальные институты.

Леви-Строс разясняет, что бессознательное – это «символическая функция, разумеется, специфически человеческая, но которая у всех людей осуществляется по одним и тем же законам и фактически сводится к совокупности этих законов»¹¹. Бессознательное у Леви-Строса рационально, логично и является скрытым механизмом, посредством которого знаковые системы детерминируют деятельность индивида и больших групп людей. Так, не знают о существовании бессознательных механизмов люди, живущие по племенным законам бытия, которые погружены в разнообразные знаковые системы, реализованные в мифах, тотемах, ритуалах и т.д.

Структурный метод, примененный к исследованию этих систем Леви-Стросом, на наш взгляд, достаточно оправданно позволяет переходить от поверхностных и осознаваемых детерминант человеческой деятельности к неосознанным, глубинным¹². М. Фуко полагает, в отличие от Леви-Стросса, что «бессознательный фундамент» меняется в разные исторические периоды. Этот бессознательный фундамент, или «эпистеме», представляет собой определённую конфигурацию знаковых систем – «историческое априори», детерминирующее в далекий период возможности и пределы не только решения, но и саму постановку научных проблем¹³. Толкуя о месте и роли некоторых конкретных структур (бессознательных механизмов) в познавательной и другой деятельности человека, структуралисты понятие

структуры часто заменяли другими понятиями – формы, закономерности, организации.

В общем случае, структуралисты считают, что в общественных науках нет места строгим структурным закономерностям. На наш взгляд, эта концепция интересна и потенциально продуктивна. Структура – важнейшая характеристика любой системы, в том числе и социальной; это, в сущности, есть целостное единство тех связей и отношений, которые объединяют элементы в систему. Устойчивое существование системы обусловлено наличием в ней сохраняющихся, относительно крепких структур. Структура есть сохраняющееся, инвариантное в системе, при том, что элементы (будь это слово в языке или отдельные люди в социальных организациях) текучи, изменчивы, переходящи. Это делает структуру, близкой к основной детерминанте. Вопрос заключается в том, какие это структуры и как они формируются.

Проведенный нами анализ некоторых важнейших социально-философских концепций, отвергающих жёсткий детерминизм в общественных науках, говорит о том, что мы имеем здесь некий поиск, попытки вписать в науку о человеке ряд важнейших моментов, которые не в состоянии был выразить детерминизм XVII–XIX столетий. Прежде всего, это отчётливое понимание того, что многие действующие модели детерминизма сформировались на естественнонаучном материале и потому не могут схватить важнейшие особенности процессов обусловливания в мире человека. Тем не менее, принцип детерминизма в общественных науках сохраняет и ныне свою эвристическую и методологическую значимость, но на формы его выражения современное обществознание пытается сложить новый взгляд, открывающий перспективы более глубокого понимания механизмов общественного развития.

¹ Шашурина Г.В. Сборник научных трудов. Современная философия: актуальные идеи и тенденции. Выпуск 3. М., 2014. С. 270.

² Галанина Н.В. Сборник научных трудов. Современная философия: актуальные идеи и тенденции. Выпуск 3. М. 2014. С. 51.

³ Шашурина Г.В. Указ.соч. С. 270

⁴ Галанина Н.В. Социальная детерминация в структурах самоопределения: Дисс... канд. философ. наук. Ижевск, 2004. С. 28.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 2. С. 98.

⁷ См.: Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.

⁸ См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1987; *Он же*. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.

⁹ Дугин А.Г., *Логос и Мифос*. Социология глубин. М., 2010. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 550.

¹² Галанина Н.В. Социальная детерминация в структурах самоопределения: Дисс... канд. философ. наук. Ижевск, 2004. С. 33.

¹³ См. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

УДК 1:001; 001.8
ББК Ю6

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО, ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ КАДРОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

ДМИТРИЙ ИОСИФОВИЧ ГРЯДОВОЙ,

*профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор;*

НИНА ВЛАДИМИРОВНА СТРЕЛКОВА,

*заместитель начальника кафедры
философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент
Научная специальность 09.00.11 – социальная философия*

E-mail: Strell64@mail.ru

*Рецензент: доктор исторических наук,
доцент А.В. Чертищев*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрена проблема осмысления роли комплексного подхода к воспитанию личного состава органов внутренних дел.

Ключевые слова: комплексный подход, нравственное воспитание, патриотизм, духовность, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Annotation. Considered the problem of understanding the role of an integrated approach to education of police officers.

Keywords: integrated approach, moral education, patriotism, spirituality, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot.

Вопросы духовности, нравственности, профессионализма приобретают статус основополагающих в работе по формированию общей культуры специалиста органов внутренних дел и его духовному становлению как личности. Это положение обусловлено объективными тенденциями развития российского общества. Правоохранительная деятельность постоянно требует совершенствования процесса формирования личности специалиста органов внутренних дел. Анализ и обобщение воспитательной практики показывает, что ослабление внимания к процессу формирования личности сотрудника органов внутренних дел приводит к потере престижа службы в органах внутренних дел, значительной текучести кадров, росту нарушений дисциплины и законности среди личного состава, профессиональной деформации и т.п.

Изменение данной ситуации возможно достичь путем воспитания у сотрудников твердых государ-

ственно-правовых ориентиров, гуманистического подхода, доброжелательного отношения к гражданам, бескомпромиссности в борьбе с преступностью. Решению указанных задач способствовало бы применение комплексного подхода к воспитанию личного состава органов внутренних дел. Комплексный подход предполагает определенную связь, которая образует органическое единство, т.е. определенную систему, в которой все элементы взаимосвязаны, занимают определенное место и взаимовлияют друг на друга.

Тем самым комплексный подход противостоит:

- во-первых, одностороннему подходу, при котором тот или другой элемент абсолютизируется, что приводит к искажению даже того элемента, которому, казалось бы, уделяется наибольшее внимание;

- во-вторых, противостоит хаотичному, бессистемному подходу, который сознательно или несознательно полагает воспитание неким конгломератом несвязных, обособленных воздействий;

С ситуацией бессистемного подхода к воспитанию нередко приходится встречаться в практике воспитательной работы первичных коллективов, когда вся эта работа проводится с единственной опорой на сложившиеся стереотипы, на случайные навыки или личный опыт организатора воспитательной работы;

- в-третьих (и это наиболее существенно) противостоит разобщенному подходу, когда формально значение системы воспитания признается, но работа в принятых направлениях подобна, в лучшем случае, «движению по параллельным» – каждое направление само по себе, без точек пересечения. А ведь следует не только учитывать, но и реализовывать в воспитательной работе возникающие взаимосвязи; более того, прогнозировать с определенными воспитательными целями такие взаимосвязи. Без этого совершенствование системы воспитания личного состава органов внутренних дел обречено на неудачу¹.

Цель комплексного подхода – достижение органического единства воспитательных воздействий на формирование личности посредством организации, управления и совершенствования всей системы воспитания².

Вышеизложенное понимание комплексного подхода требует совершенствования всей работы по формированию у сотрудников органов внутренних дел твердых государственно-правовых ориентиров, всего образования и воспитания. Такое совершенствование как раз и связано, прежде всего, с реализацией комплексного подхода к воспитанию.

В чем суть этого подхода?

Во-первых, в органическом единстве трех сторон идейно-мировоззренческого, профессионального и нравственного воспитания. Именно они образуют «идейно-нравственную основу личности», определяют общую направленность ценностных ориентаций, составляют ядро жизненной позиции человека. Органическое единство трех сторон комплексного подхода требует не только учитывать при реализации одной – две другие стороны, но и видеть их взаимосвязь и целенаправленно управлять этой взаимообусловленностью.

Во-вторых, в учете особенностей различных профессиональных групп и коллективов. Это является непременным условием организации и проведения воспитательной работы в органах внутренних дел, повышения его эффективности. «Учет особенностей» означает дифференциацию воспитательных воздействий применительно к определенной социальной группе, конкретному коллективу и даже индивидуализацию воспитательного подхода, учитывающую особенности составляющих коллектив личностей. Комплексный подход предполагает и соответствующую особенностям объекта воспитания дифференцированность методов, форм и средств воспитательной работы.

В плане организационном, управленческом целесообразно различать уровни этого подхода. Самый общий, государственный уровень, связанный с необхо-

димостью учета особенностей развития страны и с вытекающими из этого общегосударственными решениями по вопросам системы образования и воспитания, деятельности массовых средств информации и т.п. Следующий уровень – коллектив. Данный уровень, в свою очередь, требует учета профессиональных особенностей коллективов правоохранительной системы. Это, как учет специфики каждого конкретного коллектива, так и учет внутри его разных социальных и возрастных групп, профессиональных различий, уровня и характера общеобразовательной, профессиональной и специальной подготовки. Только благодаря такой дифференциации обеспечивается оптимальность применения основных принципов комплексного подхода для каждого сотрудника органов внутренних дел; только такая «предметность и конкретность» обеспечивает «обратные связи», эффективность и качество самой воспитательной работы. Именно в таком случае в центре воспитательной работы оказывается личность, коллектив, а не «общий охват», не отдельные мероприятия, проводимые ради «галочки», т.е. отметки о выполнении безотносительно к качеству и смыслу.

И, наконец, в-третьих, комплексный подход, как уже отмечалось, предполагает продуманную во всех деталях систему воспитания, функционирующую на различных уровнях, – от общегосударственной системы воспитания до системы воспитательной работы в каждом подразделении органов внутренних дел, где эта система составляет органическую часть социального управления. Комплексный подход представляет собой реализацию задачи управления процессом формирования личности, т.е. применение теории управления социальными процессами в одной из наиболее сложных сфер жизни общества.

Теория и практика воспитания показывает, что перевод воспитательной работы на уровень управления является основным направлением повышения эффективности воспитания. Управление процессом воспитания предполагает формирование и утверждение в сознании сотрудника органов внутренних дел прочных, опирающихся на научные знания об обществе и социальной деятельности, убеждений и узловых ценностных ориентаций, социальных и духовных «матриц» целеполагания им своей многообразной деятельности. Конечная цель всего этого процесса – обусловить общую направленность всего жизненного пути сотрудника органа внутренних дел, создать условия для правильного самоопределения, нахождения своего места в активной созидательной жизни общества.

Успешное выполнение данной задачи достигается при непременном осуществлении тесного взаимодействия трех направлений работы:

- организация системы мировоззренческого образования и нравственного воспитания;
- формирование мышления специалиста;
- создание условий для реализации мировоззренческих знаний, духовно-нравственных и профессиональных установок в практической деятельности со-

трудника органа внутренних дел³.

В рамках юридического образования формирование специалиста возможно только на базе всесторонней подготовки. Этот процесс весьма сложен. Он не только сводится к овладению знаниями, а всегда предполагает оценку социальной действительности, опирающуюся на жизненные установки личности. Сами же эти установки формируются под влиянием духовной культуры личности.

Исследование проблем формирования духовной культуры в процессе овладения знаниями будущими специалистами органов внутренних дел, анализ сложившейся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя практики воспитания курсантов приводит к следующим положениям.

Во-первых, мировоззренческое и нравственное воспитание личности носит всеобъемлющий, всепроникающий характер, является неотъемлемым условием выработки у специалистов высшей квалификации идейности, гражданственности, политической зрелости, высокой нравственности, богатой правовой культуры.

Во-вторых, формирование мировоззрения и нравственности будущего специалиста органов внутренних дел важно не только для общего интеллектуального развития личности, но имеет непосредственную профессиональную значимость. Будучи прочно закрепленными в сознании специалиста, научное мировоззрение и нравственные принципы являются одним из важнейших условий процесса постоянного самообразования, духовного совершенства, повышения качества профессиональных знаний⁴; они придают политическим, нравственным и правовым оценкам действительности и поведению людей широкую масштабность, силу социальной перспективы.

В-третьих, сложный характер формирования правового мышления сотрудников органов внутренних дел как явления духовной жизни личности требует политического подхода к его формированию, а именно – тесной взаимосвязи всех изучаемых слушателями общественных, юридических и специальных дисциплин, единство теоретического осмысления научных данных и социальной практики будущего специалиста, органической связи социальной теории с современными проблемами правоохранительной практики.

В-четвертых, формирование мировоззренческих начал, духовности, правового мышления специалиста органов внутренних дел должно опираться на мировое культурное наследие. Современный человек должен рассматривать данное культурное наследие не только с точки зрения своих личностных мировоззренческих установок, но и с позиции общечеловеческих ценностей.

В-пятых, формирование духовной культуры специалиста органов внутренних дел обусловлено нравственным воспитанием. Цель нравственного воспитания практическая: сформировать нравственную личность, у которой не отдельные поступки, а вся система поведения соответствовала бы принципам и

нормам общественной морали.

На этих этапах формирования личности можно обнаружить три уровня нравственно-воспитательного воздействия.

Первый: целенаправленная работа по нравственному воспитанию. Это и есть то, что охватывается – более или менее полно, более или менее систематично – программами и планами нравственного воспитания, которые сегодня существуют не только в системе образовательных учреждений МВД РФ, но и в каждом подразделении органов внутренних дел.

Второй: косвенное нравственно-воспитательное воздействие всей системы воспитания и обучения во всем многообразии форм идейно-воспитательной, культурно-воспитательной работы, работы по повышению квалификации, по обучению новой специализации и т.п.

Еще более широкий круг образуется на этом уровне благодаря косвенному нравственно-воспитательному воздействию всей планируемой в подразделении системы органов внутренних дел деятельности: надо ясно представлять, что не только раздел нравственного воспитания в плане работы подразделения (коллектива), но и весь план со всеми его разделами обнаруживает при его реализации определенный нравственно-воспитательный эффект. Его необходимо прогнозировать, иначе он обнаружит себя стихийно и далеко не всегда в соответствии с целями и задачами нравственного воспитания.

Третий: нравственно-воспитательный, нравственно-формирующий эффект повседневного общения – стихийный, непланируемый, однако доступный косвенной регуляции, позволяющий уменьшить элемент стихийности. Это нравственно-воспитательный эффект межличностных контактов в коллективе, между коллективами, в ситуациях, когда сотрудник органов внутренних дел оказывается вне служебного коллектива; контактов, возникающих на службе, в быту, на улице, – словом в процессе тех мимолетных, одноразовых или более длительных межличностных контактов.

При организации работы по нравственному воспитанию с необходимостью следует учитывать все три уровня, поскольку они не существуют независимо друг от друга, но взаимодействуют, взаимовлияют и в результате дают весьма сложную, неоднозначную картину. Повышение эффективности воспитательной работы предполагает умение руководителя регулировать, координировать служебную деятельность сотрудников, целенаправленно стимулировать и поддерживать у них инициативу и творчество⁵.

Управление формированием нравственной жизни личности предполагает три относительно самостоятельных направления:

- управление процессом нравственного воспитания;
- управление нравственным формированием личности сотрудника органов внутренних дел;
- управление нравственностью.

Из этих трех направлений складывается целостная структура воспитательного процесса в органах внутренних дел. Позволим себе вкратце рассмотреть эти основные направления в управлении формированием нравственной жизни сотрудника органов внутренних дел.

Управление процессом нравственного воспитания представляет собой систему средств, методов и форм деятельности, направляемых на его организацию и эффективное функционирование. Помимо средств и методов, данный процесс предполагает также создание системы материальных и духовных стимуляторов; организации подготовки кадров, участвующих в воспитательном процессе; определение субъектов воспитания и т.д.

Управление нравственным формированием личности сотрудника органов внутренних дел состоит в обеспечении согласованности конкретных социальных факторов и субъективного отношения индивида к действительности нравственных отношений, становления его внутреннего миропонимания. Практическое решение проблемы управления нравственным формированием личности состоит в том, чтобы уметь сознательно ограничивать цели, задачи и компетенцию управления применительно к субъекту воспитания (личность, коллектив).

Управление нравственностью, т.е. функционированием подсистем морали (нормативно-оценочной, ценностно-ориентирующей) в служебных коллективах органов внутренних дел не сводится к определенным методам и средствам нравственного воспитания. Моральное управление ориентировано на формирование у личности представления о собственной социально-нравственной сущности, отражающей социальные потребности; оно связано с трансформацией моральных ценностей общества в мотивационную структуру личности. Речь идет не о подстраивании воспитания к некоему спонтанному процессу нравственного развития личности, а об организации ее деятельности. Последняя является сильнейшей доминантой, определяющей воспитание людей.

Программа повседневной трудовой деятельности конкретного служебного коллектива системы органов

внутренних дел определяется руководителем, который наделен полномочиями по принятию решения. И если эта система реализуемых решений не учитывает нравственных последствий, то никакие специальные методы и целенаправленные мероприятия не возместят ущерба, нанесенного воспитательной работе с сотрудниками правоохранительных органов.

Отсюда можно сделать вывод, что высокий уровень грамотности и компетентности проявляется только в умелом учете социальных, служебных и духовно-нравственных последствий каждого конкретного управленческого решения, представляет собой одно из основных качеств личности руководителя, без которого нельзя руководить коллективом системы органов внутренних дел. Многообразие же форм и методов позволяет руководителю осуществлять дифференцированный подход к различным категориям сотрудников, усиливать эмоциональное воздействие на них, обогащать их духовными ценностями, способствовать формированию преданных делу кадров органов внутренних дел, обладающих высокими моральными и деловыми качествами.

¹ Стрелкова Н.В. Организационно-управленческие вопросы воспитания кадров правоохранительных органов // Наука управления. Основы организации и управления в правоохранительной деятельности: научное издание. М., 2010. С. 726–728.

² Грядовой Д.И. Комплексный подход к воспитанию кадров правоохранительных органов // Юбилейный сборник научных трудов Московской академии МВД России. М., 2000. С. 101–104.

³ Игошев Н.А. Духовно-нравственное становление личности курсанта в процессе его воспитания в вузе МВД России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Н. Новгород, 2003. С. 15–16.

⁴ Боровых А.С. Профессиональное воспитание курсантов и слушателей в учебных заведениях МВД России в 1980-90-е годы: Дисс... на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. СПб., 2000. С. 25–26.

⁵ Грядовой Д.И., Пылев С.С., Стрелкова Н.В. Духовность, культура – важнейший фактор формирования личности специалиста органов внутренних дел // Духовность. Патриотизм. Традиции. Сборник. М., 1997. С. 27–35.

УДК 1.215
ББК 86.2+87.2

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ И.А. ИЛЬИНА И ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРИИ ПРАВА

АНДРЕЙ ЛЬВОВИЧ ЗОЛКИН,

профессор кафедры философии

Московского университета имени В.Я. Кикотя,

доктор философских наук, доцент

Научная специальность 09.00.13 – религиоведение,

философская антропология, философия культуры

E-mail: az20042004@mail.ru

Рецензент: доктор философских наук С.Р. Аблеев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется эволюция философских воззрений И.А. Ильин; устанавливается, что в ранний период своего творчества он создал нормативистскую теорию права, а затем существенно изменил свои взгляды и обосновал новый вид теории права, где центральной проблемой выступает проблема духовного обоснования права и правосознания. Определяются методологические принципы теории права И.А. Ильина, формулируется идея ценностной природы правовых феноменов. Делается вывод о том, что концепция духовных оснований правосознания должна стать частью современной теории права.

Ключевые слова: правовая норма, правовая категория, правовая ценность, правосознание, духовное основание.

Annotation. The analysis of the evolution of philosophical ideas I.A. Ilyin allows us to conclude that in the early period of his life he created normativists the theory of the right, and then significantly changed his views, and established a new kind of theory of law, the central problem which is the problem of spiritual justification of law and justice. The author has identified the methodological principles of the theory of law I.A. Ilyin, formulated the idea of the value of the legal nature of phenomena. On this basis concluded that the concept of the spiritual foundations of justice should become part of the modern theory of law and state.

Keywords: legal norm, legal category, legal value, legal norm, legal category, legal value, spiritual foundation.

Дискуссии в сфере построения теории права основываются на двух основных конкурирующих позициях. Первая из них обычно называется нормативизмом и объединяет правоведов, которые стремятся к созданию сугубо юридического формального правопонимания, свободного от смутных этических, психологических или социологических контекстов. Сторонники «широкого» правопонимания подвергают нормативизм критике и стремятся к более полнокровной теории права, которая бы органично включала в себя онтологическое объяснение права, т.е. отвечала бы на вопрос о природе права как такового.

Один из крупнейших представителей отечественной философии права И.А. Ильин интересен прежде всего тем, что пережил определенную эволюцию от нормативизма к «широкому» правопониманию. Осмысление причин подобного изменения во взглядах имеет интерес не только с точки зрения изучения творческой биографии этого русского мыслителя, но и для более глубокого понимания онтологической природы

права и методологической специфики современного правоведения.

В своей ранней работе «Понятия права и силы. (Опыт методологического анализа)» (1910) И.А. Ильин попытался обосновать нормативистское учение, в соответствии с которым право определялось как норма или совокупность норм. Под нормой здесь понимается суждение, устанавливающее некоторый порядок как должный. Таким образом, тезис «право есть норма» в развернутом виде гласит: право есть суждение, которое мыслится вне какой-либо пространственно-временной реальности¹. Научная ценность такого подхода заключается в его абстрактности, поскольку онтологическая проблема полностью снимается, а методологическая проблема упрощается до формально-логического анализа.

В результате, юридическое понятие права свободно от политических, этических и иных контекстов, а значит, из теории права полностью исключается весь спор «реалистов» и «идеалистов», спор между теми, кто подобно Иерингу, настаива-

ет на «принуждении» как отличительном признаке права, и теми, кто вслед за П.И. Новгородцевым, упрекает «реалистов» в аморализме и стремится внедрить в правоведение огромный пласт смутной этико-религиозной проблематики. «Юридическое рассмотрение, – пишет И.А. Ильин, – будет стремиться к отчетливому, по возможности, граненому отграничению понятия правовой нормы от понятия нравственной нормы, сознавая, что и нравственность, поскольку он ее касается, трактуется им не как психическая сила, а как норма морали»². Так же И.А. Ильин считает совершенно неправильным вводить в юридическое определение права признак «принуждения», если только под этим не подразумевается просто наличие санкционирующей нормы. Принуждение же как момент реального воплощения права из его определения должно быть исключено.

И все-таки И.А. Ильин отказался от этой стерильно чистой нормативистской концепции и выдвинул совсем иной проект теории права. Одна из основных заслуг русских философов-правоведов состоит в том, что они показали: претензия нормативистской юридической науки на знание права – не более как иллюзия, пустая абстракция, не ухватывающая истинную суть реального права³. Юристы-нормативисты уверены в том, что именно они являются хранителями подлинно юридического смысла права, но на самом деле они скрывают его, утверждая, что этот смысл отсутствует за пределами нормы.

Дальнейшая эволюция философско-правовых воззрений И.А. Ильина происходила под влиянием гегелевской философии, что можно увидеть в первой крупной работе русского философа – двухтомной диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), за которую он получил сразу две ученые степени: магистра и доктора наук. И И.А. Ильин существенно меняет, прежде всего, масштаб теории права, которая теперь мыслится им не как энциклопедия правовых понятий, а как фундаментальный способ саморефлексии народа, способ познания им своей политико-правовой судьбы.

Прежде всего, И.А. Ильин обращается к изучению философии права Гегеля, который трактовал право и нравственность, исходя из особого предметного опыта «духовной» сущности «духовного» значения правовых и нравственных состояний⁴. Метод Гегеля для И.А. Ильина представляет собой метод «художественного мышления», «мыслящей интуиции», или метод «предметного усвоения», или, наконец, метод философского опыта.

В чем здесь заключается методологический смысл? Западноевропейская философия права в своем основном русле развития стремилась к рационализации права и правоведения на основе принципов кантианства и позитивизма. Именно эти принципы стали отправными пунктами формирования западноевропейского правопонимания и правосознания.

Позитивизм и кантианство в методологии науки шли рука об руку с либерализмом в философии права как социально-политическим проектом, альтернативным исторической реальности. Критерии научности, которые навязывались познанию, были ограничительными, так что реальность превращалась в нечто иллюзорно-меоническое, а историческая реальность России – в нечто демоническое. Недостатки классического рационализма сегодня уже осознаются даже в методологии естественных наук, поскольку в своей глубинной основе действительность является принципиально невербализуемой. Сегодня даже естественнонаучное познание превращается в художественное творчество, поскольку «слабые стороны рациональной вербализации невольно компенсируются расширением символизма и метафоричности научного дискурса»⁵.

Таким образом, И.А. Ильин не порывает с идеалами научности; он просто переходит к иным критериям научности, стремится творчески переработать гегелевское понимание науки, сделав его основой теории права. Для Гегеля наука – это, прежде всего, философия, цель которой – овладеть познаваемым содержанием и вскрыть за неразумным обликом подлинный духовный смысл. Именно эта идея станет важной и для И.А. Ильина. «Философия права, – излагает мысль Гегеля И.А. Ильин, – должна ... «предметно усвоить» сущность права, морали, нравственности, добродетели и государства, раскрыть их духовное значение и назначение и указать им их место в ряду самоосвобождения духа»⁶.

Вместе с тем, И.А. Ильин не стал просто учеником Гегеля в философии права, поскольку некоторые принципиальные идеи немецкого философа его не устроили. Гегель посвящает свое исследование «действительному» и, в то же время, «разумному» праву, которое и называет «естественным правом». «Естественное право» как право есть создание человека, а не природы; «естественное» же оно потому, что оно определяется «природою самого предмета», т.е. понятием. Таким образом, то, что Гегель подразумевает под естественным правом, следует представлять как внутреннюю, смысловую сущность положительного права, это есть всеобщая логическая основа всякого права как такового. В результате, то, что Гегель называет «правом», невозможно подвести ни под понятие права в объективном смысле (правовая норма), ни под понятие права в субъективном смысле (полномочие, обязанность, запретность). Право есть для Гегеля особое состояние человеческого духа, «значение которого определяется всегда тем, что оно есть состояние божественного Духа»⁷. Именно в этом абсолютном содержании права Гегель видит его сущность и поэтому низводит специфический предмет юриспруденции до простого «знака», до эмпирического «символа» Духа.

Таким образом, философия права Гегеля это своего рода сверхюридическая теория, хотя и при-

дающая праву высокий духовный смысл, но превращающая юриспруденцию в слабую тень этого смысла. И.А. Ильин же ставил перед собой другую задачу, а именно, создать теорию права на основе синтеза идеи духовной природы права, раскрытой Гегелем в спекулятивно-метафизической плоскости, с идеей личности и с идеей обновленной юридической науки. И.А. Ильину остались чужды как идеи радикального этатизма, свойственные Гегелю, так и идеи либерального индивидуализма. В целом, главной концептуальной идеей философии права русского зарубежья является резкое противопоставление принципа персонализма идеям индивидуализма, заложенным в западноевропейской традиции правопонимания⁸.

Персонализм, ставящий личность в центр внимания, – есть одна из главных отличительных особенностей русской философии как таковой; в соответствии с этим и возникает проблема духовных оснований права как фундамент теории права. «Общую теорию права, – полагает И.А. Ильин, – придется пересмотреть всю. Самые идеи права и государства, отмиравшие в пустой отвлеченности, прикрепятся внизу к живой глубине правоощущающего духа и вверху к единой, объективной цели права и государства. По-новому раскроется идея субъекта права и всех элементов его статуса. Углубятся идеи правоспособности и дееспособности, правоотношения и правоприменения. Распутаются и разрешатся все основные «антиномии» общей юриспруденции»⁹.

Первый шаг в построении новой теории права связан с историко-сравнительными исследованиями. И речь идет не о том, что И.А. Ильин пытается объединить теорию права с историей права. В этом тезисе видится, прежде всего, отказ от методологического универсализма, свойственного западноевропейской юриспруденции. Теория множественности культур, первоначально сформулированная русским ученым Н.Я. Данилевским, а затем развитая О. Шпенлером и А. Тойнби, должна быть использована как методологический фундамент теории права. Определенные идеи, характерные для теории множественности культур, И.А. Ильин вполне самостоятельно использовал и в теории права. Понятие правосознания у И.А. Ильина очень напоминает понятие культуры у О. Шпенглера. «Тогда вся история человечества, – И.А. Ильин пишет, – предстанет перед ним как история правосознания, как множество отчасти замкнутых, отчасти взаимодействующих и отчасти преемственно связанных духовных кривых, выражающих своими волнами подъем и падение, усиление и ослабление, облагорожение и вырождение ряда национальных правосознаний и государств. Вся судьба каждого народа связана с жизнью и формой его политической организации; а политическая организация его есть не что иное, как выражение его правосознания, преломившего в себе его естественную данность (внешнюю и внутреннюю природу) и его

смутные, инстинктивно переживаемые цели. Само же правосознание есть состояние не просто душевное, а душевно-духовное, которое стоит в глубокой и тесной связи с религиозной жизнью индивидуума и народа и со всем присущим ему национальным характером и ритмом духовной жизни»¹⁰.

Поэтому и теория права для И.А. Ильина – это не просто вспомогательная дисциплина, в которой даются формальные определения юридических терминов, а способ познания человеком и народом своей исторической судьбы, культуры, своего проекта права и государства в процессе их исторического созидания. И в этом он также близок О. Шпенглеру, который считал, что выражением целостности и внутреннего самоопределения жизненного пути культуры является судьба¹¹.

Утверждая, что изучение национальной культурно-исторической традиции развития правосознания является основой построения теории права, И.А. Ильин был далек от идеализации исторического опыта России, сущность которого философ видел в крушении того государственно-правового уклада жизни, который состоит в систематическом отлучении «подданного» от власти и от государственного дела. И именно это отлучение в корне подрывает самую сущность государства и правосознания, поскольку политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо исключает такое подчинение. Сущность политической жизни мыслитель видел в самоуправлении, при котором каждый гражданин осознает в законе присутствие своей воли и своего разума. Отлучение же народа от власти ставит его во внеполитическое состояние. И.А. Ильин также с горечью упоминает про тяжелый груз исторического наследия, которым в русском человеке парализуется «умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности». С чувством видимого сожаления он пишет, что русскому предпочтительней всего представляется «состояние полуанархии» и что русский «лишь с большим трудом приучается к правопорядку»¹². Современные исследователи также подчеркивают этот аспект русского национального правосознания¹³.

Острых вопросов много и они должны получить свое философское осмысление. Стандартная методология этого осмысления очень часто сводится к рассечению исторического единства государственно-правового процесса на рациональную и иррациональную части с последующим предложением так или иначе избавиться от последней. Духовный же подход к праву намного сложнее, поскольку все социальные формы бытия человека: семья, государство, нация являются ценностями, а не только фактами. Ценность же приобретает характеристики положительной значимости не в силу своей стерильности и однозначности, а в силу своей абсолютности. И семья, и государство очень часто доставляют

человеку проблемы, но он их бережет, ценит и не должен соблазняться простыми решениями.

Но, что из этого следует? Для одних, что вся русская цивилизация представляет собой неудачный вариант общественного развития, а для нас это означает лишь то, что следует поставить перед собою центральную, философскую задачу всего правоведения – проблему нормального правосознания. «Нормальное правосознание, – утверждает И.А. Ильин, – это то, которое соответствует норме, которое в своей основе, в своем строении, в мотивации и в силе – верно; эта нормальность, эта верность его, взятая во всей полноте, дает идеальное, совершенное правосознание. Основу, корень нормального правосознания составляет предметное, безошибочное испытание самого права – единого, естественного права; и воля к нему»¹⁴.

Связь между духом и правом можно выразить так: необходимые формы духа составляют основы правосознания. В основе права всегда лежит живое и правое притязание человека на духовность, притязание на духовно-необходимые формы жизни, теоретическое выражение придает им вид аксиом¹⁵. «Быть нефиктивным субъектом права, – писал И.А. Ильин, – значит быть духовно зрелой личностью – вот первооснова правосознания, вот аксиома философии права, длительное пренебрежение к которой таит в себе возмездие»¹⁶.

Одним из показателей духовной зрелости личности является ее отношение к историческому опыту своей страны, к опыту построения права и государства. Революция, гражданская война, «перестройка» стали не только тяжелейшим испытанием для страны, но и источником нового опыта о праве и государстве. «И дважды за один век, – пишет П.П. Марченя, – Россия заплатила за непонимание собственной природы и механизма возникновения и развития общенародной смуты распадом исторически сложившейся имперской государственности: сначала царской, затем и советской»¹⁷.

Итак, духовная природа права раскрывается И.А. Ильиным на основе категории правосознания. Именно проблема правосознания является для мыслителя центральной проблемой юридической нау-

ки. Историческую миссию русской интеллигенции мыслитель связывал с пониманием и познанием дефектов и недугов своего и общенационального правосознания. Задача русского правоведения – осуществить это самопознание. Этот процесс и должен стать основой государственного обновления России.

¹⁴Ильин И.А. Понятия права и силы. (Опыт методологического анализа) // Собр. соч. М., 1993. Т. 4. С. 20.

¹⁵Там же. С. 32.

¹⁶Золкин А.Л. Ценностные основания права в отечественной философской традиции. Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 228.

¹⁷Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 297.

¹⁸Аблеев С.Р. Репрезентация научного знания: когнитивные пределы понятийного дискурса в исследованиях сознания. Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 207.

¹⁹Там же. С. 298.

²⁰Там же. С. 303.

²¹Золкин А.Л. Философия права «русского зарубежья» и современная юридическая наука. Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 210.

²²Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в десяти тт. М., 1999. Т. 9–10. С. 174.

²³Ильин И.А. Указ. раб. С. 215.

²⁴Галанина Н.В. Критика принципа детерминизма в гуманитарном знании представителями «философии жизни» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 211.

²⁵Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1992. С. 42.

²⁶Медушевская Н.Ф. Самоиндификация индивида contra хаос и произвол волюнтарности в отечественной гражданской культуре. Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 219.

²⁷Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1992. С. 224.

²⁸Золкин А.Л. Право и социальная этика в философии права русского консерватизма // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 217.

²⁹Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в десяти тт. М., 1999. Т. 9–10. С. 224.

³⁰Марченя П.П. Смутные поиски России: Смута в контексте росневедения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 213.

УДК 1:001; 001.8
ББК Ю6

«RUSSIAN SMUTA» И «НОМО EBRIUS»: «ЧЕЛОВЕК ПЬЯНЫЙ» КАК ФАКТОР «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МАРЧЕНЯ,

заместитель начальника кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, доцент
Научная специальность 09.00.11 – социальная философия
E-mail: marchenyap@mail.ru
Рецензент: доктор исторических наук, доцент А.В. Чертищев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается проблема осмысления места и роли алкоголя и «Человека Пьяного» (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*) во взаимодействии власти и общества России в ситуациях смут и революций. Пьяные погромы рассматриваются как важный фактор истории «смутных времен» (на примере русской революции 1917 г.).

Ключевые слова: Человек Пьяный (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*), алкоголь, пьяные погромы, смута, революция, массы, массовое сознание.

Annotation. Considered the problem of comprehension of the place and the role of the alcohol and «Drunk Human» (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*) in interaction of power and Russian society in the situations of strifes and revolutions. The drunken pogroms are considered to be the significant factor of «Time of Troubles» (for example, Russian revolution history in 1917).

Keywords: Drunk Human (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*), alcohol, drunken pogroms, «Smuta» (Time of Trouble, Distemper, Disturbance, Strife), revolution, masses, mass consciousness.

«Russian Smuta» и «Homo Ebrius» – «Русская Смута»¹ и «Человек Пьяный»² – два философско-антропологических, по своей сути, концепта, плотно объединенных как многочисленными эмпирическими, историко-фактическими материалами, так и относительно немногочисленными теоретическими, междисциплинарно-рефлексивными попытками их авторского осмысления. Сразу оговоримся, что такое переплетение тем смут и пьянства отнюдь не является сугубо русской/российской проблемой – *Homo ebrius* являлся и является одной из реальных движущих сил всевозможных «смут», массовых насильственных действий, масштабных беспорядков и прочих социальных отклонений в истории человечества в целом. Однако, налицо неслучайность сближения проблемы системных сбоев во взаимодействии власти и общества в России с проблемой *Homo nimii vini* – «Человека, чрезмерно пьющего» – в национально-культурном контексте. По шутливому (?) наблюдению исследователя «образа России» и «русского этоса» А.Е. Зимбули, вряд ли «еще в каком-то языке столь сближены, как в русском, слова «поддаваться» и «поддавать», «подданные» и «поддающие»... Если современный английский богат вкладом в области, сопряженной с такими понятиями, как *маркетинг*, *мониторинг*, *имиджмейкер*, *PR*, *кастинг*, *менеджер*, *глобалистика*, французский запечатлен всемирноупотребляемыми словами *парламент*, *премьер-министр*, *революция*, *гильотина*, *дуайен*, итальянский знаменит

своими словами *опера*, *сопрано*, *тенор*, *форте*, *пиано*, *глицсандо*, *крещендо*, *диминуэндо*, мы можем похвалиться такими изобретениями, как *самогон*, *сивуха*, *шуровик*, *ханыга*, *похмелье*, *посошок*, *с бодуна*, *перегар*, *чекушка*, *стопарь*, *наливай*, *плесни*, *остограммиться*, *залить zenки*, *принять на грудь*, *шандарахнуть*, *вздоргнуть*, *заложить за воротник*, *загудеть*, *нализаться*, *надраться*, *наклокаться*...»³. Разумеется, выводы из этого требуют определенной академической осторожности: слишком легко эта тема может перейти из предмета научного исследования в предмет публицистических спекуляций. Но сложно оспорить тот факт, что известнейшие строки русского классика: «Есть упоение в бою...» – применимы к роковым событиям нашей истории не всегда лишь в переносном смысле. «Упоение» нередко следует понимать в самом прямом смысле этого слова, так же, как и «упившихся» до «боевого» умопомрачения людей приходится признавать немаловажными участниками масштабных социально-политических процессов. Истоиво пьющие легко превращаются в неистово буйствующих – и связанные с этим социальные девиации составляют изрядную (если не непременною) часть набирающей обороты *Смуты*. Равно как и необходимость усмирить мутные потоки хмельного асоциального буйства, перегородив их государственной плотиной *Власти*, способной восстановить трезвый порядок, становится неотъемлемой составной частью механизма преодоления смуты и возвращения общества к социальной норме.

Вообще, вопрос о степени влияния алкоголя на ход именно русской смуты и русской истории относится к числу очень болезненных и противоречивых. Однако, еще А.Н. Радищев так сформулировал значимость этого вопроса для отечественной истории (*сохранена орфография и пунктуация издания. – П.М.*): «Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. – Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обогренив кровию от оплеух, **многое может решить доселе гадательное в Истории Российской!**»⁴ (*выделено мной. – П.М.*).

Вообще, в ситуациях смут, революций и прочих массовых социальных катаклизмов даже один факт непосредственной принадлежности человека к активно творящей историю массе уже сам по себе способен порождать состояние «опьянения» – причем не только от самозабвенного «упоения» в физиологическом смысле этого слова, но и от «упойительной» причастности к событиям подлинно исторического масштаба, от осознания личного соучастия в крушении «старого мира» и созидании «мира нового», «нового неба и новой земли». По словам поэта, «...Что нам до ветхих мудростей, до солнц / Закатных, отпылавших истин? / Вот час, кипящий юностью и кровью, / Вот ярый хмель столь крепкого вина, / Что всякая в нем гаснет горечь... (Э. Верхарн, перевод М. Волошина).

Увы, очень часто это «хмельное вдохновение» не остается лишь поэтическим образом, а получает вполне конкретную химическую подпитку и становится одной из реальных психофизиологических причин охватывающего революционную эпоху социального безумия. В определенном отношении, «смутное время» и злоупотребления алкоголем вообще неразделимы, как неразделимы состояние опьянения и состояние смуты (в душах, умах, народах, государствах...). Например, еще в 1916 г. пророчески выразил «смутное», но уже заведомо «пьянящее» предчувствие надвигающейся «смуты» О. Мандельштам: «О, этот воздух, смутой пьяный...». Спустя год воспетые поэтом «игра русского вина» и разбойный «спрятанный огонь» выбили прогнившую пробку одряхлевшего самодержавия. Но, вырвавшись на «воздух, смутой пьяный», они оказались вовсе не только красивыми художественными метафорами. Выяснилось, что выпущенный на волю джинн неведомой, «новой» – «Красной смуты» – имеет много общего с хорошо знакомым, «старым добрым» – «Зеленым змием»⁵.

Проблема научного осмысления «пьяного фактора» в политических событиях смуты по праву занимает особое место в комплексе вопросов, связанных с изучением различных аспектов действительного («непричесанного») участия народных масс в истории (как и реальных проявлений феномена массового сознания на ее критических этапах). При этом «пьяная

тема» в контексте своеобразной «антропологической химии» смут и революций одновременно является и одной из наиболее «жареных» и, казалось бы, «всем понятных», и, вместе с тем, наименее понятых. Да и сама тема представляет исключительный интерес для исследователя, не желающего упустить из виду далеко не последнюю социально-психологическую (или даже «социально-химическую») предпосылку пресловутой «бессмысленности и беспощадности» русского бунта. Особенно актуально осмысление алкогольной компоненты социально значимого поведения масс в тех случаях, когда бессмысленность и беспощадность массового насилия не только выглядят устрашающе иррациональными, но и действительно слабо поддаются рациональному осмыслению вне учета их «антропoхимической» составляющей.

Злоупотребления алкоголем издревле являются излюбленной питательной средой для роста и развития любых анархических и противоправных действий масс. Пьяные погромы, в которые зачастую выливались на практике многие увековечиваемые впоследствии во всевозможных «хрониках революционных событий» так называемые «революционные движения», и совершаемые на этой почве массовые насилия и захваты, с удручающим постоянством характеризуют «нижние этажи» стихии народной жизни в «смутные времена» отечественной истории.

Современные социологи указывают на неизжитую и в нынешней России актуальность «алкогольного фактора» в «переходные периоды» отечественной социальной жизни: «Проблема пьянства и связанных с ним последствий для России всегда была острой, болезненной. В силу целого ряда обстоятельств – характера народных традиций и обычаев, уровня культуры и материального благосостояния, особенностей природно-климатических условий – негативное воздействие данного социального явления на развитие сферы жизнедеятельности общества проявлялось, в отличие от многих других стран, особенно остро»⁶.

К этому стоит добавить, что в периоды качественных общественных трансформаций и исторических социопотрясений, свойственная значительной части российского общества традиция приема крепких напитков ударными дозами, получившая в соответствующей литературе наименование «северного стиля», закономерно становится уже не только обязательным элементом народной обрядности и привычным средством снятия стресса, но и сильнейшим катализатором массовых беспорядков, способствуя эскалации всех форм социального насилия и девиантного поведения. Еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших и (или) еще желающих выпить массах адресно выверенный лозунг призыва на безудержный русский пир: «Кто хочет пить и есть из готового – валися к Васье на широкий двор» (Да и былинный святой (*sic!*) богатырь Илья Муромец, бывало, обидевшись на князя, созывал массы сходным кличем: «Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские! Ступайте

пить со мной заодно зелена вина...», – что отдельные исследователи склонны рассматривать как древний прообраз всей русской революции 1917 г.)⁷.

Толпы нетрезвых сторонников буслаевской «политической платформы» и манипулирующие ими пассионарные авантюристы, вожди, жожаки и самозванцы, не единожды оказывали отнюдь не шуточное воздействие на исторические пути нашего государства и общества. В ситуациях безвластия и потери «почвы» алкоголь становится фактором политической истории, своеобразно консолидирующим *Традицию* и *Революцию*: мотивы и результаты массовых «революционных» волеизъявлений нередко напоминают побуждения и последствия массовых «традиционных» возлияний. Желание «попить, поесть и пограбить» является наиболее предсказуемым стимулом социальной психологии восставших масс, которые «вечным маятником» российской истории в очередной раз швырнуло из предельной крайности покорного равнодушия к политической жизни в беспредельную крайность неукротимой стихии разрушения во имя «русского размаха» и «русского разгула».

Актуализация и «политизация» подобных массовых настроений и архаических моделей поведения выведенных из равновесия и опьяненных вседозволенностью и, собственно, алкоголем масс, в свою очередь, создает идеальную атмосферу для «политических» лозунгов типа: «*Грaбь нагрaбленное*» (фактически традиционно: «*Сарынь на кичку*»). Кроме того, стоит учитывать и то, что по «русской моральной шкале», человек, совершивший злодеяние, не будучи при этом ни пьяным, ни одержимым, априори оценивается гораздо строже (психологический факт: в России – внеюридически – состояние опьянения, как правило, воспринимается человеком и обществом как «смягчающее обстоятельство»). Поэтому, предполагая совершение очевидно (для трезвого сознания) неблагоприятных поступков, «традиционный» человек стремился привести себя в соответствующее состояние – тем самым как бы частично оправдывая себя перед судом общественного мнения и собственной совести. Понятно, что пьяного легче подвинуть на «экспроприацию экспроприаторов», особенно если предмет экспроприации будет еще и сама выпивка – как повод к продолжению «праздника революции» (ибо, как говорили в народе, «где вино, там и праздник»). Очевидно так же и то, что энергию масс наиболее легко «выплеснуть на улицу», если масса «плеснет в себя». При определенных условиях, отношение масс к выпивке легко может служить не просто обычным средством манипуляции со стороны тех или иных политических сил, но и достаточно действенным орудием борьбы за власть. Поэтому алкоголь являлся (и является) мощным фактором, который можно использовать в политической борьбе⁸.

Так, Русская смута 1917 г. может служить хрестоматийно-классическим примером превращения алкоголя в политическое оружие массового поражения, причем это наглядно иллюстрируется не только относительно широко представленными в литературе материалами Ок-

тября и после, но и пока недостаточно в этом контексте осмысленными материалами «от Февраля к Октябрю»⁹. Алкоголь был одним из важных факторов, не просто характеризующих образ смуты, но придающих целостное единство самой смуте в целом – он активно влиял на массовое сознание, объединял в «массу» представитель самых различных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т.д. В известном смысле, алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один всеобщий мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные.

Несмотря на очевидно значимую и неприглядную роль алкоголя в истории 1917 г., из сказанного отнюдь не следует, что революционные события этого времени могут быть сведены к пьяному безумию смуты. Затуманивая и отупляя рассудок, алкоголь во многом обнажал и обострял чувства. И ошибочны или даже преступны попытки свести горькую правду народа в революции к алкогольной биохимии народных эксцессов, а результаты массовых волеизъявлений – к последствиям массовых возлияний. Напротив, автор убежден, что массовые феномены общественной жизни России в ее критических ситуациях (даже если они и выглядят внешне как проявления сплошного катастрофического социального безумия) внутренне подчинены неявной исторической логике более высокого порядка¹⁰. Современные события показывают, что описанные угрозы не остались в прошлом. Они требуют серьезного к себе отношения власти и общества.

¹ Марченя П.П. Смутные поиски России: Смута в контексте руссиеведения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 213–215.

² Марченя П.П. «Номо ebrius» в антропологии русской смуты: к постановке проблемы // Философские исследования и современность: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: ИД Акад. им. Н.Е. Жуковского, 2014. С. 137–162.

³ Зимбули А.Е. Русский этос [в рамках проекта РФГНФ «Образ России: национальное самосознание и современность»] // <http://aesthetics-herzen.narod.ru/Zimbuli.doc>.

⁴ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 230.

⁵ Марченя П.П. «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43.

⁶ Заиграев Г.Г. Особенности алкогольной ситуации в России 90-х годов // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М. 2000. С. 84.

⁷ См.: Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 630–633.

⁸ Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84–95.

⁹ Марченя П.П. Фригийский колпак Февраля и терновый венец Октября // Обозреватель–Observer. 2013. № 7 (282). С. 103–114.

¹⁰ Марченя П.П. Безумие и логика русской смуты // Родина. 2010. № 8. С. 80–81.

УДК 340
ББК 67.0

РОССИЙСКОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА МЕДУШЕВСКАЯ,

доцент кафедры философии Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук

Научная специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

E-mail: Sapfo2@yandex.ru

Рецензент: доктор исторических наук, доцент А.В. Чертищев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются проблемы конституционализма в России в контексте историко-культурных особенностей, связанных с традициями, ценностями, менталитетом, пониманием роли государства в повседневном мире россиянина; соотношения власти и закона, права и свободы. Отмечается роль гражданского общества в становлении конституционного государства; указывается на необходимость выработки эффективного механизма движения к общей цели.

Ключевые слова: права человека, конституционное государство, социальный институт, ментальность, гражданское общество, правовая культура, социоцентристский патернализм, власть, демократизация.

Annotation. The article is devoted to the problems of constitutionalism in Russia in the context of the historical and cultural peculiarities connected with traditions, values, mentality, understanding of the role of the state in the everyday world of the Russians, the ratio of the power and the law, the right and freedom. Is noted the role of civil society in the establishment of the constitutional state, need of development of the effective mechanism of movement to a common goal.

Keywords: human rights, constitutional state, social Institute, mentality, civil society, legal culture, socio-centric paternalism, power, democratization.

Права человека выступают связующим звеном между Конституцией и основанным на ней правопорядком, являются нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения конфликтов. Б.А. Кистяковской в сборнике «Вехи» писал: «Само современное государство основано на компромиссе, и конституция каждого отдельного государства есть компромисс, примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве»¹. Об эффективности существующего правопорядка мы можем судить по тому, насколько гарантированы основные права и свободы, и как они реализуются. Построение гражданского общества, условием эффективности которого выступает правовое государство, – одна из основных задач, стоящих перед современной Россией. Общество и все его слои должны усвоить конституционные нормы, признать их высокую ценность и общеобязательность. Конституция Российской Федерации является основой формирования и совершенствования конституционного правосознания, оказывая на граждан воспитательное воздействие.

По уровню политических свобод Россия отстает от многих демократических государств. Кроме того, многие права и свободы не были, что называется, «выстраданы» россиянами, а оказались спущенными сверху, «дарованы», а, следовательно, соответствовали привычному для граждан России насильственному способу решения политических проблем. Любое же насилие, хоть и привычное для россиянина и во многом соответствующее традиционному строю общественной жизни, не кооптируется им эмоционально и ценностно, вызывает бессознательный протест и несогласие, не становится необходимым экзистенциалом личностного бытия. Это еще больше усиливается благодаря декларативности провозглашенных прав и свобод, для реализации которых был создан механизм, трудно осуществимый на практике. И уж тем более не способствует реализации прав и свобод усиление политической роли государства, которое «твердой рукой» вершит правосудие и наводит порядок.

Россия в поисках конституционализма копировала образцы, принятые в постиндустриальных странах, но эта практика показала, что результаты преобразований, осуществленных вне контекста российской истории и

культуры, разительно отличаются от своих моделей. Реформирование традиционного социального института российского государства вне учета ментальных особенностей населения, культурной среды и исторических корней не привело к ожидаемым результатам. Первоначально казалось, что достаточно осуществить институциональные преобразования: демократизацию, разделение властей, защиту прав человека, чтобы модернизировать общество по западному образцу и усовершенствовать социально-политическое устройство страны. Однако, игнорирование культурно-исторических особенностей страны, моделей поведения россиян, менталитета, ценностных ориентаций, традиций, обычаев, норм как писаного, формального, так и неписаного права сказалось на реализации конституционализма, формировании правовой и политической культуры. О.В. Гаман-Голутвина отмечает: «По истечении десятилетия после начала преобразования очевидно: институциональные преобразования представляют собой необходимое, но отнюдь не достаточное условие демократизации социально-политического устройства. Не менее важны такие характеристики социума, как сложившиеся в процессе историко-политического развития устойчивые модели мышления и поведения властных сообществ и массовых групп; ценности, нормы и традиции, регулирующие социально-политические отношения в обществе и сам характер политического участия»².

Культурное ядро позволяет выделить некие системные характеристики, которые являются культурным кодом в надбиологическом поведении человека, связаны с архетипами коллективных форм духовного освоения действительности. Русская культура, хоть и усваивает промышленно-техническую модернизацию, относится с недоверием на ментальном уровне к таким явлениям, как разделение властей, независимый суд, гражданское общество, средний класс, индивидуализм, политизм и автономия личности. Если эти реалии не усваиваются культурой и остаются чуждыми, то они либо превращаются в пустые формы, либо отторгаются.

Для российского правового менталитета свойственна первичность государства по отношению к праву, власти над законом, что не способствует пониманию и принятию права, согласия с ним и его нормами. Неспособность русского человека к принятию правовой организации отмечал еще в XIX в. П.Я. Чаадаев. Социоцентристский патернализм исходит из понятия общего блага или общей пользы, оправдывает создание не столько правоохранительных, сколько надзирающих и контролирующих жизнь каждого россиянина органов. Служение российской государственности всегда требовало от индивида полной отдачи, героизма, жертвенности и аскетизма. В русском человеке, который привык во всем полагаться на силу и власть государства, сформировался жесткий автократический этатизм, что в итоге привело к разрыву между должным и сущим, неумению и нежеланию прочувствовать глубинные основы правовой жизни, понять значи-

мость права³. Современное российское общество состоит из разобщенных, неконсолидированных индивидов, оно расколото, общая культура населения низкая, общественная жизнь варваризируется, а право формируется, порой, в контексте неправовых практик. Ментальные установки россиянина трансформируются и принимают подчас уродливые формы, когда жизнь «по правде» превращается в жизнь «по понятиям».

На современном уровне происходит процесс, с одной стороны, адаптации, а с другой стороны, конфликта между традиционным и модернизированным уровнем культуры и общественного сознания. Этот процесс болезненный и неоднозначный, лежит в плоскости поиска «середины» между традиционализмом и реформизмом.

В обществах «догоняющего развития», к которым часто относят российское общество, наблюдается неоднозначное сочетание крайних форм индивидуализма с ожиданиями опеки и госпатернализма. Возникает некий гибрид индивидуалистических и коллективистских начал. Массовый человек считает, что имеет право делать то, что хочется, не соблюдая обязательств и не испытывая ответственности перед обществом и государством, которые, по его мнению, должны обеспечивать его благополучие. Культура разрешения конфликтов требует стойкой демократической привычки, стабильной политической демократической системы, эффективной рыночной экономики, отказа от декларативных представлений о правах человека. В современной России наблюдается рассогласованность между провозглашаемыми нравственными принципами и реальным уровнем моральных притязаний по отношению к себе и окружающим. Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалии, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, политической деятельности, бизнесе, расцениваются как умение отстоять свое достоинство и права.

В современной российской правовой культуре традиционализм имеет как положительные, так и отрицательные черты. К первым следует отнести осторожность в одобрении «сомнительных» нововведений, милосердность, коммуникативность и солидарность, оказание взаимопомощи, совестливость, поиск добра, терпимость, терпеливость, умение выживать в трудных условиях и др.

Развитие конституционализма осложнено слабостью гражданского общества. Исторически социальное неравенство воспринималось большинством населения как данность и необходимость, поэтому ценности свободы, заложенные в реформах второй половины XIX в., натолкнулись на социоцентристскую основу российской правовой системы и ментальности, в которых личность не была свободной и дисциплинированной правом, хотя отдельные демократические традиции в России все же существовали. Так, даже при крепостном праве русская община обладала от-

носителем самостоятельности и демократическим самоуправлением, что в определенной степени могло ограничить произвол помещиков.

Кризис гражданственности связан у современного россиянина с утратой общественных идеалов, прозрачностью выдвигаемых политических целей, с непониманием своей социальной роли, с отчужденностью от власти и права. Для россиян в целом характерен низкий уровень ожиданий и притязаний, а будущее туманно и неопределенно.

Но, несмотря на несистемность и хаотичность, неорганизованность и отсутствие четко выраженной платформы и национальной идеи, целей и обоснованных перспектив, можно констатировать появляющиеся сдвиги по части самоорганизации общества, активизации гражданственности индивидов, не принимающих любые формы авторитарной диктатуры и предпочитающих межличностную солидарность. Российская ментальность начинает стремиться к диалогизированному единению с другими социальными субъектами с учетом собственной идентичности, без растворения «я» в «мы».

Гражданское общество не может быть неотчужденным от государства, являясь его критиком и контролирующим органом, и это противостояние способно усиливаться в случае наличия в обществе развитых демократических процедур. Именно гражданское общество является источником правового нормотворчества, способствуя реформированию демократических форм в соответствии с изменяющимися общественными потребностями. Конечно, в обществе, где отсутствует понимание конституционализма, а демократизация приобретает искаженные формы, путь к правовому государству оказывается чрезвычайно трудным. Он осложняется и теми многовековыми традициями, которые связаны с существованием монархического сознания и гипертрофией государственности, всеилием властных структур, наличием сословных различий, указно-распорядительным управлением. В политической и правовой культуре России укоренилось подчиненное положение человека в отношениях с властью. Неслучайно, сначала славянофилы, а затем Н.А. Бердяев отмечали «безгосударственность» русского народа. Притом одновременно философ подчеркивал, что Россия является самой государственной, бюрократической страной в мире⁴.

Страна, как и прежде, находится перед выбором, что предпочесть, ценности закрытого общества, идеологию противостояния с постоянным поиском внешнего врага и имперскостью, управляемую имитационную демократию с усилением силовых структур, укреплением режима личной власти и усиления контроля за гражданами страны, декоративность формального гражданского общества или отказ от патернализма, развитие действительно рыночной экономики, гражданскую активность и правопослушность населения. В открытом обществе индивиды, вступающие в политические, правовые, гражданские и хозяйственные отношения, имеют равные права и возможности. Основой такого общества становятся контрактные отношения при строгом соблюдении принимаемых обязательств, а отношения между индивидом, государством и обществом строятся через систему прав и обязанностей.

Главное, что следует усвоить формирующемуся в России гражданскому обществу, это то, что оно не должно пойти по пути усиления противостояния и даже в самых крайних случаях всегда оставаться в правовом пространстве и конституционном поле. В современной России необходимо создать эффективный механизм социального движения к общей цели, систему социальных гарантий и социального контроля, гуманизировать право, разрушить прежние мифологизированные стереотипы авторитарной культуры, содействовать распространению демократической культуры при помощи СМИ, интернета, образовательными средствами, создать государственную поддержку развития структур гражданского общества и направить государственную политику на поддержание их статуса.

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права. // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 118.

² Гаман-Голутвина О.В. Новые измерения в понимании политической культуры: роль социокультурной составляющей // Россия в современном диалоге цивилизаций. М.: Культурная революция, 2008. С. 101–102.

³ Медушевская Н., Сигалов К. Духовная среда российского права. Саарбрюккен: изд-во ЛАП ЛАМБЕРТ Академик Паблинг, 2012. С. 299–326.

⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 199.

УДК 14; 130
ББК 87.0; 87.5

К ВОПРОСУ ОБ АНТИЧНЫХ ИСТОКАХ ЗАПАДНОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НЕГАНОВ,

старший преподаватель кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: vladimir.neganov@gmail.com;

КОНСТАНТИН СТАНИСЛАВОВИЧ ЩЁЛОКОВ,

преподаватель кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: kon-bureocrat@yandex.ru

Научные специальности 09.00.03 – история философии;

09.00.13 – религиоведение, философская антропология и философия культуры

Рецензент: доктор исторических наук А.В. Чертищев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проанализированы истоки противоречивости современной западной культуры. Рассмотрены многочисленные факты проявления кризиса постмодернистской западной цивилизации. Установлена взаимосвязь между некоторыми принципами античной философской мысли и индивидуалистическим идеалом современной западной культуры.

Ключевые слова: индивидуализм, противоречивость, релятивизм, постмодернизм, античность, свобода.

Annotation. Analyzed the origins of the contradictions of modern western culture. Numerous manifestations of postmodern crisis of western civilization testify to the relevance of the topic. The authors found a relationship between some of the principles of ancient philosophical thought and individualistic ideal of modern western culture.

Keywords: individualism, contradiction, relativism, postmodernism, antiquity, liberty.

Противоречивость является одной из отличительных черт развития современной западной цивилизации. Противоречия можно обнаружить в экономике, политике, социальной и духовной сферах. С одной стороны, провозглашаются высокие гуманистические и социальные идеалы демократии и равенства, а с другой, – имеет место кризис в экономике, где стал преобладать спекулятивный финансовый капитал, лицемерная практика двойных стандартов в политике, отказ от принципа мультикультурализма, возведение в ранг высших ценностей сексуальной свободы и защиты прав сексуальных меньшинств. Эти и другие противоречия ведут к зарождению и эскалации конфликтов на межэтнической, расовой, национальной и религиозной почве.

Одним из ярчайших примеров последнего является расстрел исламскими боевиками коллектива редакции газеты «Шарли Эбдо» во Франции. Часть западного общества сочла это событие атакой на абсолютизированный для европейцев принцип свободы слова и самовыражения и в качестве поддержки сотни тысяч людей носили майки с надписью «Я Шарли», а также раскупили многомиллионный тираж непопулярной прежде газеты. Напротив, другая часть общества сочла расправу над французскими художниками хоть и слишком жестокой карой, но вполне заслуженной за глумливые, провокационные, оскорбительные, порнографические

карикатуры на пророка Мухаммеда, Иисуса Христа и других святых, что было главной идеей этой газеты.

В Голландии в течение нескольких лет совершенно легально существовала партия «за любовь к ближнему, свободу и многообразию», которая выступала за снижение возраста согласия с 16 до 12 лет (а затем полной его отмены), а также за легализацию секса с животными и детской порнографии. Не говоря уже о разрешении легких наркотиков, легализованной проституции и однополых браков.

Сюрреализм, дадаизм, абсурдизм, политический нигилизм констатируют «тотальную утрату и исчезновение культуры, смысла и эстетического чувства». «Я констатирую, я принимаю, я примиряюсь с революцией XX века, революцией постмодерна, которая является тотальным процессом разрушения смысла... происходит культурная апотропия, процесс по трансмутации традиционной культуры смысла в случайный порядок знаков, в порядок симулякров (третий)»¹.

Зарождение и развитие европейского индивидуализма явилось колоссальным цивилизационным шагом вперед в развитии человечества. Это привело к раннему разложению общины и отмене крепостного права, развитию мануфактур и свободного рынка, великим географическим открытиям, формированию капитализма, институту прав человека и секуляризации культуры,

что позволило западной цивилизации доминировать на протяжении веков. Однако, логическое и историческое развитие индивидуализма происходит по пути дальнейшей абсолютизации роли личности, превращении этого принципа в самоцель, в самодостаточную и главенствующую надреальность, которая определяет все остальное окружающее (веру и разум, человека и общество, этику и эстетику), т.е. индивидуализм вырождается в симулякр. В результате выродившийся индивидуализм становится неуправляемым и, в перспективе, приводит к нежизнеспособности общества.

Важнейшую роль в формировании мировоззренческого фундамента западной культуры играет философская мысль античности. Именно там закладываются основы понимания свободы, индивидуальности, равенства и т.д. Представляется, что источники подобной противоречивости западной культуры, релятивизма, глобальной утраты смысла берут свое начало уже в эпоху античности.

Так, известнейший софист Протагор прославился своим методом противоречий. Учение Протагора сложилось на основе переработанных в духе релятивизма идей Гераклита, Парменида, Эмпедокла и Демокрита. Основа релятивизма Протагора – его учения об относительности знания и материалистическая натурфилософия, ибо «причины всех явлений лежат в материи»².

Первое обоснование релятивизма основано на том, что «материя текуча и при течении ее непрерывно происходят прибавления взамен убавлений ее и ощущения перестраиваются и изменяются в зависимости от возрастов и прочих телесных условий»³. Тем самым, принцип абсолютной изменчивости материи Протагор распространяет и на познающего субъекта. Поэтому первое обоснование сводится к тезису: *непрерывно изменяются как объект, так и субъект*.

Второе обоснование основано на положении о том, что «ничто не есть само по себе, но все всегда возникает в связи с чем-то»⁴. Поэтому второе обоснование сводится к тезису: *все возникает и существует лишь в отношении к другому и ничто не существует само по себе*.

Третье обоснование основано на положении о том, что «и если что-либо совершается одинаковым образом, то значит, совершается по одной и той же причине, а противоположным образом – то по противоположным причинам»⁵. Поэтому третье обоснование сводится к тезису: *все существующее в мире предполагает противоположное себе*. Поэтому мудрый человек тот, кто, «если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло, сумеет превратить его в кажущееся и действительное добро»⁶.

Вышеизложенные положения – три онтологических принципа релятивизма – лежат в основе учения Протагора. На этой основе строится и его гносеология, поскольку, если непрерывно изменяются объект и субъект познания, все существует лишь в отношении к другому и переходит в себе противоположное, *то о каждой вещи возможны два противоположных, при-*

том одинаково истинных мнения. «(Протагор) первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу ... И(еще он говорил), что все истинно»⁷. Эти положения являются базовыми в понимании его метода противоречий.

В античности против такого подхода выступали Демокрит, Платон, Аристотель. Последний, основываясь на формально-логическом законе непротиворечия, утверждал, что два противоположных высказывания об одной и той же вещи не могут быть одновременно истинными, а относительно Протагора писал: «(его дело) есть ложь и не истина, но кажущееся правдоподобие, и (ему нет места) ни в одном искусстве, кроме как в риторике и эристике»⁸.

Однако, если даже эти замечания были бы высказаны Протагору в соответствующее время, то он вряд ли прислушался к ним. Протагор, будучи крайним релятивистом, всегда находил нетривиальные аргументы для обоснования своих взглядов.

Обосновывая тезис о возможности одновременной истинности двух противоположных мнений о вещи, Протагор утверждал, что для принятия решения об истинности того или иного мнения нужно принять точку зрения той или иной стороны. Человек свободен и за ним право выбора. Соответственно, конечной инстанцией выбора истинного высказывания является человек. Именно этим определяется *знаменитый тезис Протагора*, с которым он вошел в историю философии: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют»⁹.

Платон в диалоге «Кратил» устами Сократа поясняет этот тезис: «(Протагор говорил), что мера всех вещей есть человек, – и, следовательно, какими мне представляются вещи, такими они и будут для меня, а какими тебе, такими они будут для тебя»¹⁰. Поэтому критерий истины есть человек, индивидуум. Так, принцип «человека-меры» распространяется на знание, обуславливая тем самым его *относительный* характер. Такой подход превращает в относительное не только знания, но этические нормы и религиозные представления.

Таким образом, Протагор осуществляет переход от гносеологического релятивизма к *этическому релятивизму*, который строится на понимании полезности материальных благ и моральных ценностей относительно личного мнения (выгоды) человека.

Гносеологический, этический и религиозный релятивизм Протагора в современном мире дополняется также абсолютизацией идеала потребления, личного комфорта и потакания собственным страстям, что также обнаруживает свои античные истоки. Основой философского учения киренской сократической школы был этический гедонизм.

Гедонизм целью жизни и высшим благом признает наслаждение; добро определяется как то, что приносит наслаждение, а зло – как то, что влечет за собой страдание. Гедонистическая этика киренаиков вела к аморализму, когда критерием добра и зла оказывалось наслаждение.

Таким образом, одним из источников противоречивости современного западного общества являются античные теории этического релятивизма и гедонистического аморализма. Эти теории с неизбежностью ведут к обесценению традиционных нравственных и религиозных ценностей. Последствия разложения фундаментальных ценностей могут быть только печальными; они ведут к нарастанию социальной напряженности.

Есть ли выход из этого замкнутого на искаженное представление о свободе человеческой личности круга? Индивидуализм как ложно понятая свобода самовыражения и безусловного самооправдания собственных страстей может привести к непоправимой глобальной войне цивилизаций.

В этом контексте, интересно проследить, каким образом в античности был преодолен кризис релятивизма софистов и поможет ли это в преодолении кризиса современного постмодернистского общества. История философской мысли предлагает нам два альтернативных выхода из этой ситуации. Первый – это логика Аристотеля, что в современном контексте может являться сциентистским направлением развития культуры. Второй – это философия Платона, утверждающая наличие эйдосов как неких онтологических объективных первопричин и этических стандартов бытия человека. Что в современном обществе может яв-

ляться возвращением к религиозному мировоззрению и стремлением к достижению, в частности, христианского святоотеческого идеала¹¹. Весь вопрос в том, пройден ли весь путь на «дно» до конца и мы на пороге изменений, или нам предстоит еще долгое падение в пучину хаоса, релятивизма и противоречивости¹².

¹ Бодрияр Ж. Симулякры и симуляция. http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml/

² Антология мировой философии. В 4 т. Т.1. М.: 1969. С. 317.

³ Там же, С. 316.

⁴ Секст-Эмпирик. Три книги пирроновых положений. В 2 т. Т. 2. М.: 1976. С. 252.

⁵ Платон. В 3 т. Т. 1. М.: 1968. С. 216.

⁶ Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. М.: 1969. С. 317.

⁷ Там же. С. 318.

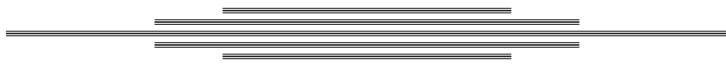
⁸ Там же. С. 318.

⁹ Там же, С. 316.

¹⁰ Платон. В 3 т. Т. 1. М.: 1968. С. 418.

¹¹ См. подробнее: Неганов В.В. Проблема нравственного совершенствования в философской традиции каппадокийской школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». М., 2012. № 2. С. 56–61.

¹² См. подробнее: Щелоков К.С. Бюрократизация государства и права // История государства и права. М., 2007. № 12. С. 17–19.

УДК 101
ББК 87

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СПОРТА

ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ БЕЛЬСКИЙ,

*начальник кафедры социологии и политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выделяются и анализируются история и значение философского рассмотрения спорта, задачи философии спорта и значение формирования адекватной целям и задачам исследования философской методологии; излагается их авторская оценка; предлагаются подходы к решению.

Ключевые слова: спорт, телесность, методология, аксиология, эпистемология, воспитание, нравственность, искусство, тренер, тренировка, личностный рост, философ.

Annotation. The history and value of philosophical consideration of sport, a problem of philosophy of sport and value of formation adequate to the purposes and research problems of philosophical methodology are allocated and analyzed, their author's assessment and approaches to the decision are stated.

Keywords: sport, corporality, methodology, axiology, epistemologiya, education, moral, art, trainer, training, personal growth, philosopher.

Вышедшая в 1969 г. книга Пола Вейса «Спорт: философское исследование» вызвала большой интерес зарубежных философов, ученых, политиков, общественных деятелей и активистов массовых движений. «Журнал по философии спорта» в этом году отметил свое сорокалетие, приблизившись к определенному еще античными мудрецами возрасту акнэ – наиболее полному и гармоничному раскрытию всех творческих способностей. В 1972 г. было создано «Философское общество по изучению спорта».

Философское исследование спорта открывает новые возможности, о которых ранее зарубежные и отечественные философы не могли мечтать. Если Р. Рорти утверждал, что философия плохо подходит для выражения национализма и рассуждений о национальной гордости, то философия спорта во многом призвана опровергнуть это его утверждение.

Философия спорта – это, прежде всего, теоретическое осмысление и анализ концепций, постановка вопросов о ключевых спортивных проблемах, а также связанных с ними методов восприятия телесности. На более общем уровне это выражается в определении и артикуляции природы, сущности, целей и значения спорта как явления культуры и важного элемента бытия.

Философия спорта несводима к пониманию и рассмотрению его лишь на уровне явления. Исследования представителей различных областей философии раскрывают перед нами оценку спортивных практик. Необходимо сформировать независимое и полное представление о самом спорте.

Методологическая основа философии спорта в ряде аспектов еще четко не сформирована. Однако, суровая действительность наглядно показывает необходимость поиска критических подходов и концепций в определении философии спорта как особой интеллектуальной деятельности; она требует общественного вызова собственным предвзятым мнениям и руководящим принципам, относительно природы и целей философии и спортивных состязаний¹.

Будучи, в том числе и формой философской беседы, философия спорта воплощает формальный и контекстный характер общей философии. В отличие от представителей биомедицинских наук о спорте, философы (точно так же, как социологи и ученые гуманитарных наук) проводят исследования, которые открыто рефлектируют самость спортивной философии, ее феноменов. Методологические успехи, которые могут быть достигнуты в предметном поле философии спорта, изначально не предполагают идею линейного развития, которая принята в пределах естественных или биомедицинских наук о спорте.

Философия спорта характеризуется концептуальными исследованиями природы спорта и связанных с ним понятий, областей и профессий. Это заставляет исследователей искать новые феномены в области философии, развивать разнообразие общей философии, отражать широкий спектр теоретических поло-

жений в описании феномена спорта, телесности. Это положение наиболее конкретно отражается в главных вопросах основных философских направлений. Конкретными примерами в спорте, видами деятельности человека, связанными с использованием тела в спортивной практике мы можем следующие.

1. Эстетика. Действительно ли спорт – форма искусства? Могут ли быть произведением искусства спортивные соревнования? Можем ли мы объективно оценить спортивные действия с эстетической точки зрения?

2. Эпистемология. Может ли кинестетическая деятельность быть названа знанием? Когда мы в состоянии адекватно оценить свою готовность выполнить спортивный трюк? Должны ли быть у тренера специальные знания, чтобы эффективно проводить тренировки?

3. Этика. Являются ли занятия спортом обязательным условием развития положительных качеств индивида? Как мы принимаем решение вступить в спортивное состязание? Действительно ли существует идеал спортивных состязаний?

4. Философские проблемы естествознания и гуманитарных наук. Естественно ли для людей «животные правила» ведения игры?

5. Философия образования. Можем ли мы обучить и воспитать ребенка нравственным посредством спорта? Неизбежен ли патернализм в спортивной тренировке и обучении? Что мы подразумеваем под понятием «спортивное умение»?

6. Философия права. Могут ли дети давать самостоятельно согласие участвовать в профессиональном спорте? Каким образом закон отражает правила поведения в спортивной сфере?

7. Философия разума (Является ли ментальный тренинг спортсменов просто формой развития воображения?).

8. Нормативная философия. Являются ли регулирующие спортивные правила просто разновидностью учредительных правил?

9. Философия науки. Существует ли исключительный метод для всех наук? Что имеет в виду исследователь философии спорта, когда он говорит, что у данной статистической процедуры есть «объяснительная власть»? Почему спортивные психологи игнорируют традиционную фрейдистскую традицию?

10. Социальная и политическая философия. Существовала ли когда-нибудь чистая концепция спорта в данное конкретное социальное и политическое время? Обязательно ли спортивные состязания имеют материальную основу? Каким образом спортивные учреждения вмешиваются в процесс игры?

Несмотря на разнообразие этих областей прикладной философии, а также длительное преобладание прагматической философии в исследовании спорта, в последнее время наблюдается тенденция для появления еще одной философской традиции. Данная традиция формируется в рамках аналитической философии

спорта. Учитывая, что философское исследование всегда и везде внутренне связывается с выражением идей, идиома данного выражения в определенной степени формирует границы того, что мы хотим выразить.

В отличие от идеи, в соответствии с которой биомедицинские науки о спорте представляют универсальный язык научного метода, философы, работающие в западной традиции философии, в основном, развивали исследования в областях экзистенциализма, герменевтики и феноменологии. Аналитическая философия появилась в качестве реакции на вызов времени и имела определенную цель. Эта цель может быть определена известным выражением Локка о работе философа, сравниваемая им с работой крестьянина, работающего в саду. Как деятельность второго порядка, центральная цель аналитической философии состояла в том, чтобы обеспечить фундаментальные основы для других дисциплин.

Это было вызвано тем, что в некоторых дисциплинарных областях значение и роль философии была уменьшена до уровня детализации обычных лингвистических положений, для обнаружения сущности понятий, в рамках которых должны были действовать исследователи. Несмотря на это «новое» направление в философии, мы полагаем очевидным наличие непрерывной связи с античным прошлым. Философы, такие как Платон и Аристотель, также были обеспокоены поиском различий в подходах к исследованию феноменов человеческого тела², спортивных состязаний.

Многие философы утверждают теперь, что мы живем в эпоху пост-аналитической философии. Что это означает, не совсем понятно. Мы переживаем период захватывающего интеллектуального развития конкретного субъекта, который имеет конкретное выражение в философии спорта. В то время, как внимательное отношение к концептуальному анализу всегда будет важным компонентом инструментария философов, научно-исследовательские методы анализа ключевых понятий спорта, игры явным образом несколько снизились.

Гораздо большее распространение в современной литературе получило развитие основных ценностных вопросов (начиная от социальной и политической философии спорта) по быстро развивающейся области – этики спорта. Философы согласились с необходимостью отбросить покров очевидного нейтралитета аналитической философии в пользу приведения доводов и независимых положений о «превращении в товар» спортивных состязаний, их «коммерциализации».

Развитие независимых нормативных положений с недавнего времени продолжилось, но не в оппозиции, а в осторожной артикуляции и уточнениях логических категорий спорта. В области этики философы спорта попытались привести доводы в пользу пригодности различных моральных философских теорий. Возникли традиционные споры о конкурентном характере спортивных состязаний и их природе. Исследователи сгенерировали новые идеи об оспариваемой природе

самой спортивной этики – встала необходимость определить понятия контракта, обязанности/обязательства, полезности, достоинства спортивных игр, соревнования. При этом они часто соединялись с эмпирическим исследованием других сфер гуманитарного знания, которые были непонятны «простым» философам.

Хотя ранние аналитические философы считали своим долгом выяснить понятия, используемые в спортивной практике, мы полагаем, что исследователи естественных и социальных (гуманитарных) наук, сами стали гораздо более изощренными в своих концептуальных подходах для определения феномена спорта. Так, одна из традиционных ролей философов спорта состоит, по нашему мнению, в том, чтобы представить фундаментальные основания для тех исследователей, которые возьмутся за дальнейшее проведение анализа феноменологии спорта³. Однако, сближение концептуального и эмпирического является палкой о двух концах. Философы спорта сами уделяют гораздо больше внимания процессам и результатам эмпирических исследований. Тем не менее, их внимание по-прежнему носит исключительно концептуальный характер.

Наша задача как философов, состоит в том, чтобы через диалог стремиться к истине, приближаться к действительной аргументации, четкой экспликации идей, которые направлены к истине. И при этом философы спорта не пытаются рассмотреть спортивные состязания с точки зрения полного нейтралитета, как это предполагается в позитивистской традиции исследования. Такое представление в основном исчезло в современной философии спорта. В некотором смысле, философия возвращается к ее древнему обещанию принести человеку мудрость, а не просто к подробному техническому анализу ключевых понятий.

Каковы основные методологические установки в области философии спорта? Прежде всего, это касается природы спорта. Парадоксально, но спорт является системой мер по преодолению природы с использованием возможностей, предоставляемых природой. Ресурсы организма, биологически обусловленные, используются для преодоления природы и создания природы рукотворной. Спортивные достижения формируют реальность, которая становится частью культуры, рукотворной природы. Идеалы становятся стандартами, нормами и правилами для физической культуры, которая является неотъемлемой частью культуры вообще. Но тот, кто видит в спорте только его физическую составляющую, не видит в нем ничего.

Сущностью спорта является преодоление как необходимый этап духовного и личностного роста. Преодоление объединяет ценности (идеал победы, идеал совершенствования), и познавательные моменты (знание о возможностях, технологии достижения результатов и их совершенствование, способы трансляции знаний, навыков умений и компетенций).

Современный спорт требует осознания исследователем своей качественно иной природы, нежели не-

посредственно связанные с магией и культом предков состязания древних и военные тренировки. В индустриальную эпоху спорт стал важным элементом мировой политики, играя важную роль в распространении идеалов мира, равенства и международного сотрудничества.

Спорт требует формирования подходов к его рассмотрению в качестве средства социальной инженерии. Социализация в спорте, фанатские движения, попытки различных субъектов политики канализировать энергию социального протеста требуют тесного сотрудничества с представителями социологии и экономической теории, в особенности в области экономики спорта и рекламы.

Необходимо также предусмотреть и возможность формирования методов исследования спорта новой, информационной, постиндустриальной эпохи, спорта будущего.

Разнообразие методов, которые находятся в пределах рассмотрения различных школ и традиций философии, означает, что нет универсального метода, чтобы характеризовать философию спорта. Поэтому невозможно однозначно утверждать, что отношения между философствованием и практикой так уж очевидны. Мы полагаем, что в спорте всегда будет существовать философский элемент. Это связано, прежде всего, с ростом прикладной работы в области аксиологии. Исследователи феноменов спорта вносят значительный вклад в национальную и международную спортивную практику. Примеры такой прикладной работы включают исследование разнообразных концепций относительно категорий: «гендер» и «раса»; арбитраж надлежащих и неподходящих средств улучшения спортивных показателей и геномной инженерии⁴; освещение негативных тенденций спортивных состязаний

высокого уровня и явления ксенофобии, и т.н. современного спортивного национализма. Многие из этих вопросов были бы немислимы для философов еще пятьдесят лет назад, но сегодня они все чаще становятся частью предметного поля философии спорта.

Литература

1. *Poptu P.* Философия и будущее. // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29–34.
2. *Gorn E., Oriard M.* Taking sports seriously (Point of View). // Chronicle of Higher Education. 1995. P. 52a.
3. *Weiss P.* Sport: a Philosophic Inquiry. Carbondale: Southern Illinois Press. 1969.

Referens

1. *Rorty R.* Philosophy and the future. // Questions of philosophy. 1994. No. 6. P. 29-34.
2. *Gorn E., Oriard M.* Taking sports seriously (Point of View). // Chronicle of Higher Education. 1995. P. 52a.
3. *Weiss P.* Sport: a Philosophic Inquiry. Carbondale: Southern Illinois Press. 1969.

¹ *Морган У.* Философия спорта. Исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего. // У. Морган. Логос, № 3. 2006.

² *Быховская И.М.* Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1996. № 2. С. 19–27.

³ См. об этом: *Мишель Д.В.* Тело, территория, технология: Философский анализ стратегий телесности в современной западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000.

⁴ *Тищенко П.Д.* О множественности моральных позиций в биоэтике // «Человек», № 1. 2008. С. 83–91.

Юридическая психология. Учебное пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Шевченко В.М. Изд-во ЮНИТИ, 2015.

Пособие разработано в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, с учетом типовых профессиональных образовательных программ и квалификационных требований.

Излагаются теоретические понятия и положения по дисциплине «Юридическая психология», рассматриваются практические задания и ролевые игры, направленные на использование психологических знаний в практической деятельности юриста.

Для студентов и преподавателей юридических факультетов.

УДК 316.33: 355.1
ББК 87

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОФИЦЕРА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШТОППЕЛЬ,

*подполковник, адъюнкт кафедры философии и религиоведения
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
Научная специальность 09.00.11 – социальная философия*

E-mail: Shtoppel.andrey@mail.ru

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор П.В. Петрий

Рецензент: кандидат философских наук, доцент А.Ю. Оборский

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Важнейшим условием аксиологического подхода профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России является уяснение сущности и содержания данного феномена. При этом главное внимание уделяется исследованию ценностного характера профессиональной деятельности офицера, выявлению и определению его роли и места в общественном развитии и функционировании военной организации страны.

Ключевые слова: ценностные основания, профессиональная деятельность, патриотизм, долг, честь и достоинство.

Annotation. The most important condition axiological approach professional activities officer Russian Interior Ministry is a clarification of the nature and content of this phenomenon. The main attention is paid to the study of the valuable nature of professional activity officer, identification and definition of its role and place in the social development and functioning of the country's military organization.

Keywords: valuable bases, professional activity, patriotism, duty, honor and dignity.

*Без армии, стоящей духовно
и профессионально на надлежащей высоте,
– Родина останется без обороны, государство
распадется и нация сойдет с лица земли»¹.*

И.А. Ильин

Сегодня на внутренние войска МВД России возложены важнейшие задачи по обеспечению безопасности личности, общества и государства, в решении которых профессиональная деятельность офицерского корпуса правоохранительных структур выступает важнейшим компонентом функционирования войск правопорядка в современных условиях.

Использование методологии социально-философского анализа, которая включает в себя онтологический, гносеологический, социологический, аксиологический (ценностный), деятельностный и функциональный подходы, позволяет более глубоко уяснить сущность и содержание военно-профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России.

Важнейшим условием аксиологического подхода профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России является уяснение сущности и содержания данного феномена. При этом главное внима-

ние уделяется исследованию ценностного характера профессиональной деятельности офицера, выявлению и определению его роли и места в общественном развитии и функционировании военной организации страны. Использование данного подхода позволяет более обстоятельно и всесторонне проанализировать профессиональную деятельность офицера внутренних войск МВД России как аксиологический феномен.

Профессиональную деятельность офицера внутренних войск МВД России можно определить как деятельность, направленную на обеспечение внутренней безопасности и ликвидацию внутренних угроз существованию государства, общества и личности с помощью специальных, военных средств и способов.

Профессиональная деятельность офицера внутренних войск МВД России, в силу своей специфики, имеет ряд особенностей: 1) особый вид государственной службы, характер и содержание которой регламентированы законом «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», Уставом и нормативно-правовыми актами Министерства внутренних дел Российской Федерации, законодательством; 2) характеризуется высокой сложностью, напряженностью и риском для жизни; 3) включает в себя различные элементы труда: управленческий, педаго-

гический, инженерный, научный и множество других; 4) предполагает получение специального военного образования; 5) предполагает особую мотивацию в выборе профессии, которая является ценностью и имеет высокую оценку в обществе; 6) предполагает выполнение служебно-боевых задач порой в экстремальных, тяжелых климатических и материально-бытовых условиях; 7) результат профессиональной деятельности офицера определяет степень боевой готовности внутренних войск по обеспечению безопасности жизнедеятельности личности, общества и различных государственных институтов, от возникающих внутренних угроз и опасностей.

Современные условия деятельности правоохранительных структур, в том числе внутренних войск МВД России, требуют от офицера профессионального отношения к своему труду, основывающихся на человеческих ценностях. Для уяснения аксиологической роли профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России необходимо выявить структуру, содержание данного феномена.

В структуре профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России можно выделить следующие компоненты: а) профессиональная направленность офицера; б) специальные знания, навыки и умения офицера в рамках полученной специальности; в) ценности, ценностные ориентации и нормы службы во внутренних войсках МВД России; г) социальные чувства и качества офицера.

Важнейшим структурным компонентом профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России является его профессиональная направленность: это – основанная на мировоззрении, внутренне согласованная, устойчивая система осознанных побуждений, целей, интересов и установок по овладению военной профессией и совершенствованию в ней. «Плохо если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть», – эти слова принадлежат великому мыслителю России Л.Н. Толстому, который личным примером показал глубокую связь с материальным и духовным миром, личных принципов с социальной реальностью. Эту мысль можно отнести и к профессии офицера, которая предполагает связь духовности с военно-профессиональной направленностью. Специфика рассматриваемого феномена представляет собой способность офицера оценивать обстановку, принимать решение и эффективно выполнять профессиональную деятельность, которая требует высокого знания и освоения общечеловеческой, духовной и профессиональной культуры в различных условиях обстановки².

Профессиональная направленность офицера внутренних войск проявляется в его служебно-боевой деятельности и в отношении к достижению поставленных целей. Цель направляет деятельность офицера, мотивируя его в правильном выборе путей и способов ее достижения. В профессиональной деятельности офицера цель и целенаправленность играют большую

роль в выполнении служебно-боевых задач, карьерном росте; без четкого и ясного их уяснения офицер не может состояться как профессионал своего дела. Следовательно, профессиональная направленность офицера является одной из важнейших компонентов его профессиональной деятельности.

Следующим компонентом профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России выступают полученные знания, навыки и умения без которых невозможны успешное выполнение профессиональных обязанностей и поставленных перед офицером задач. Знания и навыки, полученные офицером, необходимы для оценки обстановки в окружающей среде, умения предвидеть и объяснять происходящие события, планирования целей и получения новых знаний. Для успешной профессиональной деятельности необходимы как фундаментальные, общетеоретические знания общероссийского стандарта для каждой профессии, так и специфические знания. К ним можно отнести знания о научных основах выработки и принятия управленческих решений, о правовых отношениях в служебной деятельности, о технической части вооружения и военной и специальной техники отечественного и зарубежного производства, о структуре, задачах специальности, о формах и методах управления подразделениями при выполнении служебно-боевых задач.

Но главным признаком профессионализма офицера является его умение, исходя из интересов государства и общества, с большой ответственностью, умело и грамотно используя современную практику служебно-боевого применения внутренних войск МВД России и технических достижений успешно решать поставленные перед ним служебно-боевые задачи.

Другим важнейшим компонентом профессиональной деятельности офицера выступают ценности, ценностные ориентации. Сегодня во внутренних войсках МВД России отводится существенная роль субъектам управления по формированию и развитию системы ценностей, ценностных ориентаций в войсках правопорядка, которые помогают офицерам мыслить, принимать верные решения в своей профессиональной деятельности, ориентироваться в окружающем мире. Патриотизм, духовная готовность и верность служению Родине и своему народу, честь, достоинство, готовность к самопожертвованию во имя интересов государства и граждан являются самими значимыми духовно-нравственными ценностями в профессиональной деятельности офицера войск правопорядка, основой военного воспитания будущих офицеров³.

Система ценностей не возникает сама по себе, а создается в процессе формирования и развития личности, может изменяться в течение всей жизни. В ценностных ориентациях выражается личная позиция офицера по отношению его к службе, его моральная ответственность за выполнение воинского долга.

Если ценностные ориентации офицера не совпадают с задачами и целями военного дела, то профессиональная деятельность офицера будет неэффективной. Без соответствия ценностных ориентаций интересам служебно-боевой деятельности профессиональная деятельность офицера не приобретет действующего, динамического состояния, не получит дальнейшего развития, без них полученные знания, навыки, умения не дадут практического результата.

Ценностные основания профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России в современных условиях формируются не только под воздействием экономических, политических и идеологических отношений российского общества, но и находятся в прямой зависимости от условий деятельности, которые определяются нормами и правилами поведения, традициями, ценностями, сложившимися в конкретном коллективе подразделений внутренних войск МВД России.

Необходимым компонентом профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России являются социальные чувства, которые выступают в виде устойчивых эмоциональных отношений офицера к процессам и явлениям окружающей действительности, находят проявление в социально обусловленных переживаниях, активирующих или тормозящих профессиональную деятельность. В многообразии социальных чувств можно выделить важность ответственности за выполнение профессионального долга, преданность делу, без которых невозможно обрести профессионализм в своем деле. Эмоции и чувства выступают неотъемлемой частью профессиональной деятельности офицера, они лежат в основе формирования личной позиции офицера, его социально мотивированной деятельности.

Специфика служебных задач, уровень оснащенности специальной и боевой техникой для обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка, охраны важных государственных объектов, ведения вооруженной борьбы с незаконными вооруженными формированиями, экстремизмом предъявляет к офицеру как профессионалу новые требования. Эффективность выполнения поставленных перед офицером задач в современных условиях требует от офицера владеть развитыми социальными качествами. Все эти качества прописаны в Уставе внутренних войск МВД России, а также в директивах и приказах МВД России, ГКВВ МВД России. Современный офицер, не владея этими качествами, не может считаться профессионалом, а значит не может обладать качественной

профессиональной подготовкой и культурой. Таким образом, в современных условиях офицер должен обладать следующими качествами: 1) преданность своему народу и Родине; б) убежденность в правильности выбора профессии офицера войск правопорядка; в) чувство долга и интерес к служебно-боевой деятельности во внутренних войсках МВД России; г) законопослушность, дисциплинированность и исполнительность; д) инициатива и самостоятельность; е) высокая профессиональная подготовка, общая и профессионально-техническая культура; ж) эмоционально-волевая устойчивость; к) коллективизм и психологическая совместимость; л) хорошее физическое развитие; м) сильная, уравновешенная и подвижная нервная система.

Таким образом, краткий анализ профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России в современных условиях позволяет определить данный феномен как специфический вид социальной деятельности по осуществлению совместно с государственными органами системы мероприятий по обеспечению безопасности жизнедеятельности общества и государства, защиты его материальных и культурных ценностей от опасностей и угроз, возникающих в условиях или следствии внутренних вооруженных конфликтов, боевых действий, а также в результате чрезвычайных ситуаций. Иными словами, профессиональная деятельность офицера внутренних войск МВД России – социальное (аксиологическое) явление или разновидность социальной деятельности, сочетающая в себе духовную, педагогическую, экономическую, управленческую, правовую, информационную, военную и другие виды, направленная на обеспечение безопасности жизнедеятельности и развития личности, общества и государства от возникающих внутренних угроз и опасностей. Профессиональная деятельность офицера внутренних войск МВД России как сложное качественное образование имеет проявление на уровнях духовной подготовки, результативности трудовой деятельности, эффективности выполнения служебно-боевых задач и должностных обязанностей.

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Соб. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 184.

² См.: Петрий П.В. Синергия общества и армии в аксиологическом пространстве современной России: монография. М.: ВУ, 2013. С. 136.

³ См.: Горячев А.И. Духовные основы правоохранительной деятельности /Отечество превыше всего: Материалы научно-практической конференции 20 апреля 2013 г. М., ВУ, 2014. С. 37–47.

УДК 004.056.53
ББК 30У

ЗАЩИТА ФИЗИЧЕСКОГО КАНАЛА ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ ОТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ

ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ БЕГУНКОВ,

*курсант факультета специалистов в области информационной безопасности
учебно-научного комплекса информационных технологий
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: cross-goga@yandex.ru

*Научная специальность 05.13.19 – методы и системы защиты информации,
информационная безопасность*

Научный руководитель: А.В. Пузарин

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются современные способы атаки на компьютерные сети; возможные способы защиты от перехвата данных, передаваемых по физическому каналу связи; перспективный метод защиты физических кабельных систем на основе витой пары при помощи управляемого моста постоянного тока.

Ключевые слова: несанкционированное подключение, каналы передачи информации, атака Maninthemiddle (человек по середине), индукционно-импульсный метод (импульсный метод локализации).

Annotation. Modern ways of attack to computer networks possible ways of protection against interception of data transferred on a physical communication channel, a perspective method of protection of physical cable systems on the basis of twisted couple by means of the operated bridge of a direct current are considered.

Keywords: unauthorized connection, information transfer channels, Man in the middle attack (the person on the middle), an induction and pulse method (a pulse method of localization).

Физические каналы передачи данных

Огромный объем информации передается по средствам телекоммуникационных сетей; для обеспечения доступа к сети интернет используются различные типы физических каналов передачи. К таковым относятся: коаксиальный кабель, оптоволокно, витая пара.

В настоящее время практически ни одна компьютерная сеть (КС) не может быть изолирована в виду функционирования с удаленными ресурсами: веб-сервера, файловые сервера, банки и базы данных, удаленные легальные пользователи и т.д. Реализация возможностей такого рода не может существовать без физической среды передачи данных – локальной вычислительной сети (ЛВС).

Рассмотрим отдельно каждую физическую среду.

Коаксиальный кабель – электрический кабель, состоящий из проводника и экрана, был изобретен в 80-х годах XIX в. В современности используют 2 типа коаксиального кабеля: «толстый» и «тонкий». «Тонкий» обеспечивает передачу данных на расстояние до 185м на скорости 10 Мбит/с, «Толстый» за счет более толстого проводника смог обеспечить передачу данных до 500м на скорости до 10 Мбит/с. Но у данного кабеля имеются существенные проблемы: высокая цена обслуживания и установки, а так же в обеспечении работы, поскольку в топологии шина, при повреждении

кабеля неизбежна замена всего кабеля. Для передачи данных на большие расстояния с высокой скоростью используют оптическое волокно (оптоволокно). Оптоволокно – нить из оптически прозрачного материала, используемая для переноса света внутри себя за счет полного внутреннего отражения. То есть вся информация передается при помощи света. Применение оптоволокна как физической среды передачи обусловлено тем, что оптоволокно обеспечивает высокую защищенность от несанкционированного доступа, возможность работы на высоких скоростях обмена данных, а также низкое затухание сигнала.

При наличии такого количества плюсов у данной среды есть значительные недостатки: цена и сложность проведения, так как при механическом изменении угла в точке кабеля на тридцать градусов сопротивление увеличивается вдвое.

Витая пара – вид кабеля связи, представляющий из себя одну или несколько пар изолированных проводников, скрученных между собой, покрытых пластиковой оболочкой. Свивание проводников производится с целью повышения степени связи между собой проводников одной пары (для того, чтобы внешнее воздействие на пару проводников было одинаково), а также для уменьшения воздействия на другие пары, за счет того, что по проводам одной пары ток направлен

в разные стороны. Самым главным плюсом данного объекта является – доступная цена. Сейчас чаще всего используются неэкранированные витые пары категории 5е, что позволяет обеспечить скорость передачи данных при использовании 2 пар 100 Мбит/с и при использовании 4 пар 1000 Мбит/с.

Типология атак на физический канал передачи данных

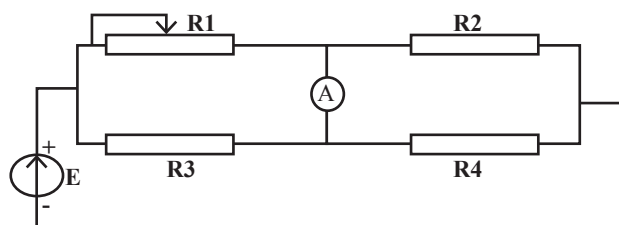
Под нарушением целостности передаваемой информации по сети можно подразумевать «подделывание» сетевого пакета. Данная угроза реализуется с использованием «спуффинга», когда полученный пакет данных видоизменяется и отправляется адресату. Адресат же, получая информацию в виде видоизмененного пакета данных, принимает его за легальный, который, как правило, может содержать вредоносный «груз».

В настоящее время производятся различные атаки на каналы передачи данных с различными целями, к примеру, проведение анализа трафика посредством сетевых сканеров, сетевых анализаторов (сниферы) с целью осуществления попытки несанкционированного подключения к сети. Существуют различные методы защиты: шифрование, средства выявления топологии сети и сканеры портов. Самая популярная атака в нынешнее время – это Man in the middle (человек по середине), что является совокупностью нескольких типов атак, перечисленных ранее. Концепция Man in the middle (MITM) довольно таки проста; злоумышленнику всего лишь достаточно поставить себя в цепь между двумя сторонами, при этом злоумышленник всегда должен выдавать себя за одну из сторон. Один из вариантов данной атаки заключается в том, что противник имеет постоянный доступ к интересующему его роутеру, что дает ему возможность «прослушивать» весь передаваемый трафик. В качестве защиты от такого типа атак используются средства либо в самом маршрутизаторе, либо на серверах. Способ защиты состоит в шифровании между клиентом и сервером; но в этом случае возникает зависимость от самого сервера и выбора метода шифрования, иной способ – это отказ от использования Wi-Fi сетей. Для защиты от атаки MITM на физический канал передачи путем подключения к нему используют различные способы и методы защиты, но обеспечить эффективную защиту не в состоянии от данной угрозы, так как общим недостатком у большинства методов является дороговизна установки, а также отсутствие возможности определения места разрыва. Поэтому возникла необходимость в усовершенствовании способов защиты от атак типа MITM. *Один из наиболее эффективных методов предотвращения утечки информации при несанкционированном подключении.*

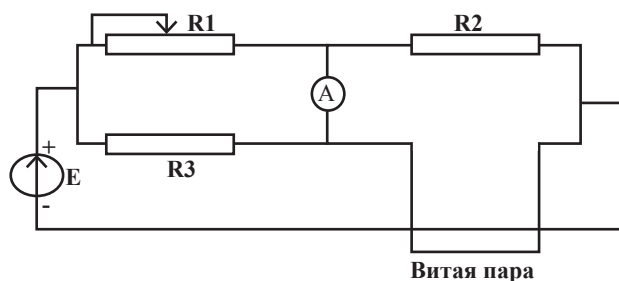
При проведении научных исследований был сделан вывод, что устройство должно обладать следующими характеристиками: работа с малым напряжением, соответственно и с небольшим током, а также возможность использования для работы блока питания компьютера. Данными характеристиками обладают такие технические устройства, как измерительные при-

боры сравнения. Измерительный прибор сравнения, предназначенный для непосредственного сравнения измеряемой величины с величиной, значение которой заранее известно.

Основное качество данного прибора, которое поможет нам в осуществлении нашей деятельности, является чувствительность. Поэтому мы можем применить такой прибор сравнения в виде моста постоянного тока.

Мост постоянного тока – устройство для измерения сопротивления методом сравнения с образцовой мерой. Выполняется по мостовой схеме с применением гальванометра в качестве нуль-индикатора, включенного в диагональ моста. Принцип действия основан на особенностях работы мостовой схемы, а именно если не соблюдается равенство $R_1 \cdot R_4 = R_2 \cdot R_3$. Данный прибор обладает такими преимуществами, как чувствительность, а так же работа от малого тока и напряжения. Возможность его использования в системе сигнализации о несанкционированном подключении заключается в замене неизвестных резисторов двумя свободными парами и с применением уравнивающего реостата.

При попытке подключения противника к паре, используемой для сигнализации для параллельного подключения, а также при попытке последовательного подключения, у нас срабатывает индикатор, и мы сразу отключаем маршрут передачи; т.е. при использовании только 2-х пар из 4-х, у противника имеется шанс угадывания около 20%. Так же возможно использование методов локализации противника. Существуют различные методы обнаружения места разрыва: акустический, индукционный, индукционно-импульсный.

Акустический метод в данной ситуации не подходит, так как для его работы необходимо использование коронного разряда, а это возможно только в высоковольтных кабельных системах. Индукционный метод не подходит, так как он используется только в длинных линиях, т.е. длина линии при токе с частотой 50 Гц должна составлять около 600 км, однако даже в кГц

диапазоне длина линии больше, чем максимальное расстояние передачи информации по витой паре. Единственным методом, применимым в этой ситуации, является индукционно-импульсный метод (импульсный метод локализации). Он основан на том, что считается время отражения импульса от места разрыва; именно данный метод возможен к осуществлению в нашей системе. При срабатывании тревоги, у нас ключ переходит в систему отправления импульса. Дальнейшее развитие заключается в доработке и создании устройства, усовершенствование и обеспечение метода импульсной локации противника, определение максимального напряжения сетевых устройств, активное реагирование на устройство перехвата противника. Это возможно посылкой импульса напряжения до 220 В.

Данный метод защиты обладает рядом преимуществ: простота реализации, отсутствие дополнительных проводов сигнализации, регистрация минимальных изменений электрического сопротивления, определение места НДС, низкая стоимость и отсутствие необходимости в специализированного обучения сотрудников при использовании данного продукта.

Литература

1. *Астайкин А.И., Помазков А.П., Щербак Ю.П.* Метрология и радиоизмерения [Электронный ресурс]: учебное пособие. Электрон. текстовые данные. Саратов: Российский Федеральный ядерный центр – ВНИИЭФ, 2010. 405 с. Режим доступа: URL:<http://www.iprbookshop.ru/18440>. ЭБС «IPRbooks».
2. *Олифер В.Г., Олифер Н.А.* «Компьютерные сети. Принципы, технологии, протоколы. «Питер», 2010.
3. *Гольдштейн Б.С., Соколов Н.А., Яновский Г.Г.* «Сети связи» «БХВ – Петербург», 2010.

References

1. *Astaykin A.I., Pomazkov A.P. Shcherbak Y.P.* Metrology and radio measurements [electronick resource]: Tutorial. Electron. text data. Sarov: Russian Federal Nuclear Center – RFNC, 2010. 405 p. Access mode: URL: <http://www.iprbookshop.ru/18440.EBS> "IPRbooks".
2. *Olifer V.G., Olifer N.A.* "Computer networks. Principles, technology protocols. "Peter" in 2010.
3. *Goldstein B.S., Sokolov N.A., Yanovsky G.G.* "Network communication" "BHV – Petersburg" in 2010.

Региональные и местные налоги. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Гриф УМО. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Шаров В.Ф., Ахмадеев Р.Г., Косов М.Е. Изд-во ЮНИТИ, 2015.

Обобщен и систематизирован существующий в Российской Федерации порядок исчисления и уплаты организациями и физическими лицами региональных и местных налогов с позиций действующего налогового законодательства РФ. Анализируется история появления региональных и местных налогов. Особое внимание уделено определению объектов налогообложения, ставкам, льготам, порядку и срокам уплаты налогов. Приведены примеры исчисления по каждому налогу с учетом специфики и особенностей налогов.

Анализируются проблемные вопросы налоговой нагрузки на налогоплательщиков, имеющих в собственности движимое и недвижимое имущество. Учтены изменения законодательства РФ по применению второй части Налогового кодекса РФ по состоянию на 1 января 2015 г.

Для студентов высших учебных заведений экономических специальностей, аспирантов, преподавателей. Может представлять интерес для руководителей и экономистов организаций.

УДК 004.421.2
ББК 22.12

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА АЛГОРИТМА ПОИСКА ПУТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПОСТРОЕНИЯ МАРШРУТА К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА КЛОЧКОВА,

*старший преподаватель кафедры информационной безопасности
учебно-научного комплекса информационных технологий
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научная специальность 05.11.16 – информационно-измерительные
и управляющие системы
E-mail: e_maks2000@mail.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается возможность построения оптимального маршрута следования к месту возникновения чрезвычайной ситуации, используя различные способы передвижения. Предлагаемый подход позволяет учитывать характеристики местности, по которой будет прокладываться путь, и, в зависимости от этого, выбирается способ передвижения.

Ключевые слова: алгоритм поиска кратчайшего пути, моделирование.

Annotation. The opportunity of construction of an optimum route to a place of occurrence of an extreme situation is considered, using various ways of movement. The offered approach allows to take into account characteristics of district on which the way will be laid, and depending on it and the way of movement gets out.

Keywords: algorithm of search of the shortest way, modeling.

Введение

Причинами возникновения кризисных ситуаций могут быть события, произошедшие в социальной, техногенной сферах и природной среде, процессы и явления, существенно влияющие на жизнедеятельность людей, общества и государства и требующие принятия специальных мер по защите среды обитания, жизни, здоровья, прав и свобод граждан, материальных и иных ценностей от уничтожения, повреждения, хищения и по восстановлению нормальной работы различных объектов жизнеобеспечения.

При возникновении кризиса, чрезвычайной ситуации важна, прежде всего, оперативность реагирования на развитие ситуации, причем зачастую счет идет на часы и даже на минуты; от скорости реакции МЧС, МВД будут зависеть человеческие жизни, а в случае более глобальных катаклизмов, – и экологическое состояние окружающей среды.

Прибытие служб реагирования и доставка требуемого оборудования в нужное место оперативно и в кратчайшие сроки – основная задача, которая стоит перед всеми службами экстренного реагирования; ее решение зачастую зависит от выбора маршрута, по которому необходимо следовать до точки назначения. Все это требует предварительного составления маршрутов следования.

Постановка задачи

В случае возникновения какой-либо чрезвычайной ситуации службы реагирования должны с места базирования добраться к точке назначения. Точка назначения может находиться в любом месте – это может быть в черте города, в сельской местности, в лесном массиве, в горной местности. Простейший случай – городские условия – нами рассматриваться не будет. Нас интересуют объекты, к которым дороги могут быть не проложены, т.е. пути подъезда могут не существовать. В этом случае к месту назначения добираться придется пешим порядком, неся на себе требуемое оборудование.

Исходной информацией являются координаты места базирования служб реагирования и места происшествия, а также географическая информация, описывающая существующие дороги в данном районе и характеристики местности. На основе имеющейся информации нам необходимо создать маршрут следования. Критерием выбора маршрута будет время прибытия в точку назначения, так как его минимизация является решающим фактором предотвращения негативных последствий чрезвычайной ситуации.

После получения маршрута необходимо нанести его на карту местности с указанием способа передвижения (на автомобиле, пешком).

Математически, вся рассматриваемая местность может быть представлена в виде направленного графа.

$$G: = (V, E),$$

где, V – это множество вершин или узлов;
 E – это множество рёбер графа.

Вершины V представляют собой перекрестки, пересечения дорог, ребра E – объединяющие их участки дорог. Каждой грани графа назначается своя стоимость, соответствующая «стоимости» перемещения по грани, заданная при постановке задачи.

Таким образом, для решения задачи следует использовать алгоритмы на графах, позволяющие найти оптимальный путь через набор вершин.

Сравнение алгоритмов поиска кратчайших путей на графе

Для нахождения кратчайших путей в графах в настоящее время уже разработано и реализовано достаточно большое количество алгоритмов.

На данный момент общеизвестными являются следующие алгоритмы поиска пути:

- поиск в ширину, двунаправленный поиск в ширину;
- поиск в глубину, алгоритм последовательных приближений при поиске в глубину (IDDFS);

- алгоритм «лучший-первый»;
- алгоритм поворота Креша;
- алгоритм «разделяй и властвуй»;
- алгоритм Дейкстры;
- алгоритм A^* .

В таблице приведен краткий сравнительный обзор данных методов.

Проведенный нами анализ алгоритмов поиска кратчайшего пути на графе показал, что алгоритмы поиска в ширину, двунаправленного поиска в ширину и алгоритм последовательных приближений при поиске в глубину невозможно применять для решения задач большого объема, из-за нерационального использования памяти. Алгоритм Дейкстры не гарантирует оптимальность полученного решения. Алгоритм «разделяй и властвуй» и алгоритм поворота Креша не работают на пересеченной местности (плохо отрабатывают возникающие на пути препятствия).

Наилучшим алгоритмом решения задачи нахождения кратчайшего пути следования к точки назначения, по нашему мнению, является Алгоритм A^* . Основным достоинством данного алгоритма является то, что он всегда находит решение, если таковое существует. Найденный путь является гарантированно кратчайшим. При этом для поиска решения алгоритмом просматривается меньшее число ячеек, чем любым другим алгоритмом.

Таблица

Сравнительный анализ алгоритмов поиска пути

	<i>Нахождение пути</i>	<i>Обход препятствия</i>	<i>Направление поиска</i>	<i>Оценка стоимости местности</i>	<i>Эффективность поиска</i>
Алгоритм «Поиск в ширину»	Найденный путь кратчайший	Препятствие обходит	Равномерный поиск во все стороны	Все шаги равны, ортогональные и диагональные.	Поиск неэффективный
Алгоритм Дейкстры	Найденный путь кратчайший	Препятствие обходит	Равномерный поиск во все стороны	Хорошая адаптация алгоритма к стоимости местности	Поиск неэффективный
Алгоритм «Поиск в глубину»	Может путаться, не всегда находит	Препятствие обходит	Поиск идет в направлении цели, если предусмотрен преимущественный выбор соседа, находящегося ближе к цели	Может учитываться длина пройденного пути или стоимость местности	Скорость нахождения пути во многом зависит от выбора правильной глубины остановки.
Алгоритм «Лучший-первый»	Найденное решение не является оптимальным.	Препятствие обходит, но найденный путь не прямой, а изгибается вокруг препятствия	Поиск идет по прямой к цели	Не принимает во внимание накопленную стоимость пути	Принимает во внимание знания о пространстве поиска для направления своих усилий. Быстро находит решение.
Алгоритм «Разделяй и властвуй»	Найденное решение не является оптимальным.	Возможно, можно обойти мелкие препятствия	Поиск идет по прямой к цели	Не принимает во внимание накопленную стоимость пути или стоимость местности	Не предназначен для работы на пересеченной местности

Алгоритм Креша	Не всегда находит решение	Не обрабатывает препятствие, особенно, если оно U-образной формы	Поиск идет по прямой к цели	Не принимает во внимание накопленную стоимость пути или стоимость местности	Поиск неэффективный
Алгоритм A*	Всегда находит оптимальное решение	Обходит любое препятствие, если это можно сделать.	Поиск идет по прямой к цели	При построении пути учитывает накопленную стоимость ситуации	Гарантировано находит оптимальный путь за наименьшее число открытых узлов. Требуется значительный ресурс для его реализации. Алгоритм легко оптимизируется в зависимости от поставленной задачи.

Однако, у данного алгоритма есть существенный недостаток, связанный с его большой ресурсозатратностью и, во многих случаях, без дополнительной оптимизации он непригоден для поиска пути в реальном времени.

Описание алгоритма A*

Данный алгоритм был впервые описан в 1968 г. Питером Хартом, Нильсом Нильсоном и Бертрамом Рафаэлем.

Этот эвристический поиск сортирует все узлы по приближению наилучшего маршрута идущего через этот узел. Типичная формула эвристики имеет вид:

$$f(S) = g(S) + h(S), \quad (1)$$

где, $g(S)$ – реальная текущая стоимость узла S ;

$h(S)$ – эвристическая функция, которая оценивает стоимость наилучшей последовательности действий, начинающейся с узла S и заканчивающейся решением.

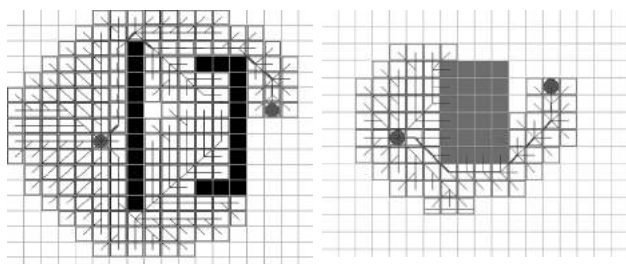

Рис.1. Примеры работы Алгоритма A*.

Следовательно, $f(S)$ является мерой стоимости решений, «подчиненных» ситуации S , т. е. решений, включающих то же подмножество исходных действий, что и S . Так, когда каждому действию соответствует элементарная стоимость $f(S_i, S_j, a)$, представляющая собой стоимость перехода из S_i в S_j с помощью действия a , функция $g(S)$ равна сумме стоимостей действий, которые надо выполнить, чтобы дойти до данной точки от исходного узла S . Так как стоимости предполагаются положительными, функция $g(S)$ будет строго аддитивной.

В начале работы раскрывается начальный узел, затем просматриваются узлы, смежные с начальным; выбирается тот из них, который имеет минимальное значение $f(S)$, после чего этот узел раскрывается. На каждом этапе алгоритм оперирует с множеством путей из начальной точки до всех ещё не раскрытых (листовых) вершин графа («множеством частных решений»), которое размещается в очереди с приоритетом. Приоритет пути определяется по значению (1).

Алгоритм продолжает свою работу до тех пор, пока значение $f(S)$ целевой вершины не окажется меньшим, чем любое значение в очереди (либо пока всё дерево не будет просмотрено). Из множественных решений выбирается решение с наименьшей стоимостью. Чем меньше эвристика $f(S)$, тем больше приоритет.

Пример решения задачи поиска оптимального пути с помощью алгоритма A*

В качестве примера использования алгоритма возьмем поиск оптимального пути на местности, имеющей перепад высот (горная местность).

Рассмотрим пример работы алгоритма A*, опираясь на растровую модель пространственных данных. В растровой модели данных каждая ячейка соответствует участку на местности с учетом масштаба. Матрица ячеек называется сеткой. Для описания земной поверхности используется показатель «высота над уровнем моря», который задается и хранится для каждой из ячеек. Это значение представляет не всю ячейку, а только центральную ее точку. Набор центральных точек ячеек в сетке называется решеткой. Решетка поддерживает точные поверхностные вычисления.

Рассмотрим пример практического использования алгоритма A*. Пусть, нам необходимо попасть из точки А в точку В (рис. 2), используя оптимальный маршрут.

По имеющейся растровой модели рельефа мы можем судить о местности. В нашем случае будем работать с тремя типами местности: местность типа 1 – белые клетки; местность типа 2 – серые клетки;

ки; местность типа 3 – темно-серые клетки. Зная тип местности, можно судить о стоимости перехода между ячейками.

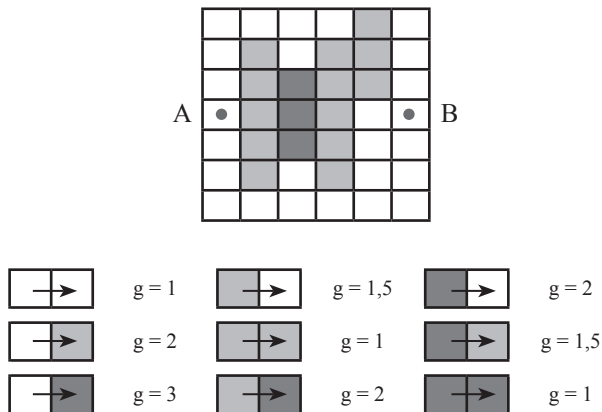

Рис. 2. Растровая модель рельефа со стоимостью перехода между местностями различных типов

В качестве эвристической функции $h(S)$ предположим следующий вариант ее оценки:

$$h(S) = R(x, y, x_k, y_k) \cdot \langle g(S) \rangle = \left(\sqrt{(x_k - x)^2 + (y_k - y)^2} \right) \cdot \langle g(S) \rangle, \quad (2)$$

где, $R(x, y, x_k, y_k)$ – геометрическое расстояние между начальной точкой маршрута с координатами (x, y) и конечной точкой (x_k, y_k) ;

$\langle g(S) \rangle = 1, 5$ – средняя величина затрат на передвижение между различными участками местности.

Работа алгоритма по поиску оптимального пути заключается в следующем. Начинаем со стартовой точки A и добавляем ее в «открытый список» клеток, которые нужно обработать. В данный момент есть только один элемент в списке, но позже будут добавлены еще. Список содержит клетки, которые находятся вдоль пути и через которые в дальнейшем, возможно, будет проложен маршрут, т.е. это список клеток, которые необходимо проверить.

Ищем доступные или проходимые клетки, граничащие со стартовой точкой, игнорируя клетки с непроходимой областью, и добавляем их в открытый список. Для каждой из этих клеток сохраняем точку A, как «родительскую клетку». Эта родительская клетка важна для отслеживания нашего пути.

Удаляем стартовую точку A из открытого списка и добавляем ее в «закрытый список» клеток, которые проверять больше не нужно.

Дальше выбираем одну из соседних клеток в открытом списке, имеющую меньшую стоимость $f(S)$, и фактически повторяем вышеописанный процесс. Для определения стоимости $f(S)$ воспользуемся формулой (1), $h(S)$ – по формуле (2), а $g(S)$ – стоимость передвижения из стартовой точки A к данной клетке определяется исходя из начальных данных (рис. 2).

Рассчитанные значения f для соседних с начальной клеток приведены на рис. 3.

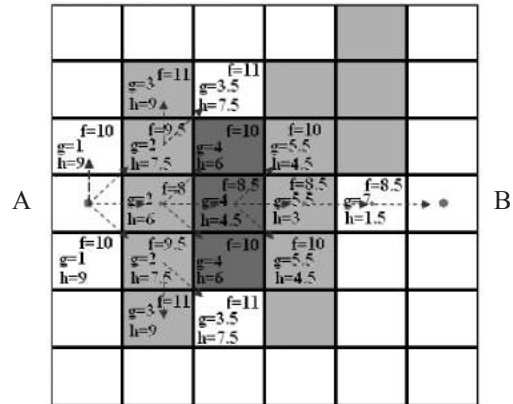

Рис. 3. Пример решения задачи нахождения оптимального пути с помощью алгоритма A*

Далее поиск ведется следующим образом:

а) ищем в открытом списке клетку с наименьшей стоимостью $f(S)$. Делаем ее текущей клеткой. На рис. 3 видно, что клеткой с наименьшей стоимостью $f(S)$ является ячейка под номером 4;

б) помещаем данную ячейку в закрытый список и удаляем из открытого;

в) для каждой из восьми соседних клеток проводим следующую процедуру. Если клетка непроходимая или находится в закрытом списке, то пропускаем ее. В противном случае делаем следующее:

- если клетка еще не в открытом списке, то добавляем ее туда. Рассчитываем стоимости $f(S)$, $g(S)$, $h(S)$ текущей клетки (на рис. 3 клетки 10, 11, 12);

- если клетка уже в открытом списке, то проверяем, не дешевле ли будет путь через данную ячейку; для сравнения используем стоимость $g(S)$. Более низкая стоимость $g(S)$ означает, что путь будет дешевле. Если это так, то прокладываем маршрут через эту клетку и пересчитываем для нее стоимости $g(S)$, $f(S)$;

г) алгоритм прекращает работу, если в открытый список добавили целевую клетку (в этом случае путь найден) или открытый список пуст, но мы не дошли до целевой клетки (путь отсутствует);

д) найденный путь сохраняем. Двигаясь от целевой точки в обратную сторону, проходя от каждой точки к ее родителю, достигаем стартовой точки. Это и будет искомым путь.

Полное решение задачи приведено на рис. 3.

Рассмотренный нами пример иллюстрирует, каким образом, имея растровую модель пространственных данных (карта высот), алгоритм находит оптимальный маршрут движения на пересеченной местности, назначая некоторую стоимость переходу из одной точки в другую.

Существующий алгоритм A* не решает полностью нашей задачи, так как он предназначен только

для одного вида передвижения. В случае столкновения с препятствием он не станет учитывать второй способ перемещения, а перейдет сразу либо к методу обхода препятствия, либо воспримет данное препятствие как непроходимое. И тогда выбранный путь может быть не оптимальным, или его не будет вообще. Возможно, что применение второго способа (передвижение напрямую через препятствие) станет наилучшим выходом из сложившейся ситуации.

Для того, чтобы учесть сделанные замечания, мы предлагаем осуществить некоторую оптимизацию Алгоритма A^* . Ее суть может быть сведена к следующему: созданный алгоритм A^* должен иметь возможность находить оптимальный путь, учитывая различные методы перемещения, т.е. необходимо задать требуемые данные для расчета не только затрат на передвижение, но и оценки возможности преодоления пути, пользуясь тем или иным способом перемещения. Для этого алгоритму необходимо знать некоторые характеристики местности, по которой будет прокладываться путь и тогда он сможет оценить возможность перемещения по пути вдоль пересеченной местности каким-либо способом, и, соответственно, выполнить расчеты, характеризующие затраты на преодоление этого пути для применяемого метода. В нашем случае закладывается возможность передвижения на автомобиле и пешком. При передвижении на автомобиле основными препятствиями будут крутой подъем (более 30 градусов), спуск (более 20 градусов), а также угол поперечной статической устойчивости. Таким образом, учитывая эти параметры, алгоритм уже сможет определить, преодолимо ли препятствие для автомобиля или нет. В случае не возможности преодоления препятствия на автомобиле алгоритм меняет способ передвижения, и достраивает маршрут исходя из нового способа перемещения. При построении пути необходимо учитывать также его безопасность для автотранспорта и человека. Основное отличие нового алгоритма будет состоять в том, что он будет использовать не одну эвристическую функцию, а две, характеризующие данные методы перемещения.

Выводы:

Проведенный нами анализ алгоритмов поиска пути показал, что для нахождения оптимального пути на пересеченной местности наилучшие результаты показывает Алгоритм A^* . Однако, он имеет существенный недостаток, связанный с его большой ресурсозатратностью и во многих случаях без дополнительной оптимизации он непригоден для поиска пути в реальном времени.

Критерием выбора пути стала оценка временных затрат на прохождение пути. При этом необходимо учитывать, что самый быстрый путь не всегда является самым коротким.

Рассмотренный нами пример использования Алгоритма A^* показывает, что данный алгоритм возможно использовать для поиска оптимального пути в реальных условиях. Представленный пробный расчет не учитывает многие характеристики местности – растительность, вид почвогрунта и т.п., однако для решения задачи в первом приближении и разработки алгоритма поиска этого вполне достаточно, а в дальнейших работах мы попытаемся учесть все эти факторы, включив дополнительные параметры в систему расчетов.

Литература

1. Геоинформатика. В 2 кн. Кн. 1: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.С. Тикунова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
2. *Королев Ю.К.* Общая геоинформатика. Ч. I. Теоретическая геоинформатика. Вып. 1, СП ООО Дата+, 1998.
3. *Лорьер Ж.-Л.* Системы искусственного интеллекта. М.: Мир, 1991.
4. *Нильсон Н.* Искусственный интеллект методы поиска решений. М.: Мири, 1973.
5. Vector vs. Raster-based Algorithms for Cross Country Movement Planning, Joost van Bemmelen, Wilko Quak, Marcel van Hekken, and Peter van Oosterom, TNO Physics and Electronics Laboratory, P.O. Box 96864, 2509 JG The Hague, The Netherlands.
6. *J.S.B. Mitchell and C.H. Papadimitrou.* The weighted region problem: Finding shortest paths through a weighted planar subdivision. Journal of the Association for Computing Machinery, 38(1):18-73, January 1991.

References

1. Geoinformatics. In 2 books. Vol. 1: A Textbook for students. Executive. Proc. institutions / Ed. V.S. Tikunova. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Publishing Center "Academy", 2008.
2. *Korolev J.K.* Total geoinformatics. Part I. Theoretical geoinformatics. Issue 1 JV Data +, 1998.
3. *Lorer J.L.* Artificial intelligence systems. M.: Mir, 1991.
4. *Nilsson N.* Artificial Intelligence techniques to find solutions. - M.: Miri, 1973.
5. Vector vs. Raster-based Algorithms for Cross Country Movement Planning, Joost van Bemmelen, Wilko Quak, Marcel van Hekken, and Peter van Oosterom, TNO Physics and Electronics Laboratory, PO Box 96864, 2509 JG The Hague, The Netherlands.
6. *J.S.B. Mitchell and C. H. Papadimitrou.* The weighted region problem: Finding shortest paths through a weighted planar subdivision. Journal of the Association for Computing Machinery, 38 (1): 18-73, January 1991.

УДК 338.332
ББК 73/74

СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНФОРМАЦИОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО- ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЦЕПОЧКИ В СФЕРЕ NBICS-ИННОВАЦИЙ

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЛОГИНОВ,

*заместитель директора ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,
доктор экономических наук, дважды лауреат премии
Правительства РФ в области науки и техники*

E-mail: evgenloginov@inbox.ru;

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЗЕЛЕНСКИЙ,

*докторант Российского государственного гуманитарного университета,
кандидат экономических наук*

E-mail: instityteb@mail.ru

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 15-06-03014 а)*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются проблемы выработки сетевых подходов к информационно-вычислительному обслуживанию функциональной научно-производственной цепочки при взаимодействии фундаментальной и прикладной науки с производственным сектором для создания новых типов отраслей на научно-технологической базе NBICS-инноваций. Анализируется комплекс факторов, лежащих в основе совершенствования управления взаимодействием науки и производства при NBICS-конвергенции при формировании научно-производственной суперсистемы России на научно-технологической базе NBICS-инноваций.

Ключевые слова: экономика, промышленность, наука, образование, информационно-вычислительное обслуживание.

Annotation. Discussed the issues of developing network-centric approaches to information and computing services functional research and production chains in the interaction of fundamental and applied science with the productive sector to create new types of industries on scientific and technological basis of NBICS-innovation. The aim of this work is the analysis of the complex factors that underpin better management of the interaction of science and production in NBICS convergence in the formation of scientific production supersystem Russia on scientific and technological basis of NBICS-innovation.

Keywords: economy, industry, science, education, awareness-processing services.

Концепция новой индустриализации в России должна реализовываться путем формирования системы индустриальных производств, опирающихся на информационно-вычислительные сервисы и формирование новых бизнес-моделей на основе обмена информацией, генерирования знаний и коммерциализации инноваций [10]. Эти подходы могут быть реализованы на основе координированного – в рамках технологических проектов и целевых программ – отраслевого и регионального управления взаимодействием науки и производства при NBICS-конвергенции и соответствующих моделей информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки и испытательных центров при

формировании научно-производственной суперсистемы России на научно-технологической базе NBICS-инноваций [5].

Информационная инфраструктура, лежащая в основе интеграции научных и производственных операционных звеньев в рамках единой научно-технологической цепочки на основе использования организационно-технологических моделей конвергенции науки, технологий и производства при NBICS-конвергенции открывает новые пути улучшения координации деятельности и развития научно-производственной суперсистемы для повышения конкурентоспособности науки и производства при NBICS-конвергенции:

- интеграция сбора синхронизированной информации о работе научно-производственной суперсистемы в режиме реального времени, применяемой для оперативного мониторинга этого развития и управления путем информационно-вычислительной поддержки цепочки фундаментальной и прикладной науки, цифрового проектирования, производства и построенная на этой основе интеграция научных и производственных операционных звеньев в рамках единой научно-технологической цепочки на основе использования организационно-технологических моделей конвергенции науки, технологий и производства при NBICS-конвергенции;

- оптимизация использования имеющегося научно-технического потенциала, расширение коор-

динации и обеспечения системной экономической эффективности и конкурентоспособности научных и производственных структур в существенно усложнившихся условиях функционирования при соблюдении условий высокой экономической эффективности;

- интеграция технологической и информационной инфраструктуры для создания универсальной системы оптимизации управления научно-производственной суперсистемой в условиях перехода к системе индустриальных производств, опирающихся на информационно-вычислительные сервисы, с полномасштабным информационным обеспечением на основе новых информационных технологий, в том числе облачных информационно-вычислительных сервисов (рис.1).

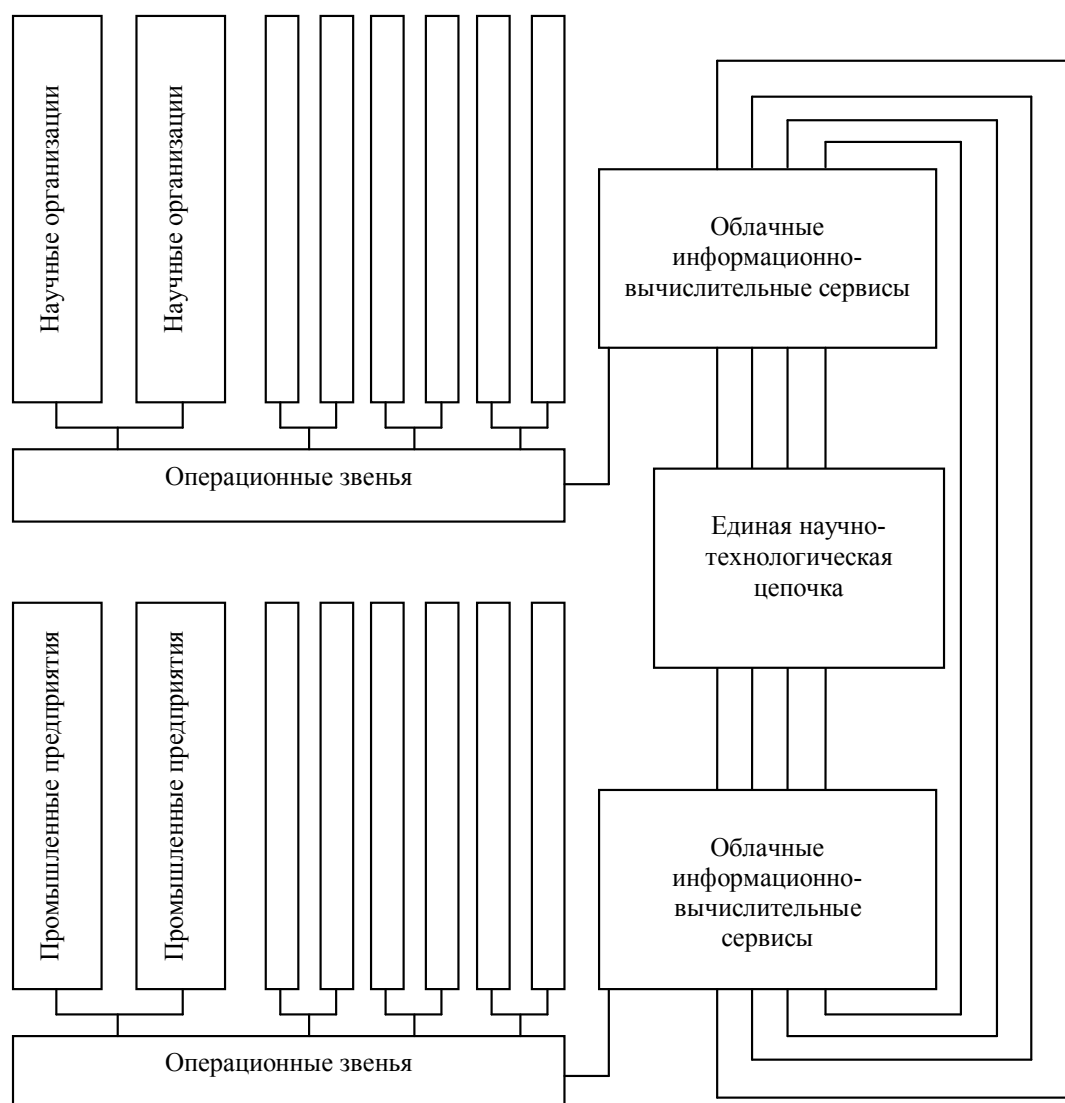

Рис. 1. Схема интеграции научных и производственных операционных звеньев в рамках единой научно-технологической цепочки на основе использования организационно-технологических моделей конвергенции науки, технологий и производства

Как видно из рисунка, именно информационная инфраструктура позволяет обеспечить интеграцию научных и производственных операционных звеньев в рамках единой научно-технологической цепочки на основе использования организационно-технологических моделей конвергенции науки, технологий и производства при NBICS-конвергенции.

Эта ситуация создает базу для наращивания новых возможностей управления в коренным образом – после советского периода – изменившихся условиях в экономике России вследствие новых научно-технических, производственных, организационно-управленческих, экономических задач, а также готовых разработок и использования накопленных научных заделов [4].

Сейчас, помимо прежних – ранее в основном стабилизационных – вопросов, стали актуальны следующие темы:

- формирование постиндустриальных форматов деятельности научных и производственных структур, включая всех участников, как традиционных, так и новых;
- интеграция всех участников научно-технической деятельности в сфере NBICS-инноваций с помощью новых информационных технологий;
- новые бизнес-модели и услуги, предназначенные для развития научных и производственных структур и их использования для развития промышленности России.

Необходимость проводимых в экономики России модернизационных мероприятий по внедрению перспективных информационно-вычислительных сервисов в научно-производственную сферу не вызывает сомнений [11].

Главными принципами этих мероприятий можно считать обеспечение реальной объединенности взаимодействия организаций фундаментальной и прикладной науки с производственным сектором для создания новых типов отраслей на научно-технологической базе NBICS-инноваций, применение открытой архитектуры и модульности построения современных систем и комплексов информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки, а также осуществление вертикальной и горизонтальной интеграции и взаимодействия всех участников управленческих транзакций (функционирования и развития научных и производственных структур).

Более того, обеспечение всесторонней интеграции, повышение уровня взаимодействия, а также достижение синергетического эффекта за счет реализации принципов «сетевых» концепций и интеграции систем обмена информацией, генерирования знаний и коммерциализации инноваций становится все более актуальным и приоритетным направлением реформирования инновационных экосистем большинства стран мира [6].

При этом повышение эффективности российских научных и производственных структур позволяет сделать следующие выводы:

- об отсутствии государственной монополии на повышение эффективности российских научных и производственных структур;

- о том, что каждое последующее рыночное реформирование российских научных и производственных структур отмечалось все большей рассредоточенностью инновационных структур в инновационной экосистеме (в управленческом пространстве), а будущие тренды реформирования российских научных и производственных структуры, вероятнее всего, будут характеризоваться еще большей анклавностью. При этом, повышение эффективности российских научных и производственных структурах будет опираться на различные по размеру инновационные структуры, выполняющие разнообразные задачи крупномасштабных инновационных проектов;

- о распределенности инновационных структур в мировой экономике, их высокой мобильности, самодостаточности и способности выполнять задачи в течение длительного промежутка времени;

- о комплексном развитии структур, вместо сосредоточения основных усилий на одном направлении, что является залогом успеха ведения так называемых «нелинейных» стратегий функционирования и развития научных и производственных структур как базы для формирования научно-производственной суперсистемы России на научно-технологической базе NBICS-инноваций;

- о смещении акцента на формирование постиндустриальной инфраструктуры функциональной научно-производственной цепочки как инструмента повышения эффективности российских научных и производственных структур – элементов распределенного комплекса инновационных экосистем в отраслях и секторах российской промышленности.

Такой подход к повышению эффективности российских научных и производственных структур представляется как эволюционизированный путь информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки, затрагивающий все возможные сферы (экономическую, социальную и собственно научно-производственную), действия в которых используются для реализации стратегических целей или для выполнения поставленных задач.

Так что сетевая глобальность, предусматривает, в первую очередь, возможность инновационных структур получать доступ к информационной инфраструктуре, базам данных, аналитическим центрам и т.д., находясь в любой точке земного шара и в любое время [8]. Следовательно, новые принципы управления позволяют реализовать и новые инновационные возможности, но только современных, мобильных, высокотехнологичных структур в любой точке их действия.

Именно с этой целью и проводится реформирование инновационных экосистем ряда зарубежных стран, а также реализуются новые принципы управ-

ления научными и производственными структурами, предусмотренные перспективными «сетевыми» концепциями [12]. Создаются органы управления, позволяющие добиться реальной объединенности взаимодействия организаций фундаментальной и прикладной науки с производственным сектором для создания новых типов отраслей на научно-технологической базе NBICS-инноваций, сохранить принцип централизованного управления научно-технической сферой, при одновременном децентрализованном выполнении поставленных задач [2]. При этом ни о каком едином органе управления, созданном по территориальному признаку, речи не идет.

Формирование сетевых органов управления инновационными структурами при их территориальном разнесении является одной из тенденций последних лет в экономиках ведущих западных государств [9]. Именно внедрение перспективных информационно-вычислительных сервисов позволяет достичь необходимого уровня взаимодействия и объединенности, не сосредотачивая все органы управления в одном месте.

Новые инновационные структуры, использующие перспективные «сетевые» концепции, действительно могут применять и новую тактику развития. Развернутые системы инновационного управления, телекоммуникаций и устойчиво повторяющихся оптимальных организационных схем научно-производственной цепочки позволяют каждому хозяйствующему субъекту в инновационной экосистеме видеть местоположение других хозяйствующих субъектов и функционировать в инновационной экосистеме [7].

Но «сетевые» принципы – это не только тактика «роя» динамичных структур с рассредоточенными инновационными порядками, это и изменение способов инновационной деятельности, упрощение процедур согласования и координации при организации взаимосвязанных российских и международных научно-технических циклов. Сетевые принципы – это также некоторое нивелирование разграничения средств по звеньям управления, позволяющее применять стратегические средства информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки для инновационного обеспечения действий инновационных структур.

Таким образом, позволяя средствам информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки обмениваться информацией между собой (объединяя их сетью), предполагается достичь синергетического эффекта, когда комбинированное действие двух или нескольких инновационных бизнес-единиц превышает эффективность, обеспечиваемую каждой структурой в отдельности. Объединяя средства информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки в единую «систему систем», мы повышаем угол поля зрения (охвата), разрешающую способность, сокращаем время управлен-

ческих транзакций, обеспечиваем ведение устойчиво повторяющихся оптимальных организационных схем научно-производственной цепочки, а также снижаем недостатки каждого элемента в отдельности.

Проводимые мероприятия позволяют не только осуществить масштабные преобразования системы информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки, но и перейти к новому принципу осуществления всего инновационного обеспечения как «адаптивного взаимодействия» [13]. Данный принцип касается возможности пользователей глобальной информационно-управляющей сети иметь доступ к информации из различных источников, в том числе от соседних стран [1].

Не меньшее значение «сетевые» принципы играют и при организации функционирования и развития научных и производственных структур как базы для формирования научно-производственной суперсистемы России на научно-технологической базе NBICS-инноваций. Ведь главным недостатком разрабатываемых ранее систем информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки было полное отсутствие взаимодействия с другими аналогичными системами. Например, устаревшие инновационно-вычислительные комплексы представляли собой совокупность из определенного средства информационно-вычислительного обслуживания с прямым каналом передачи. Применительно же к экономике России уже сейчас целесообразно говорить не об отдельных инновационно-вычислительных комплексах, а о единой «системе систем», функционирующей в рамках концепции ведения функционирования и развития научных и производственных структур в едином информационном пространстве информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки.

Данная «система систем» представляет собой совокупность средств информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки, средств управления и передачи данных, объединенных в единую информационно-вычислительную общность. Применение в управленческом пространстве единого информационного поля, в котором функционирует эта общность, позволяет назначать для достижения цели любое наиболее подходящее средство. Успешное функционирование инновационно-информационной общности, по сути, является реализацией концепции сетевого повышения эффективности российских научных и производственных структур, т.е. позволяет вести инновационные действия в едином информационном пространстве.

На рис. 2 приведена обобщенная схема информационной инфраструктуры организационных структур, занимающихся генерацией, коммерциализацией и внедрением инноваций. Как видно на рисунке, информационная инфраструктура организационных структур, занимающихся генерацией, коммерциализацией и вне-

дрением инноваций представляет собой распределенный комплекс информационных систем, опирающийся на центры облачных информационно-вычислительных сервисов.

Вместе с тем, в настоящее время еще остается нерешенным целый ряд проблем, связанных с невоз-

можностью оптимально размещать и применять разрозненные средства оптимизации функционирования научно-производственной цепочки и объединять их в сеть, осуществлять одновременное их задействование в интересах решения критичных ко времени задач [3].

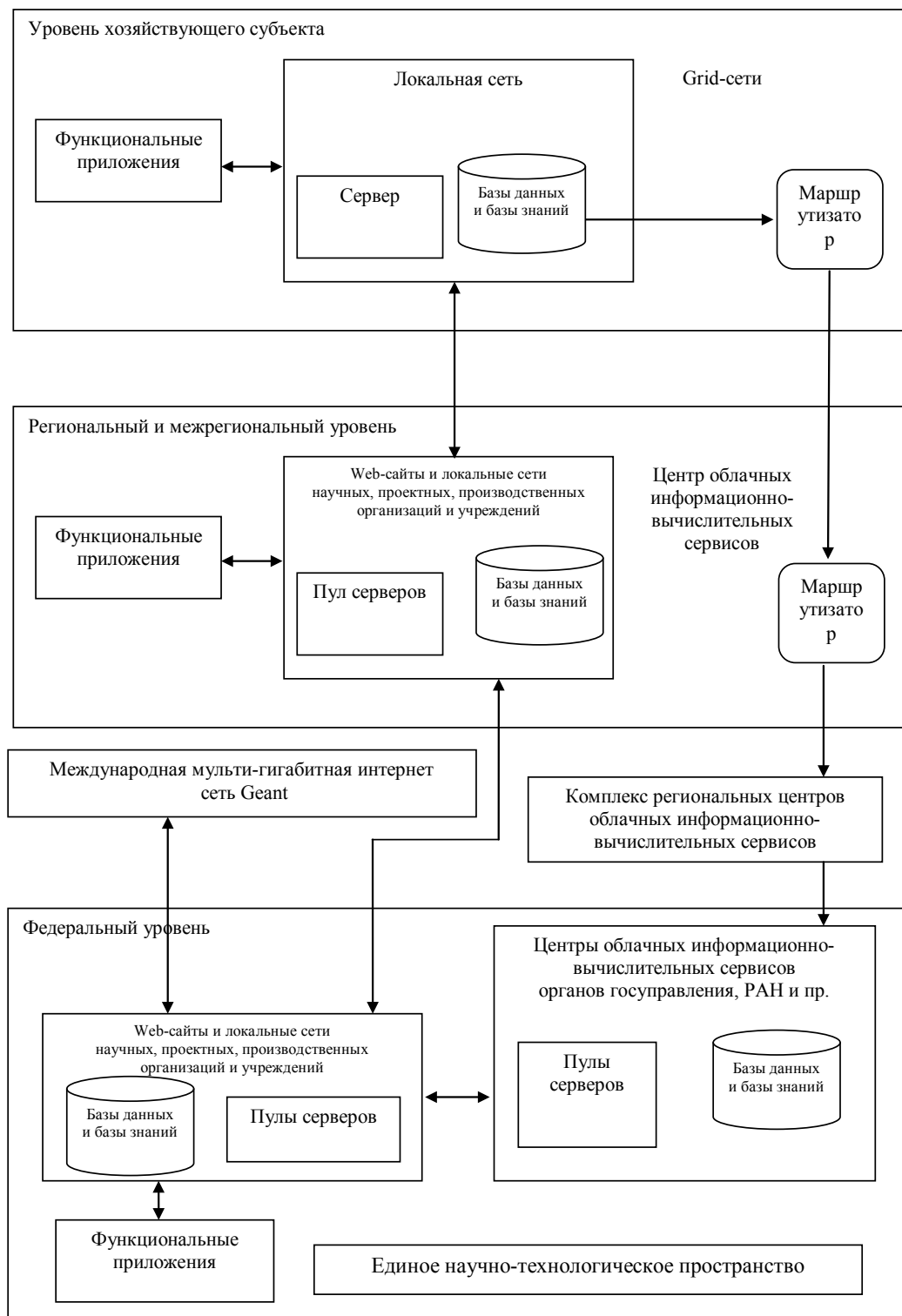

Рис.2. Обобщенная схема информационной инфраструктуры организационных структур, занимающихся генерацией, коммерциализацией и внедрением инноваций

Эти проблемы связаны, в первую очередь, с недостатками в решении оперативных вопросов ведения и планирования проектов (несогласованность действий между министерствами и бизнес-сообществом), недостатки в архитектуре построения информационно-вычислительных систем, не позволяющие осуществлять их интеграцию и взаимодействие, а также отсутствие автоматизированного инструментария межведомственной обработки информации, постановки задач и управления средствами информационно-вычислительного обслуживания функциональной научно-производственной цепочки.

Принятие данной стратегии включает создание современной инфраструктуры коммуникаций и обработки информации с унифицированностью в сервисах, необходимых различным научным дисциплинам, масштабируемой и гибкой программной платформы, обеспечивающей создание тиражируемых научно-технологических сетей и рассчитанной на управление данными, поступающими с высокой скоростью и их анализ в реальном времени. В результате расширяются возможности для совершенствования деятельности организационных структур, занимающихся генерацией, коммерциализацией и внедрением инноваций, что предъявляет еще более высокие требования к государственному и корпоративному менеджменту для повышения уровня их общей эффективности.

Литература

1. Агеев А., Громбалл П. Стратегии, инновации, модели // Экономические стратегии. 2007. № 8. С. 58–65.
2. Деркач А.К. Инвестиционные аспекты балансирования научно-технических циклов в экономике России // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75). С. 107–109.
3. Деркач А.К. Проблемы формирования постиндустриального научно-производственного базиса российской экономики // Альманах современной науки и образования. 2013. № 9 (76). С. 107–108.
4. Зеленский В.А. Обеспечение международной конкурентоспособности российских научных и производственных структур в системе взаимосвязанных российских и международных научно-технических циклов // Экономические науки. 2013. № 98. С. 163–168.
5. Зеленский В.А. Удовлетворение спроса на научно-технические ресурсы как инструмент разрешения структурных диспропорций и противоречий в экономике России // Вопросы экономики и права. 2012. № 53. С. 130–136.
6. Зойдов К.Х. Уроки трансформационного кризиса // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 44–56.
7. Логинова В.Е. Проблемы перехода российской экономики к новому технологическому базису на основе развития НИС России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2013, №8. С. 114–116.
8. Лукин В.К. Развитие регионального сегмента российской финансовой системы в условиях глобали-

зации // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 4. С. 241–245.

9. Лукин В.К. Формирование взаимосвязанного комплекса организационных инструментов обслуживания финансовых программ // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 4. С. 245–249.

10. Петров Д.В. Мирохозяйственная адаптация организационных механизмов инвестиционного стимулирования модернизационных программ // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 1 (61). С. 226–231.

11. Проблемы мониторинга функционирования распределенных информационных систем. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 294 с.

12. Проблемы управления национальной экономикой на основе стратегического оперирования инвестиционными факторами. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт, 2004. 251 с.

13. Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. М.: Издательство ИКАР, 2009. 245 с.

14. Сайфиева С.Н. Финансовые и реальные инвестиции в российскую экономику: отраслевой аспект // Финансовый бизнес. 2013. № 5 (166). С. 12–23.

15. Цветков В.А., Борталевич С.И., Логинов Е.Л. Стратегические подходы к развитию энергетической инфраструктуры России в условиях интеграции национальных энергосистем и энергорынков. М.: ИПР РАН, 2014. 511 с.

16. Шевченко И.В., Литвинский К.О. Устойчивое развитие: мировой опыт и проблемы России // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 13. С. 3–10.

17. Шевченко И.В. Финансовое регулирование российской экономики как макрокогерентной системы в условиях нелинейной экономической динамики // Финансы и кредит. 2013. № 22. С. 17–22.

References

1. Ageev A., Gromball P. Strategy, innovation, the model // Economic strategy. 2007. № 8. Pp. 58-65.
2. Derkach A.K. Investment balancing aspects of scientific and technological cycles in the economy of Russia // Almanac of modern science and education. 2013. № 8 (75). Pp. 107-109.
3. Derkach A.K. Problems of formation of post-industrial research and production base of the Russian economy // Almanac of modern science and education. 2013. № 9 (76). Pp. 107-108.
4. Zelensky V.A. Ensuring the international competitiveness of Russian scientific and industrial structures in the system of interrelated Russian and international science and technology cycles // Economics. 2013. № 98. Pp. 163-168.
5. Zelensky V.A. Meeting the demand for scientific and technical resources as a tool for resolving the structural imbalances and contradictions in the economy of Russia // Problems of Economics and Law. 2012. № 53. Pp. 130-136.

6. Zoidov K.H. Lessons transformational crisis // Economics of modern-day Russia. 2005. № 4. Pp. 44-56.
7. Loginov V.E. Problems of transition of the Russian economy to a new technological basis through the development of NIS Russia // Actual problems of Arts and Sciences, 2013, №8. Pp.114-116.
8. Lukin V.K. Development of the regional segment of the Russian financial system in the context of globalization // Economy. Right. Print. Bulletin KSEI. 2013. № 4. Pp. 241-245.
9. Lukin V.K. Formation of an interconnected complex of organizational maintenance tools of financial programs // Economy. Right. Print. Bulletin KSEI. 2013. № 4. Pp. 245-249.
10. Petrov D.V. World economy adaptation of institutional mechanisms to stimulate investment modernization programs // Economy. Right. Print. Bulletin KSEI. 2014. № 1 (61). Pp. 226-231.
11. The problems of monitoring the operation of distributed information systems. Monograph. M.: UNITY-DANA, 2005. 294 p.
12. Problems in the management of the national economy through strategic investment of operating factors. Krasnodar Kuban Social and Economic Institute, 2004. 251 p.
13. Raikov A.N. Convergent management and decision support. - M.: Publishing house IKAR, 2009. - 245 c.
14. Sayfiyeva S.N. Financial and real investment in the Russian economy: from-sectoral aspect // Financial business. 2013. № 5 (166). Pp. 12-23.
15. Tsvetkov V.A., Bortalevich S.I., Loginov E.L. Strategic approaches to the development of energy infrastructure in Russia in terms of integration of national energy systems and energy markets. M.: IPR RAS, 2014. 511 p.
16. Shevchenko I.V., Litvinsky K.O. Sustainable development: international experience and problems of Russia // Regional economy: theory and practice. 2007. № 13. Pp. 3-10.
17. Shevchenko I.V. Financial regulation of the Russian economy as makrokogerental system in terms of non-linear economic dynamics // Finances and Credit. 2013. № 22. Pp. 17-22.

УДК 811.161.1
ББК 32.965+81.1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ АЛКОГОЛЬНОЙ ИНТОКСИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЧИ

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ РОНЖИН,

*заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук,
профессор, доктор технических наук*

E-mail: ronzhin@iias.spb.su;

ОЛЕГ ОЛЕГОВИЧ БАСОВ,

*докторант Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации,
кандидат технических наук*

E-mail: oobasov@mail.ru

Научная специальность 05.13.11 – математическое и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов и компьютерных сетей

Научный консультант: доктор технических наук И.А. Саитов

Рецензент: доктор технических наук А.А. Карпов

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. На основе автоматического распознавания речи человека предложен подход к определению алкогольной интоксикации, влияющей на изменение параметров его голосового тракта и семантико-синтаксическую связность устной речи. Проведенные эксперименты подтвердили зависимость ошибок распознавания от степени алкогольной интоксикации и позволили сделать вывод о возможности мониторинга опьянения лиц, состоящих на профилактическом учете, на основе существующих инфокоммуникационных технологий.

Ключевые слова: алкогольная интоксикация, автоматическое распознавание речи, ошибка распознавания, семантико-синтаксический анализ.

Annotation. Automatic speech recognition approach is developed for detection of alcohol intoxication, which changes features of vocal tract and semantic-syntactic fluency of conversational speech. Preliminary experiments confirmed the relation between recognition error rate and alcohol intoxication degree. This approach in combination with modern infotelecommunication technologies is useful for monitoring and prevention of person intoxication.

Keywords: alcohol intoxication, automatic speech recognition, recognition error rate, semantic-syntactic analysis.

Введение

Успех в предупреждении совершения преступлений в состоянии опьянения может быть обеспечен созданием широкой социально-экономической, правовой и информационно-технологической системы профилактики пьянства и алкоголизма, эффективного механизма управления этой системой и координации антиалкогольных усилий различных государственных органов, социальных институтов и общественных организаций.

Согласно Приказу № 1166 МВД России от 31 декабря 2012 г. «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» проводится индивидуальная профилактическая работа с лицами, состоящими на профилактическом учете, в том числе больными алкоголизмом и наркоманией, состоящими на учете в медицинских организациях и представляющих опасность для окружающих. В связи с возрастающей потребностью в постоянном мониторинге опьянения таких лиц при значительном снижении числа участковых уполномоченных полиции особую актуальность приобретает использование современных инфокоммуникационных технологий, позволяющих бесконтактно определять степень алкогольной интоксикации человека по его биометрическим параметрам в процессе коммуникативного акта (телефонного разговора, использования информационно-справочных сервисов и т.п.) [1, 2].

Самым простым, удобным, и, в то же время, индивидуальным средством коммуникации является речь человека. Она обладает физическими характеристиками, которые позволяют получать информацию о состоянии человека благодаря психологическим эффектам, которые вызывают эти характеристики. Однако, основное назначение существующих технологий анализа речи [3–5] – различного вида детекторы (детекторы лжи, страсти, любви и т.д.), которые, как правило, имеют достаточно узкое применение в криминалистике.

На сегодняшний день существует неохваченная область исследований, в которой речь может быть ис-

точником дополнительной информации о состоянии человека: изменения пульса, температуры, кровяного давления, состава крови, аллергических реакций и т.д. Ее получение требует синхронизации речевых и внеречевых данных и позволит выявить физические параметры речи, отражающие изменение физико-психологического состояния человека. Например, чрезмерное напряжение связок, т.е. наличие микровибраций в определенном участке частот при производстве речи может повлечь повышение артериального давления или температуры; следовательно, пытаясь оценить микротремор – степень напряженной работы связок, можно спрогнозировать изменение внеречевых параметров состояния человека. Изменение качества распознавания речи при использовании инфокоммуникационных технологий (например, при телефонном разговоре) может служить источником информации о степени алкогольной интоксикации абонента.

Структура модели распознавания русской речи, используемой для определения степени алкогольной интоксикации. В проводимом исследовании была применена система интегрального распознавания и понимания речи SIRIUS (SPIIRAS Interface for Recognition and Integral Understanding of Speech) [6, 7], содержащая такие этапы обработки, как: параметризация речевого сигнала, распознавание слитной речи, а также семантико-синтаксическая оценка связности произнесенной фразы (рис. 1).

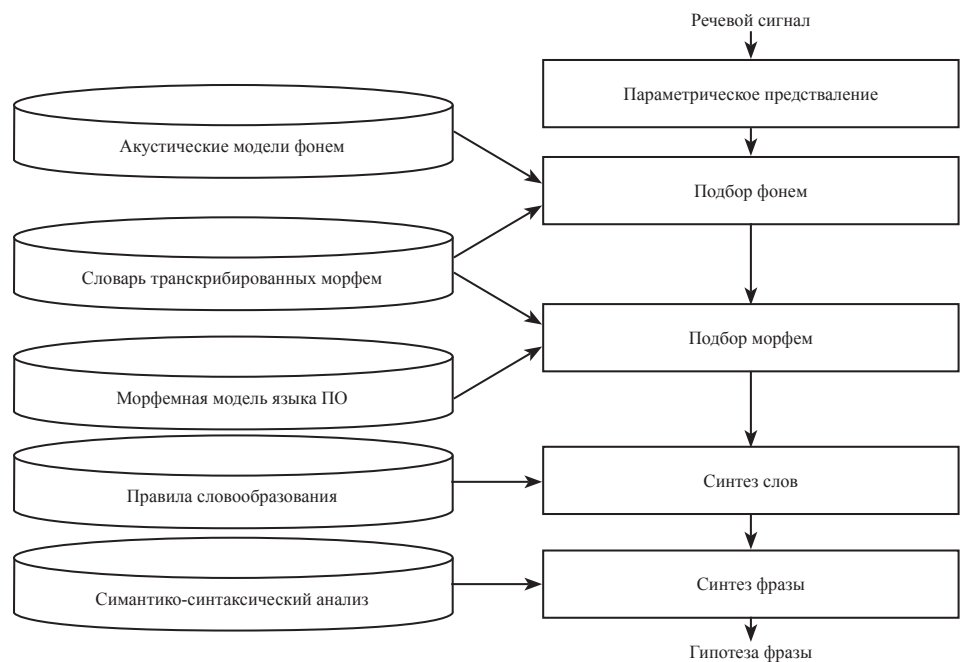

Рис. 1. Система интегрального распознавания и понимания речи SIRIUS

В системе использовалась концепция интегрального понимания, реализующая объединение в одной системе акустических данных, информации о языке, предметной области и выполняемой задаче, а также их одновременной обработке при анализе речевой команды [8]. Выход каждого уровня распознавания представляет собой множество гипотез с соответствующими оценками. Возможные неопределенности и ошибки, поступившие на текущий уровень (или возникшие на нем), уменьшаются или исключаются в ходе интегральной обработки. Суть интегральной обработки сводится к оценке входных гипотез по критериям соответствующих знаний. На основе частных оценок вырабатывается интегральная оценка. В результате входной сигнал оценивается по разным уровням знаний, а окончательное решение принимается по минимуму интегрального отклонения. Это делает модель робастной к вероятным отклонениям и выгодно отличает ее от общепринятой концепции последовательного разбора. Кроме того, разработанный инструментарий для интегральной оптимизации параметров модели позволяет достичь необходимой эффективности настройки баз данных, а также переносимости модели понимания на новую прикладную задачу.

Данная система обеспечивает робастное распознавание и понимание речи даже при возникновении частичных фонетических и грамматических искажений во входной фразе, а также позволяет уменьшить количество ошибок распознавания смысла в несколько раз по сравнению со стандартными подходами [9].

Для устранения проблем, связанных со сложным механизмом словообразования, был внедрен дополнительный уровень представления речи – морфемный. За счет разделения словоформы на морфемы словарь распознаваемых лексических единиц значительно сокращается, так как в процессе словообразования часто используются одни и те же морфемы. При этом скорость и точность распознавания увеличиваются, что позволяет строить приложения, использующие распознавание русской речи в реальном времени [10].

Распознавание речевого сигнала и последующая оценка связности слов в произнесенной фразе и осмысленность самой фразы является важным критерием состояния диктора. Если характеристики голоса можно попытаться подделать, настолько точно, что на слух будет практически незаметно, то при произношении осмысленного, но незнакомого для абонента текста, всегда возникают ошибки в речи, связанные с характером человека, а также психофизиологическим состоянием, в том числе алкогольной интоксикацией. Такие же неточности возникают и при ответах на заранее подготовленные системой вопросы (при использовании вместо телефонии интерактивных информационных сервисов). Интегральным критерием алкогольной интоксикации человека служит точность автоматического распознавания речи, произносимой человеком. Данный критерий учитывает как изменения параметров голосового тракта, так и семантико-

синтаксическую связность произносимой человеком речи.

Результаты экспериментов по определению степени алкогольной интоксикации человека. Целью эксперимента являлось определение зависимости точности автоматического распознавания речи от степени алкогольной интоксикации говорящего. В тестировании участвовали три человека, имеющие примерно одинаковую массу и принадлежащие к одной социальной группе.

Для каждого тестируемого предварительно записывался образец голоса в нормальном состоянии. Число фраз, используемых для подготовки модели голоса без интоксикации, варьировалось от 200 до 800 предложений. Изменение в этих пределах не показало значительного снижения точности распознавания, в связи с чем был сделан вывод о возможности использования нижнего предела. После создания эталонной модели производилась запись для тестирования системы распознавания речи в нормальном состоянии, затем состояние тестируемых постепенно изменялось.

Результаты эксперимента показали, что точность распознавания существенно выше для дикторов без интоксикации, уровень ошибок распознавания особенно возрастает на первых стадиях интоксикации, затем постепенно фиксируется на определенном уровне, но все же значительно большем, по сравнению с нормальным состоянием (рис. 2).

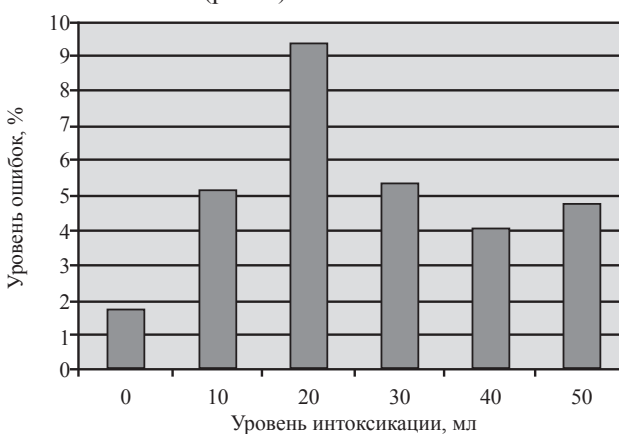

Рис. 2. Уровень ошибок распознавания в зависимости от степени интоксикации человека

Следует заметить, что длительность тестовой фразы также влияет на точность распознавания (рис. 3). В начале тестирования диктор делает больше ошибок, и меньше в конце. Это объясняется видимо тем, что при произношении первой фразы диктор испытывает несколько большее волнение, что сказывается на качестве речи, а при увеличении интоксикации это волнение увеличивается.

Следует отметить, что разработанный подход ориентирован на применение в режиме реального времени, если же планируется проводить обработку речевых баз данных в оффлайн режиме, при котором накладываются менее жесткие требования по скорости обра-

ботки данных, то могут быть привлечены и другие, более сложные средства автоматизированной обработки речи и текста [11–14].

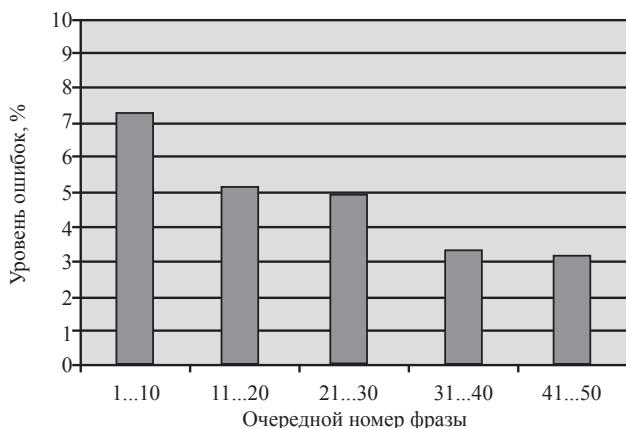

Рис. 3. Уровень ошибок распознавания в зависимости от номера фразы диктора

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о приемлемой точности распознавания алкогольной интоксикации и возможности использования системы распознавания русской речи в качестве средства мониторинга опьянения лиц, состоящих на профилактическом учете, на основе существующих инфокоммуникационных технологий. В связи с этим, целесообразно установить в КоАП и УК РФ правовые основания такого экспресс-освидетельствования на состояние опьянения для всех случаев, когда это регламентирует законодательство, предусмотрев юридическую ответственность за уклонения от прохождения освидетельствования на состояние опьянения.

Литература

1. Bone D., Li M., Black M.P., Narayanan S.S. Intoxicated speech detection: A fusion framework with speaker-normalized hierarchical functionals and GMM supervectors. *Computer Speech and Language*, Vol. 28, Issue 2, March 2014, P. 375–391.
2. Schiel F. Perception of alcoholic intoxication in speech. *Proceedings of the 12th Annual Conference of the International Speech Communication Association, INTERSPEECH 2011, Florence; Italy; 27–31 August 2011*, P. 3281–3284.
3. Zhou G., Hansen J.H.L. and Kaiser J.F.: Methods for Stress Classification: Nonlinear Teo and Linear Speech Based Features // *ICASSP'99*. Vol. 4. P. 2087–2090.
4. Oudeye, P-Y. The production and recognition of emotions in speech: features and algorithms // *International Journal of Human Computer Interaction*. 2003. Vol. 59(1-2). P.157–183.
5. Geiger J.T. Zhang B., Schuller B., Rigoll G. On the influence of alcohol intoxication on speaker recognition. *Proceedings of the 53rd AES International Conference, London; United Kingdom; 26 January 2014*, P. 318–324.
6. Карпов А.А., Ронжин А.Л., Ли И.В. SIRIUS – си-

стема дикторo-независимого распознавания слитной русской речи // *Известия ТРТУ*. № 10. 2005. С. 44–53.

7. Karpov A., Markov K., Kipyatkova I., Vazhenina D., Ronzhin A. Large vocabulary Russian speech recognition using syntactico-statistical language modeling // *Speech Communication*. Elsevier. 2014, Vol. 56, January, P. 213–228.

8. Ronzhin A.L., Karpov A.A. “Russian Voice Interface”. *Pattern Recognition and Image Analysis*, Vol. 15, No. 2, 2005, pp. 432–434.

9. Kosarev Yu.A., Lee I.V., Ronzhin A.L., Skidanov E.A., Savage J. Survey of the approaches to speech and text understanding // *SPIIRAS Proceedings*. Issue 1. Vol. 2. St. Petersburg: SPIIRAS, 2002. P. 157–195.

10. Ронжин Ал.Л., Ронжин Ан.Л. Система аудиовизуального мониторинга участников совещания в интеллектуальном зале // *Доклады ТУСУРа, № 1 (22), часть 1, 2011*, С. 153–157.

11. Азаров И.С., Вашкевич М.И., Лихачев Д.С., Петровский А.А. Изменение частоты основного тона речевого сигнала на основе гармонической модели с нестационарными параметрами // *Труды СПИИРАН*. 2014. Вып. 32. С. 5–26.

12. Туунов С.Д., Мещеряков Р.В., Черных Д.В. Оптимизация вычисления одновременной маскировки речевого сигнала // *Труды СПИИРАН*. 2014. Вып. 32. С. 45–57.

13. Качковская Т.В. Использование темпоральных характеристик для сегментации речевого потока на крупные смысловые единицы (на материале русского языка) // *Труды СПИИРАН*. 2014. Вып. 32. С. 68–81.

14. Басов О.О., Носов М.В., Шалагинов В.А. Исследование характеристик джиттера периода основного тона речевого сигнала // *Труды СПИИРАН*. 2014. Вып. 32. С. 27–44.

References

1. Bone D., Li M., Black M.P., Narayanan S.S. Intoxicated speech detection: A fusion framework with speaker-normalized hierarchical functionals and GMM supervectors. *Computer Speech and Language*, 2014, Vol. 28, Issue 2, pp. 375–391.
2. Schiel F. Perception of alcoholic intoxication in speech. *Proceedings of the 12th Annual Conference of the International Speech Communication Association, INTERSPEECH 2011, Florence. Italy. 2011*, pp. 3281–3284.
3. Zhou G., Hansen J.H.L., Kaiser J.F. Methods for Stress Classification: Nonlinear Teo and Linear Speech Based Features. *ICASSP'99*. Vol. 4. pp. 2087–2090.
4. Oudeyer P-Y. The production and recognition of emotions in speech: features and algorithms. *International Journal of Human Computer Interaction*. 2003. Vol. 59(1–2). pp.157–183.
5. Geiger J.T., Zhang B., Schuller B., Rigoll G. On the influence of alcohol intoxication on speaker recognition. *Proceedings of the 53rd AES International Conference, London. United Kingdom. 2014*. pp. 318–324.

6. Karpov A.A., Ronzhin A.L., Li I.V. [SIRIUS – speaker-independent system for recognition of continuous Russian speech]. *Izvestija TRTU – TRTU proceedings*. 2005. no. 10. pp. 44–53. (In Russ.).

7. Karpov A., Markov K., Kipyatkova I., Vazhenina D., Ronzhin A. Large vocabulary Russian speech recognition using syntactico-statistical language modeling. *Speech Communication*. Elsevier. 2014, vol. 56, pp. 213-228.

8. Ronzhin A.L., Karpov A.A. “Russian Voice Interface”. *Pattern Recognition and Image Analysis*, Vol. 15, No. 2, 2005, pp. 432–434.

9. Kosarev Yu.A., Lee I.V., Ronzhin A.L., Skidanov E.A., Savage J. [Survey of the approaches to speech and text understanding]. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. 2002. Vol. 2. Issue 1. pp. 157-195. (In Russ.).

10. Ronzhin A.L., Ronzhin A.L. [Audiovisual monitoring system of meeting participants in a intelligent

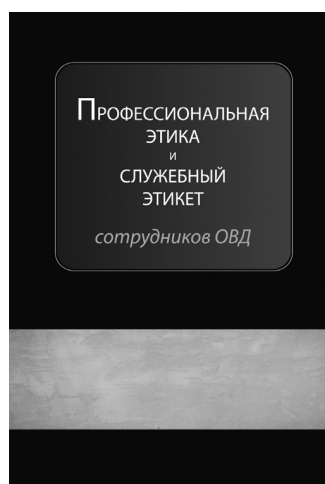
room]. *Doklady TUSURa – Proceedings of TUSUR*. 2011. no. 1 (22). pp. 153-157. (In Russ.).

11. Azarov I.S., Vashkevich M.I., Lihachev D.S., Petrovskij A.A. [Pitch modification of speech signal using harmonic model with time-varying parameters]. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. 2014. Vol. 32. pp. 5-26. (In Russ.).

12. Tiunov S.D., Meshcheryakov R.V., Chernyh D.V. [Optimization of calculation of frequency masking of speech signal]. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. 2014. Vol. 32. pp. 45-57. (In Russ.).

13. Kachkovskaia T.V. [Temporal aspects of intonational phrasing (evidence from russian)]. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. Vol. 32. pp. 68-81. (In Russ.).

14. Basov O.O., Nosov M.V., Shalaginov V.A. [Pitch-jitter analysis of the speech signal]. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. 2014. Vol. 32. pp. 27-44. (In Russ.).

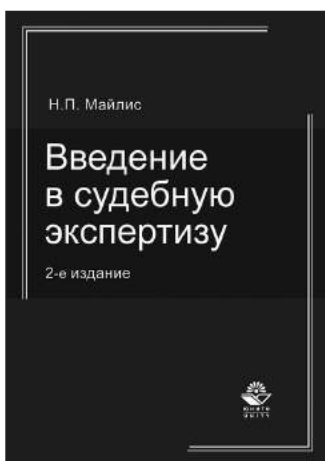

Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [И.И. Аминов и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Этот учебник – один из немногих опытов разработки проблем профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел. Его главная задача – способствовать повышению нравственной и правовой культуры работников криминальной полиции и полиции общественной безопасности.

С современных позиций рассматриваются основные этические проблемы: сущность морали, категории этики, история нравственных начал в деятельности царской полиции и советской милиции. Даются рекомендации по формированию у сотрудников общих и профессиональных компетенций, убеждений, умений и навыков соблюдения моральных и правовых норм в профессиональной деятельности и повседневном поведении. Особое внимание уделяется анализу Типового кодекса профессиональной этики и служебного поведения в контексте той или иной главы.

Для учащихся и преподавателей образовательных учреждений МВД России. Учебник может быть использован в процессе служебной подготовки сотрудников полиции.

Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.П. Майлис. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.

В пособии изложены основные теоретические понятия судебной экспертизы, представлены история развития, система государственных экспертных учреждений в России, правовые основы судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Раскрыты научные основы судебной экспертизы, включающие в себя криминалистическую идентификацию и диагностику; технология экспертного исследования; содержательная часть заключения эксперта и его доказательственное значение в расследовании и раскрытии преступлений. Уделено внимание информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, а также экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

УДК 378.6
ББК 74.58

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ИЛИДЖЕВ,

*временно исполняющий обязанности начальника кафедры уголовного права
и криминологии Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ilidsasha@yandex.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы информатизации образования. Проводится анализ современной научно-педагогической литературы, посвященной вопросам информатизации образования; выявлены основные тенденции развития организационной структуры учебного процесса в профессиональной школе. Исследованию подвергается формирование новой открытой информационно-образовательной среды.

Ключевые слова: информатизация образования, электронные образовательные ресурсы, самообразование, самообучение, информационно-образовательная среда, информационные технологии.

Annotation. The article investigates the problems of education informatization. The analysis of modern scientific and pedagogical literature on educational informatization, identified the main trends in the development of the organizational structure of the educational process at a vocational school. Exploration is exposed to the formation of a new open educational environment.

Keywords: informatization of education, electronic learning resources, self-education, self-learning, information and educational environment, information technology.

Информационные технологии в современном мире и электронные образовательные ресурсы нового поколения позволяют сделать вывод о том, что формируются новые тенденции развития организационной структуры учебного процесса в профессиональной школе. Остановимся на некоторых из них, представляющихся нам актуальными.

Одной из основных тенденций является *формирование новой открытой информационно-образовательной среды*, приходящей на смену традиционной закрытой среде (1; 2; 3; 4; 5). Она обусловлена тем фактом, что трендом развития постиндустриального общества становится перенос индивидуальной активности в Интернет: профессиональная деятельность, опосредованная дистанционными технологиями; развитие социальных сетей-сообществ, персональных сайтов, блогов, твиттеров; просмотр новостей, кинофильмов, концертов, художественных изданий и др. (6, с. 69). До эпохи Интернета индивидуальная активность проявлялась через включение человека в те или иные виды деятельности – познавательную, коммуникативную, преобразовательную, эстетическую и др. Это включение осуществлялось в пространстве и времени путем взаимодействия с людьми в ходе непосредственного общения и т.п. Сегодня ситуация кардинально изменилась; те же виды деятельности человек может осуществлять

как традиционно, так и в виртуальном пространстве, в среде Интернет с использованием социальных сетей, через персональные сайты и т.п. Индивидуальная активность в Интернет-пространстве позволяет человеку удовлетворять свои потребности в любом виде деятельности.

Современный процесс образования также происходит в комплексной среде – реальной и виртуальной. Кроме формального образования (завершающегося получением диплома установленного образца), сегодня имеют место еще два вида образования: неформальное (не сопровождающееся выдачей документа) и информальное (индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь и не носящая целенаправленный характер; она не требует руководства со стороны учителя или преподавателя). Информальное и неформальное образование непосредственно отражают и удовлетворяют личностные потребности и запросы индивидуума, мобилизуя, тем самым, его естественную способность к самосовершенствованию, к духовному росту.

Формальное образование в настоящее время осуществляется в реальном пространстве аудиторий и лабораторий. Неформальное образование носит характер открытого информационного обмена субъекта образования с его окружением – как правило, в виртуальном

Интернет-пространстве. Но при этом и формальное образование обогащается за счет дистанционных образовательных технологий. Отсюда следует, что современный образовательный процесс отличается тем, что он осуществляется в комплексной среде, включающей сочетание реальной и виртуальной среды.

Следующая тенденция развития организационной структуры учебного процесса – *пространственная распределенность* процесса образования как процесса приобретения компетенций. С этим связана многофакторность и нелинейность информационного обмена: удаленное общение с экспертами дает порой больший результат, чем взаимодействие с локальным (по месту учебы или работы) окружением. Дело в том, что одной из характеристик формы организации обучения являются его пространственные границы (локальное пространство класса, или цеха предприятия, или лекционной аудитории и т.д.). В данном случае речь идет о том, что прежде локальное (большое или маленькое – но локальное, т.е. ограниченное) пространство сегодня сочетается с удаленным и безграничным пространством, каковым является Интернет-пространство. Делокализация пространства приводит к тому, что тьютор, эксперт могут выполнять свои функции, находясь за тысячи километров от места расположения обучающегося. И этот эксперт может быть более высокого класса специалист, чем преподаватель. Это одна сторона делокализации.

Другая сторона данного вопроса состоит в том, что студенты высшей школы на современном этапе имеют принципиальную возможность обучаться в рамках формального образования в нескольких учебных заведениях, обучение становится мобильным. Возникает новая форма кооперативности процесса образования в силу открытости и корреляции образовательной деятельности индивида с деятельностью других соучастников.

Еще одна важная тенденция развития организационной структуры обучения – *утверждение самобразования и самообучения в качестве ведущих форм образования*. Суть этой тенденции в том, что в новой информационно-образовательной среде, в силу доступности любой информации в любое время и в любом месте, объективно возрастают роль и место самостоятельной работы. В связи с этим ряд исследователей считают, что набирает силу тенденция превращения самообразования и самообучения в ведущие формы получения образования. Не отрицая в целом наличие этой тенденции, обратим внимание на некоторые вопросы, возникающие по этому поводу.

Можно ли говорить о том, что самообразование и самообучение являются ведущими формами образования? Причем отметим, что речь идет не о конкретном виде образования (высшее, дополнительное и т.п.), а об образовании в целом, т.е. обо всех его видах и уровнях. Можно ли с этим согласиться, если мы говорим о школьном образовании, о подготовке рабочих и специалистов среднего звена, о подготовке бакалавров или специалистов?

Мы полагаем, а также и другие исследователи (3),

что данный вывод имеет ограничения. Самообучение в строгом смысле этого слова означает, что человек полностью самостоятельно, без участия педагога, обучается тем или иным знаниям или умениям. Но, с другой стороны, любое обучение (как взаимодействие педагога и обучающегося) есть, по сути, управление со стороны педагога познавательной деятельностью обучающегося. Это управление может быть разным по степени самостоятельности обучающегося. Чем выше степень самостоятельности обучающегося, тем выше роль самопроцессов – самообучения, самоуправления и т.п.). Но при любом варианте, надо сказать, что результат обучения всегда зависит от того, насколько обучающийся проявляет самостоятельную активность по осмыслению воспринимаемой информации, решению задач, выполнению упражнений, участию в обсуждении и т.д. Другими словами, самообучение и самообразование имели место всегда. Но с появлением Интернета кардинально изменились возможности самообразования благодаря доступности любой информации в любое время и в любой точке пространства.

В то же время, мы полагаем, что надо различать понятия самообучение, самообразование и самостоятельная работа. Первое понятие означает, что человек самостоятельно, независимо от какой-либо структуры (школа, колледж и др.) находит и осваивает необходимые ему знания и умения. Самообразование – то же, но несколько шире. Результатом самообразования может стать получение документа об образовании того или иного уровня.

Что касается самостоятельной работы – это форма организации обучения, применяемая в рамках образовательного процесса и направленная на то, чтобы обучающийся самостоятельно (но по заданию педагога) выполнил то или иное задание, являющееся частью образовательного процесса. Самостоятельная работа в данном контексте не совпадает с самообучением. Самообучение – это полностью самостоятельная, иницированная самим человеком деятельность по освоению тех или иных знаний.

Литература

1. Андреев А.А. Педагогика в информационном обществе, или электронная педагогика // Высшее образование в России. 2011. № 11. С. 113–117.
2. Галустян О.В. Технология е-лернинг в образовательном процессе // Информатизация в образовании. 2013. № 5. С. 126–133.
3. Ибрагимов Г.И. Методологические и прикладные проблемы развития дидактики профессиональной школы // Педагогика. 2014. № 8. С. 3–13.
4. Кирилова Г.И. Вопросы моделирования информационной среды профессионального образования // Казанский педагогический журнал. 2008. № 8. С. 114–119.
5. Сазонова З.С., Матвеева Е.В. Информационно-образовательное пространство новой педагогики // Высшее образование в России. 2011. № 2. С. 103–108.
6. Стародубцев В.А., Шепель О.М., Киселева А.А.

Особенности современного образовательного процесса // Высшее образование в России. 2011. № 8–9. С. 68–73.

References

1. *Andreev A.A.* Pedagogy in the information society, or e-pedagogy // Higher education in Russia. 2011. № 11. pp. 113–117.

2. *Galustjan O.V.* Technology e-learning in the educational process // Informatization of education. 2013. № 5. pp. 126–133.

3. *Ibragimov G.I.* Methodological and applied problems of didactics vocational school // Pedagogy. 2014. № 8. pp. 3–13.

4. *Kirilov G.I.* Questions modeling information environment of vocational education // Kazan pedagogical journal. 2008. № 8. pp. 114–119.

5. *Sazonov Z.S., Matveeva E.V.* Informational and educational space of the new pedagogy // Higher education in Russia. 2011. № 2. pp. 103–108.

6. *Starodubtsev V.A., Shepel O.M., Kiselev A.A.* Features modern educational process // Higher education in Russia. 2011. № 8–9, pp. 68–73.

УДК 316.722

ББК 60.523

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА КАРЕЛИНА,

инспектор отдела анализа и планирования

Организационно-аналитического управления ФМС России

E-mail: karelinaea@gmail.com

Научная специальность 22.00.04 – социальная структура,

социальные институты и процессы

Научный руководитель и рецензент: доктор социологических наук,

профессор Т.Н. Юдина

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Доказывается, что Российская Федерация, как и многие другие страны, уделяет пристальное внимание и занимается вопросами интеграции и адаптации мигрантов. Отражена работа и роль Федеральной миграционной службы в этом направлении, осуществляющей функции по выработке и реализации государственной политики в сфере миграции.

Ключевые слова: интеграция, адаптация, миграция, миграционная политика, трудовые мигранты.

Annotation. It is proved that the Russian Federation, as well as many other countries, paying close attention and deals with issues of integration and adaptation of migrants. Reflected the work and role of the Federal Migration Service in this direction, responsible for drafting and implementing the state policy in the field of migration.

Keywords: integration, adaptation, migration, migration policy, migrant workers.

В последние годы миграция населения приобретает поистине глобальные масштабы, становясь важнейшим фактором экономического, социального, политического и культурного развития населения всего мира, отдельных стран и регионов. Миграционные процессы изменяют социокультурную среду современных обществ, трансформируют традиционно сложившиеся отношения как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Все это существенно повышает

роль и значение международного и государственного регулирования миграционных процессов в интересах распределения и перераспределения миграционных ресурсов, поднимает статус миграционной политики государств на новый, более высокий уровень.

Все государства в той или иной мере подвержены влиянию миграции. Все они являются либо странами происхождения, странами назначения, либо теми и другими одновременно. Для многих из них успешная

интеграция прибывающих трудовых мигрантов является одной из основных задач, для которой необходимо найти правильное решение.

Проблема адаптации и интеграции трудовых мигрантов выходит сегодня в число самых острых и приоритетных вопросов государственной миграционной политики многих стран мира и Российская Федерация одна из них.

Рассматривая данный вопрос хотелось бы отметить, что приток трудовых мигрантов в большинстве своем воспринимается гражданами принимающего государства как дестабилизация сложившегося социального порядка, как угроза обществу. Но не стоит забывать, что в каждом современном государстве и уже во многих странах мира есть и существует законодательная база и политика, предусматривающая деятельность в области интеграции и адаптации мигрантов.

Необходимо отметить, что интеграция это процесс, при котором иностранных граждан принимают в обществе – в индивидуальном порядке и как группу. Конкретные требования к принятию обществом принимающей страны могут существенно меняться, в зависимости от страны. Ответственность за интеграцию лежит не только на одной конкретной группе, а скорее на нескольких сторонах: самих иммигрантах, правительстве, организациях и населении принимающей страны.

Безусловно, интеграция отличается от адаптации, под которой понимается процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни. С одной стороны, это приспособление человека как живого существа, а с другой, – как личности, социального феномена.

Российская Федерация в этом комплексном вопросе уже начала работу, чтобы приезжающие в Россию могли нормально интегрироваться и адаптироваться в нашем обществе, знали русский язык, уважали нашу культуру, традиции, историю нашей, поистине, великой страны и, конечно же, знали и следовали нашим законам.

В свою очередь, была разработана и утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.. В настоящее время это основной документ, представляющий систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в области миграции.

В соответствии с данной Концепцией одной из основных задач является содействие адаптации и интеграции мигрантов, формирование конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. К числу приоритетных направлений относятся:

- содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости;

- создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, включая их обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения путем формирования соответствующей инфраструктуры в странах их происхождения и в регионах Российской Федерации, испытывающих наибольший приток мигрантов, а также активно используя потенциал средств массовой информации и возможности культурно-адаптационных центров в странах происхождения мигрантов;

- обеспечение доступа иностранных граждан и членов их семей к социальным, медицинским и образовательным услугам, в зависимости от их правового статуса;

- содействие распространению русского языка и русской культуры за рубежом;

- противодействие социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов;

- разработка, внедрение и реализация программ адаптации и интеграции мигрантов и членов их семей в Российской Федерации на основе взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и бизнес-структур;

- создание инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации и интеграции, включая центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов;

- создание программ по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом;

- совершенствование взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с общественными объединениями, содействующими адаптации и интеграции мигрантов.

Основную работу в данной области осуществляет Федеральная миграционная служба, уделяя особое внимание теме адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

Так в 2010 г. в Федеральной миграционной службе создана линия работы, направленная на содействие адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, продвижение принципов толерантности, недопущение дискриминации и ксенофобии. Для этого создано Управление содействия интеграции ФМС России, задачи которого были определены следующим образом:

- участие в разработке стратегии интеграции иммигрантов в российское общество;

- организация работы территориальных органов ФМС России в сфере адаптации различных категорий иностранных граждан, прибывших на территорию

Российской Федерации, интеграции – полноценного включения иммигрантов в социокультурную структуру российского общества;

- сотрудничество с общественными, правозащитными российскими и международными организациями, национальными объединениями;

Кроме того, не стоит забывать, что в настоящий момент имеет место неурегулированность в законодательстве вопросов, касающихся социальной и культурной интеграции и адаптации иностранных граждан. До сих пор окончательно не проработан вопрос основных понятий в данной сфере.

В свою очередь, ФМС России по поручению Правительства Российской Федерации, совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, разработан проект федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации».

Законопроект направлен на закрепление в законодательстве основных понятий, необходимых для обеспечения деятельности в области адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации. В их числе: «социальная и культурная адаптация иностранных граждан», «социальная и культурная интеграция иностранных граждан», «адаптационный контракт», «интеграционный контракт», «инфраструктура для адаптации и интеграции иностранных граждан», «центр социальной адаптации и интеграции».

Рассматривая работу в этом направлении можно говорить, что на первом этапе (в 2012–2015 гг.) реализации Концепции планируются не только разработка и принятие нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию целей, задач и основных направлений государственной миграционной политики, но и создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства и инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации.

В настоящее время, в рамках пилотного проекта ФМС России «Центр социальной адаптации трудовых мигрантов», открыто два таких Центра в г. Тамбове и г. Оренбурге.

Центры призваны помочь осуществлению целей и задач по социальной адаптации иностранных трудовых мигрантов в российское общество на основе знания и уважения к нашему языку, культуре, обычаям и образу жизни.

Основными задачами Центров являются: оказание содействия в социальной адаптации трудовых мигрантов к российским условиям, профилактика незаконной миграции, информирование иностранных граждан о нормах российского миграционного законодательства.

Таким образом, политика в области содействия адаптации и интеграции трудовых мигрантов сейчас

только отстраивается с целью разработки четких и ясных процедур языковой, культурной, социальной, экономической адаптации и интеграции.

В зависимости от того, насколько эффективной и продуктивной будет работа в данной области, настолько будет формироваться у мигрантов стремление к социальной и культурной адаптации и интеграции в российский социум и, соответственно, взаимоотношений с местным населением.

Литература

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 8 июня 2012 г. Пр-1490.

2. Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Том 2. Миграционная политика и законодательство. Российский совет по международным делам. Главный редактор: докт. ист. наук, член-корр. РАН И.С. Иванов.

3. «Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов» – Международная организация по миграции. Перевод с английского. М., 2011. С. 196.

4. Герасимова И.В. Влияние миграционных процессов на регулирование социально-трудовых отношений [Текст]: Монография. М.: ГУУ, 2014. 188 с.

5. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: Российская Федерация, CARIM-East RR 2013/01, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

6. Основные направления деятельности федеральной миграционной службы (административно-правовой аспект): учебное пособие / Под ред. А.С. Прудникова, В.А. Лянного. М., 2015.

7. Основы миграционной политики: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. И.Н. Барцица, В.К. Егорова, К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М., 2010. 478 с.

8. Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский). Международная организация по миграции. М.: 2011. 165 с.

9. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособ. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. 472 с.

References

1. The concept of state migration policy of the Russian Federation for the period till 2025 as from 08/06/2012, PR-1490.

2. Migration in Russia in 2000–2012. Readings in 3 volumes. Volume 2. Migration policy and legislation. Russian international Affairs Council. Chief editor: doct. of hist. sciences, corresponding member of RAS I.S. Ivanov.

3. “Law and policy in the field of immigrant integration. The collection of legislation, policy and practice 19 States in the field of integration of immigrants” Interna-

tional organization for migration. Translation from English. M., 2011. P. 196.

4. *Gerasimova I.V.* Influence of migration processes on the regulation of social-labor relations [Text]: monograph. M.: GUU, 2014. 188 p.

5. *Mukomel V.I.* Integration of migrants: the Russian Federation, CARIM-East RR 2013/01, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

6. The main activities of the Federal migration service (administrative-legal aspect): the textbook / under

the editorship of A.S. Prudnikov, V.A. Lyannoy. M., 2015.

7. Fundamentals of migration policy: textbook / Ed. by I.N. Bartsits, V.K. Egorov, K.O. Romodanovsky, M.L. Tyurkin. M., 2010. 478 p.

8. Handbook of terminology in the field of migration (Russian-English). International organization for migration. M., 2011. 165 p.

9. *Yudina T.N.* Migration: a Glossary of key terms: Textbook. M.: Publishing house RSSU; Academic Project, 2007. 472 p.

УДК 37

ББК 74

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СЕЛЕ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА СЕМЕНОВА,

*учитель начальных классов МБОУ «Фрязевская» СОШ № 41 им. Б.А. Воробьева,
аспирантка кафедры технологий и профессионального образования
ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления»*

E-mail: vitalina_lena@mail.ru

Научная специальность 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Ю.В. Шаронин

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается история развития сельского образования в России от земских реформ до наших дней. Раскрываются истоки, предпосылки и причины современных проблем в российском образовании, а также вопросы модернизации современной системы сельского образования и перспективы дальнейшего его развития.

Ключевые слова: педагогика, сельское образование, история образования, стремление к образованию, развитие образования, земские реформы, библиотеки, техническое образование.

Annotation. Considered the history of development of education in rural of Russia: from land reforms to our days. Described origins, backgrounds and reasons of modern problems in Russian education, also covered issues of modernization of contemporary educational system and perspectives for further development of education in Russia.

Keywords: pedagogics, rural education, history of education, passion for education, development of education, land reforms, libraries, technical education.

В советское время, да и сегодня еще бытует мнение о том, что до Октябрьской революции 1917 г. качественного образования в России не существовало. Как указывает в своей статье А.Л. Андреев¹, если «после великой революции» обычно говорят о стремительном восхождении к небывалому расцвету просвещения, то период «до революции» столь же привычно ассоциируется в прессе и исторических учебниках, литературе с хронической отсталостью в сфере образования. Более того, дореволюционная Россия обычно характеризуется чуть ли не поголовной безграмотностью, а также стремлением власти гасить «светильники раз-

ума», и, как утверждают советские учебники истории, все прогрессивное в то время могло происходить исключительно и лишь «вопреки реакционной политике самодержавия». Сегодня, однако, наметилась некоторая тенденция отхода от такой черно-белой трактовки прошлого нашей страны. В прессе время от времени встречаются статьи, в которых прослеживается стремление дать более объективную и взвешенную оценку деятельности таких представителей русской культуры и образования, как С.С. Уваров, Д.А. Толстой, И.Д. Делянов, К.П. Победоносцев и др. Однако, такой подход проявляется пока, в основном, лишь в биографических

очерках или в характеристике отдельных учебных заведений, например, церковноприходских школ, в которые часто шли преподавать интеллигенция и либеральные представители дворянского сословия.

В остальном по прежнему продолжает действовать старое сугубо идеологизированное противопоставление «света» и «тьмы». В этой ситуации пытливым читатель может задаться вопросом: каким образом советской России, после стольких лет гонений на образование, удалось на протяжении чуть более пары десятков лет решить вопрос тотальной безграмотности и необразованности российского населения? Разве не кроется в этом какой-то подвох? Если мыслить такими категориями, то неизбежно возникает вопрос: а разве можно, в самом деле, создать образование мирового класса на протяжении жизни только одного поколения? Ведь настоящую систему образования нельзя построить в одночасье; ее надо создавать поколениями, поскольку ключевой элемент любой системы образования – это, прежде всего, мыслящие, интеллигентные люди, формирующие преподавательскую среду. В связи с этим возникает следующая догадка: не логично ли будет предположить, что процесс, который в 50–60-е гг. XX в. вывел Россию, точнее тогдашний Союз ССР, на позиции мирового лидера в образовании, имеет более продолжительный генезис, чем это обычно думают, когда относят его начало к середине 1930-х гг., или даже к моменту установления в 1917 г. Советской власти.

Для ответа на этот вопрос, обратимся к той ситуации, которая складывалась в российском образовании в последние несколько десятилетий перед коренным переломным моментом истории – Октябрьской революцией. Начнем с земских реформ Александра II. Согласно историческим документам, земские реформы затронули следующие сферы жизни людей и функции государства российского: содержание местных путей сообщения, попечение о медицинской помощи населению, народное образование, местную торговлю и промышленность, вопросы народного продовольствия и т.д. Однако, новые органы всесословного самоуправления были введены лишь на уровне губерний и уездов. Отсутствовало центральное земское представительство. Не было мелкой земской единицы в волостях. Современники остроумно называли земство «зданием без фундамента и крыши». Несмотря на все эти негативные моменты, именно тогда, во времена земских реформ, зародилось российское образование. Точнее, сельское образование, так как большую часть населения в те времена представляло собой население сельское. Среди русских разночинцев и интеллигенции стало уважаемым и модным такое явление, как «ходить в народ». Народники лечили и учили крестьян, организовывали приюты, тратили даже личные сбережения и накопления на развитие образования и медицины на селе. Именно тогда в городах стали активно появляться университеты. Несомненно, что отмена крепостного права и реформы земского управ-

ления дали мощный импульс развитию образования в России и, особенно, на ее сельских территориях!

Фактически отмена крепостного права и реформы земского управления были взаимосвязанными процессами. Именно отмена крепостного права положила начало «великим реформам» того времени, поскольку неожиданно для себя власти осознали необходимость таких изменений, к которым сами же подтолкнули общество. Несомненно, проведение земских реформ – это был особый исторический момент, когда в отечественном образовании всё, как говорится, сдвинулось с места. Можно сказать, что образование приобрело импульс движения и начало трансформироваться из статичной системы в динамичную. Благодаря этому Россия становилась «современным» государством и это проявлялось в повышении уровня образованности всех социальных слоев, включая и самые низшие. Однако, несмотря на это, в России все еще отмечался недостаточный охват населения элементарным школьным обучением, не говоря уже о подготовке кадров высшей профессиональной квалификации. Общее качество образования оставалось очень низким. Так, Л.Э. Заварзина² в своем очерке пишет, что в 1862 и 1863 гг. в журналах «Время» и «Современник» были опубликованы четыре рассказа из цикла «Очерки бурсь» начинающего педагога того времени, выпускника Александровской семинарии г. Санкт-Петербурга Н.Г. Помяловского (1835-1863). Начиная преподаватель постарался так изобразить бурсу³, чтобы читатель поверил, что это «превосходное адское воспитательное заведение», и заключил, подобно Д.И. Писареву, что порядки, господствовавшие там, страшнее ужасов каторжной тюрьмы, представленных Ф.М. Достоевским в «Записках из Мертвого дома». Если, по мнению Н.Г. Помяловского, «мертвый дом, описанный Достоевским, заключает в самом себе задатки своего усовершенствования», то в бурсе таких задатков нет. При этом Д.И. Писарев отметил, что бурса с ее тиранией, невежеством, нищетой есть одно из очень многих и притом еще самых невинных проявлений нашей повсеместной и всесторонней бедности и убогости».

Как пишет далее Л.Э. Заварзина, педагог Н.Г. Помяловский после окончания вышеописанной ужасной духовной семинарии перебивался разными непостоянными заработками, писал статьи, очерки о народном просвещении, брал переписку, давал частные уроки, обучал в воскресной школе ремесленников, рабочих и крестьян, а также их детей. Однако, когда основоположник российской педагогической науки К.Д. Ушинский пригласил начинающего писателя и педагога на должность учителя в Смольный институт, то после нескольких пробных уроков Н.Г. Помяловский отказался от сделанного предложения. Причиной тому был привилегированный контингент в аудиториях старейшего высшего женского учебного заведения. Таким образом, можно констатировать, что социальный и общественный раскол, который впоследствии привел к появлению таких организаций, как «Народная воля», к убийству импера-

тора Александра II и, в конечном счете, к революционному движению и свержению самодержавия в России, зарождался именно тогда и не где-нибудь, а в стенах высших учебных заведений, на кафедрах и в аудиториях.

Однако, вернемся к развитию образования в пореформенной России того времени. Последовавший за убийством императора Александра II период контрреформ должен был, на первый взгляд, приостановить развитие российского образования. Правительственная политика тех лет была направлена на ужесточение административного контроля за учебными заведениями. Результатом неоднократных покушений и последовавшего за этим убийства императора Александра II стало усиление социальной фильтрации контингента учащихся с тем, чтобы заблокировать или, по крайней мере, приостановить процесс демократизации средней и высшей школы, а также предотвратить распространение либеральных и революционных мыслей в образовательной среде. Интеллигенция того времени была практически единодушна в том, что период «контрреформ» оказался плохим временем для российского образования.

Крупнейший представитель либеральной мысли того времени Б.Н. Чичерин характеризовал правительственную политику как «полный разгром университетов» и утверждал, что она привела к полному расстройству высшей ступени образования⁴. Однако, как у любой медали, у эпохи контрреформ в образовании была и обратная сторона. Именно тогда, в годы гонений и репрессий на определенную часть педагогов, в среде «народных масс» впервые в истории России начал формироваться самостоятельный социальный запрос на знания, на науку, на образование, которое до той поры считалось лишь ненужным капризом аристократической знати и воспринималось преимущественно как «барская прихоть». Именно в те годы в России стали появляться новые «ломоносовы», являющиеся представителями не аристократических фамилий, а выходцами из простых семей. Напомним, по словам самого М.В. Ломоносова, его отец был добрый человек, но «в крайнем невежестве воспитанный»⁵.

Помимо роста интереса к образованию, в те годы начал наблюдаться спрос на периодическую печать, возрос интерес к печатному слову. На смену изданиям типа «Английский милорд Георг» пришли печатные газеты. Стали набирать популярность газеты «Ведомости», «Вести-Куранты». Начинает выходить газета «Колокол». По словам основоположника российской социологии чтения Н.А. Рубакина, буквально отовсюду из народной среды стали доноситься требования «чего-то лучшего, чем привычная копейная литература». В этот период в народный обиход начинают входить произведения Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова и других авторов, ранее знакомых исключительно только «чистой публике». В этот же период возникает массовый спрос и на научно-популярную литературу.

Особая роль в развитии образования отводилась библиотекам. Очевидно, что общий недостаток книг, их

дороговизна и невозможность их читать в виду все еще высокого уровня безграмотности часто восполнялся в виде коллективных чтений. В лексиконе русского языка того времени появляется новое популярное слово – изба-читальня. Именно избы-читальни стали прообразом первых российских общественных библиотек. Библиотеки стали играть значимую роль в жизни сельского населения. Часто библиотеки создавались самими же местными жителями, в том числе и обыкновенными крестьянами из зажиточных хозяйств.

Царское правительство также прикладывало значимые усилия к развитию библиотек. Например, если до середины 1890-х гг. на всю Россию приходилось в общей сложности всего лишь 40-50 «официальных» бесплатных библиотек и читален, то в начале XX в. народные библиотеки, в том числе сельские и уездные, исчислялись тысячами. Некоторые губернские земства приступили к проектированию даже целых библиотечных сетей. Так, по предложениям Московского земства «центральные народные библиотеки» предполагалось открывать с тем расчетом, чтобы расстояние между ними не превышало 12 верст.

Массовое увлечение чтением и всесторонне развитие библиотечного движения, активное общение рабочих и крестьян в избах-читальнях сформировало к концу 19-го века своеобразный тип «низовой образованности» в деревнях и рабочих поселках. Носителями образованности были те же крестьяне и мастера, выделявшиеся на общем фоне не только своей интеллектуальной развитостью и информированностью, но и особой рассудительностью, отношением к делу и высоким качеством труда, весьма высоко ценимым в крестьянской и рабочей среде того времени. По выражению исследовавшего социальную роль образования Н.А. Рубакина, большинство этих людей становились как бы «маленькими центрами народного просвещения», иницируя дальнейшее распространение интереса к книгам и знаниям.

Необходимость и желание населения читать книги и периодическую литературу привело к бурному распространению грамоты. Повсеместное открытие школ грамоты началось фактически сразу же после отмены крепостного права. С середины 1880-х гг. этот процесс приобрел особенно интенсивный характер. Так, если в 1884-1885 гг. в стране официально было зарегистрировано только 840 приходских школ, то в 1888-1889 гг. их насчитывалось уже 9 215, т.е. общее число таких учебных заведений за какие-то 4-5 лет увеличилось почти в 11 раз!

Таким образом, можно констатировать, что к концу 19-го века в России фактически сформировалась устойчивая образовательная среда, которая, по утверждениям историков, подготовила благодатную почву для образовательной пассионарности⁶. Стремление к знаниям глубоко укоренилось почти во всех слоях российского общества на пороге 20-го столетия. Образование стало социально значимым элементом воспитания новых поколений. Таким образом, еще за три десятилетия до

1917 г. в России начался взрывной по своему характеру процесс формирования тех черт массовой психологии, той социальной энергетики и социокультурной среды, наличие которой дало возможность быстро реализовать образовательные проекты Советской власти в первые же годы советских пятилеток.

Из вышесказанного можно сделать предварительный вывод. Новая Советская власть несправедливо приписывает себе все достижения на поприще повышения образованности народных масс и ликвидации безграмотности. Как показано выше, предпосылки этого исторического процесса были заложены значительно раньше, еще в царской России.

Немаловажным элементом всей системы образования было и остается образование техническое. Можно смело утверждать, что большинство технических достижений советской власти, да и в целом вся индустриализация молодого советского государства была проведена на технико-теоретической базе, заложенной в царской образовательной системе. Техническая школа в России с самого начала ее основания была очень сильна и ориентировалась на лучшие западные образовательные традиции. По оценке современников, к началу 20-го века Россия по уровню электротехнического образования уже опередила Францию и уступала только Германии, где при очень высоком качестве обучения сеть учебных заведений, готовивших техников и электротехников, была более разветвленной. В техническом образовании Россия стремилась в максимальной степени использовать опыт других стран, в особенности образцовой по тем временам немецкой высшей технической школы. В то же время, в рассматриваемый период повсеместно утверждается так называемый своеобразный российский «стиль» технического образования, наиболее характерной чертой которого был упор на фундаментальную теоретическую подготовку. Так, в учебных планах инженерных и естественных зарубежных политехникумов соотношение лекционных часов к практическим занятиям составляло примерно 1 к 3, в то время как в России – 2 к 3. Кроме того, в зарубежных вузах специализация учащихся была сравнительно узкой, в российских же вузах значительное внимание уделялось общеинженерной подготовке. В числе российских приоритетов в инженерных науках можно назвать такие предметы, как аэродинамику, гидродинамику, теорию упругости, теорию колебаний, теоретические основы кораблестроения и ряд других передовых на тот момент учебных дисциплин.

В заключение необходимо сказать, что роль российского государства в развитии образования в последние годы правления царской фамилии трудно переоценить! Об этом говорят лишь некоторые цифры. Если в 1900 г. из средств российского государственного бюджета на нужды народного просвещения было отпущено 34 млн руб., что составляло примерно 1,8% его расходной части, то к 1913-му году государственные ассигнования на эти цели увеличились более, чем в 4 раза, а их доля в распределении государственных

расходов поднялась до 4,3%⁷. В 1914 г. общие расходы государства, земств и городов на образование достигли примерно 300 млн руб., что по оценкам некоторых историков было больше, чем в таких странах, как Франция и Великобритания, хотя по расходам на душу населения Россия все еще уступала ведущим мировым державам. За полтора предреволюционных десятилетия общее количество школ в России увеличилось примерно в 17,5 раз, а число учащихся в них – в 2,5 раза, и составило в 1915 г. более 9,5 млн человек⁸. Еще быстрее заполнялись аудитории высших учебных заведений. Так, за годы царствования императора Николая II общая численность учащихся высших учебных заведений в России выросла почти в 4 раза, т.е. прирост числа студентов составлял около 15% каждый год. «Столыпинская» Государственная Дума за пять лет своей работы с 1907 по 1913 гг. приняла четыре важнейших законопроекта по расширению ассигнований и увеличению финансирования системы образования. В 1906 г. под руководством министра просвещения И.И. Толстого была разработана десятилетняя программа перехода к всеобщему образованию населения, включавшая рост государственных кредитов на образовательные цели не менее чем на 10 млн руб. в год⁹.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что последние три десятилетия существования Российской империи следует рассматривать как ключевой период российской образовательной модернизации. По своему объективному историческому значению этот период стал своего рода прелюдией к созданию того мощного образовательного потенциала, который впоследствии обеспечил превращение СССР в ведущую мировую державу, несмотря на все социальные эксперименты, революционные чистки и иные рискованные ломки общественных институтов, проводимые большевистской верхушкой, пришедшей к власти в 1917 г.

¹ Андреев А.Л. Преемственность развития образования в до-революционной и советской России // Педагогика. 2008. № 6. С. 74–83.

² Заварзина Л.Э. Бурса в 1830-1860-х гг. // Педагогика. 2008. № 6. С. 83.

³ Бурса – так именовали духовные училища и семинарии в царской России (прим. автора).

⁴ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // Философия права. СПб., 1998.

⁵ Любимов Н. Жизнь и труды Ломоносова // Университетская типография (Катков и К^о) на Страстном бульваре, Москва, 1872.

⁶ Пассионарность – стремление к чему-либо (в данном случае, к знаниям).

⁷ Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX века // Исторические записки, Т. 65, 1959.

⁸ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

⁹ Иванов А.Е. Студенчество России конца 19-го – начала 20-го века. М., 1999.

УДК 378
ББК 75

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУРСАНТОВ-МУЖЧИН ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ ХРОМОВ,

*исполняющий обязанности начальника кафедры физической подготовки
учебно-научного комплекса специальной подготовки*

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

Мастер спорта СССР, полковник полиции

E-mail: hromov1967@mail.ru;

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАЙЦЕВ,

*профессор кафедры физической подготовки
учебно-научного комплекса специальной подготовки*

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

подполковник полиции, доктор биологических наук,

кандидат педагогических наук, профессор

E-mail: zalex.65@inbox.ru

*Научная специальность 13.00.04 – теория и методика физического воспитания,
спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проведен анализ уровня физического развития курсантов-мужчин первого года обучения образовательных организаций МВД России. Установлена зависимость показателей длины и массы тела, окружности грудной клетки, жизненной емкости легких, становой динамометрии от их (курсантов) принадлежности к определенной медицинской группе предназначения.

Ключевые слова: образовательные организации МВД России, курсанты-мужчины, физическое развитие, медицинская группа предназначения, длина тела, масса тела, окружность грудной клетки, жизненная емкость легких, становая динамометрия, среднее арифметическое значение признака, стандартное отклонение, коэффициент вариации.

Annotation. Analyzed physical development of male students of the first year of scholarship in the educational institutions of the Ministry of Interior of the Russian Federation. There has been established a dependency of indexes of body length and weight, chest circumference, vital capacity of lungs, torso dynamometry of students from their inhering to a certain medical group of predestination.

Keywords: educational institutions of the Ministry of Interior of the Russian Federation, male students, physical development, dedicated special purpose medical group, body length, body mass, circumference of thorax, lungs' vital capacity (volume), waist dynamometry, average arithmetic value of a characteristic, standard deviation, constant of variation.

Проведен сравнительный анализ результатов, характеризующих динамику физического развития курсантов-мужчин первого года обучения. Предпринята попытка проследить изменения длины тела (ДТ), массы тела (МТ), окружности грудной клетки (ОГК), жизненной емкости легких (ЖЕЛ), становой динамометрии (СДМ) лиц, обучающихся в образовательных организациях МВД России для того, чтобы четко представлять, насколько целесообразно планирование учебного процесса курсантов с учетом их медицинских групп предназначения (МГП).

Разделение курсантов-мужчин по медицинским группам предназначения показало неравномерность их (курсантов) распределения. Лица первого года

обучения (рис. 1) в 42,6% случаев относились ко второй медицинской группе. Представители первой медицинской группы составили, в среднем, 34,6% от всех курсантов. Самыми малочисленными оказались представители третьей медицинской группы: их доля в общем распределении составила менее 22,6%. Вероятно, причиной подобного распределения является конкретная установка руководства МВД России в целом, и Московского университета в частности, направленная на сокращение до минимума лиц, имеющих даже незначительные отклонения в состоянии здоровья, которые могут повлиять на выполнение профессиональных обязанностей сотрудниками полиции.

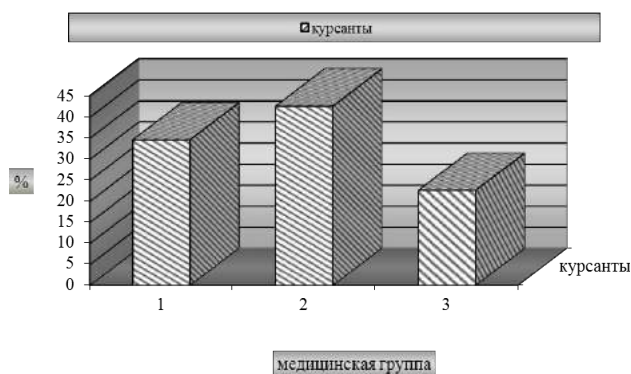

Рис. 1. Распределение курсантов-мужчин по медицинским группам предназначения

Анализ средних показателей длины тела (рис. 2) позволил установить, что курсанты мужского пола первой группы предназначения превосходили курсантов второй группы и, особенно, лиц третьей группы (первая группа – 179.8 см, вторая группа – 174.5 см, третья группа – 170.2 см). Различия между представителями первой и третьей групп статистически достоверны ($p < 0.05$).

Количественные показатели стандартного отклонения от средних значений длины тела отличались у представителей различных медицинских групп предназначения. Максимальные средние величины σ выявлены у курсантов третьей группы – 5.23 см, минимальные (2.65 см) – первой группы.

Промежуточное положение занимали представители второй МГП – 3.96 см.

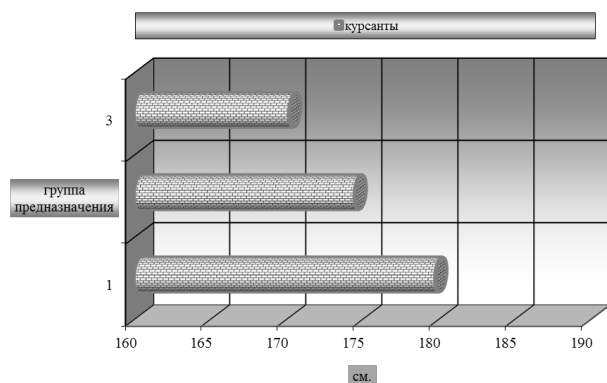

Рис. 2. Изменение показателей длины тела у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Коэффициент вариации длины тела (рис. 3) не выходил за пределы 5,3%, что свидетельствовало об однородности групп (по ДТ), разделенных по медицинским группам предназначения. Средние значения V были не одинаковы у исследуемого контингента: они были наибольшими у курсантов третьей МГП (3,07%), несколько ниже у лиц второй группы (2,27%) и самые низкие у представителей первой медицинской группы (1,47%).

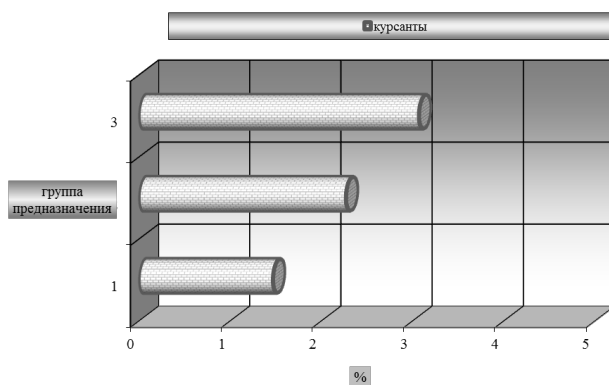

Рис. 3. Коэффициент вариации длины тела у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

При оценке физического развития индивида масса тела является одним из основных показателей. В отличие от длины тела и окружности грудной клетки, МТ является весьма лабильным показателем, сравнительно быстро реагирующим и изменяющимся под влиянием различных экзо- и эндогенных факторов [1]. Масса тела тесно связана с двигательной активностью людей. Она находится под менее жёстким генетическим контролем, чем длина тела [2].

Масса тела у курсантов первого года обучения (рис. 4) напрямую зависела от показателей, определяющих их (курсантов) принадлежность к той или иной медицинской группе предназначения. При анализе средних показателей МТ, установлено, что они были максимальны (75.9 кг) у лиц мужского пола первой МГП. Курсанты второй (70.2 кг) и третьей (70.4 кг) групп по массе тела не имели отличий. Достоверные различия имели место в средних значениях МТ между первой и второй и первой и третьей группами.

Средние величины стандартного отклонения находились в пределах 3.5-4.65 см. Их максимальные значения зафиксированы у курсантов третьей медицинской группы предназначения (4.65 см), минимальные (3.51 см) – первой группы.

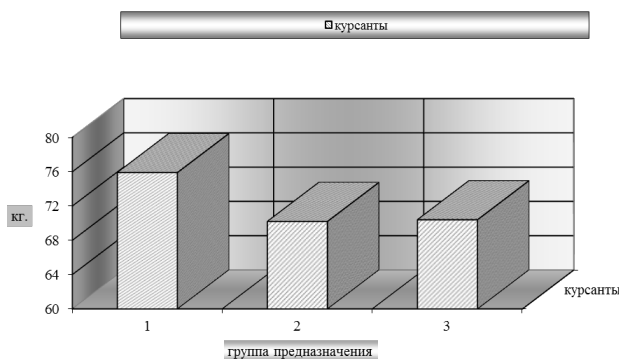

Рис. 4. Изменение показателей массы тела у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Сравнение количественных значений коэффициента вариации массы тела (рис. 5) у курсантов различ-

ных медицинских групп предназначения позволило выявить особенность, имевшую место при анализе показателей V длины тела: максимальные средние величины установлены у курсантов третьей МГП (7%), несколько ниже (6,39%) – у представителей второй группы предназначения. 4,62% – средний показатель коэффициента вариации МТ у лиц, принадлежащих к первой медицинской группе предназначения.

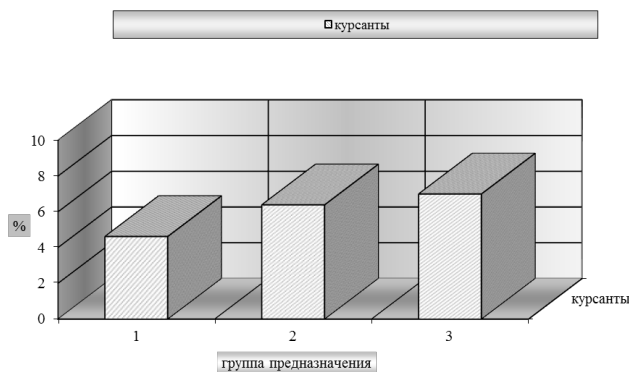

Рис. 5. Коэффициент вариации массы тела у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Одним из показателей, используемых при оценке физического развития, является окружность грудной клетки. Размеры и форма грудной клетки подвержены значительным изменениям в ходе онтогенеза. Это связано с увеличением и изменением топографии внутренних органов, влиянием физических нагрузок и спецификой работы мышц плечевого пояса, а также вертикальным положением тела человека [1].

Окружность грудной клетки курсантов мужского пола (рис. 6) находилась в прямой зависимости от медицинской группы предназначения: представители более высокой медицинской группы имели более высокие показатели. У лиц первой медицинской группы средние величины ОГК составили 94.6 см. Представители второй группы имели окружность грудной клетки равную 87.3 см. Минимальные значения зафиксированы у курсантов третьей МГП (85.2 см). Различия достоверны между курсантами, входящими в состав первой и третьей медицинских групп предназначения.

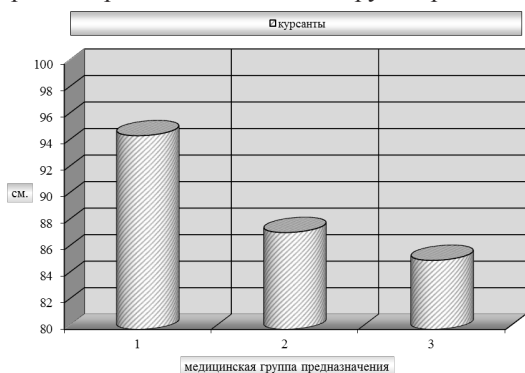

Рис. 6. Изменение показателей окружности грудной клетки у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Средние значения стандартного отклонения изменялись у представителей различных медицинских групп предназначения. И, если, у лиц, входящих в состав первой (3.38 см) и второй (3.35 см) групп, показатели σ были практически одинаковы, то у курсантов третьей МГП средние величины стандартного отклонения были выше на несколько единиц (5.65 см).

Как следствие, средние количественные показатели коэффициента вариации (рис. 7) имели аналогичную направленность: у лиц мужского пола первой (3,57%) и второй (3,84%) медицинских групп предназначения средние значения V не выходили за пределы 4%, в то время как у курсантов третьей МГП коэффициент вариации составил 6,63%.

Показатели, определяющие жизненную емкость легких курсантов-мужчин первого года обучения (рис. 8) распределялись в зависимости от их принадлежности к определенной медицинской группе предназначения: чем выше медицинская группа, тем выше средние значения ЖЕЛ. Статистически достоверные различия выявлены между представителями первой (4 630 см³) и третьей (3 920 см³) МГП.

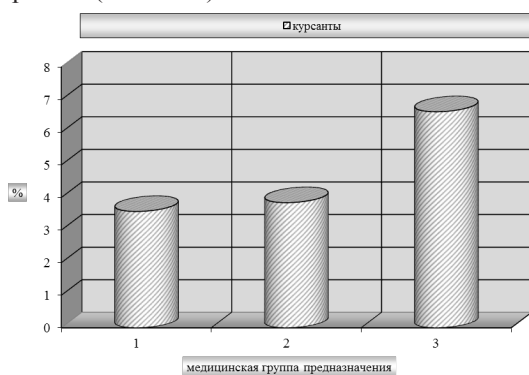

Рис. 7. Коэффициент вариации окружности грудной клетки у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

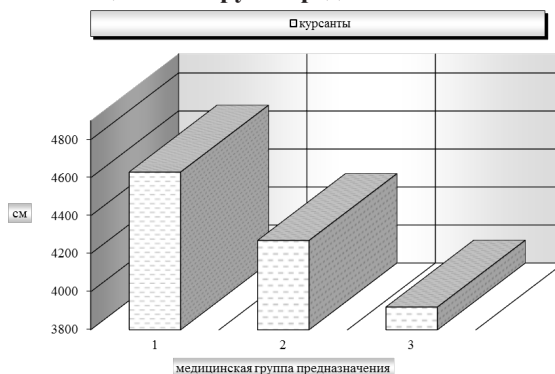

Рис. 8. Изменение показателей жизненной емкости легких у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Средние значения стандартного отклонения были максимальны у курсантов третьей медицинской группы предназначения, составив 100.27 см³, несколько ниже у лиц первой (65.65 см³) и второй (55.55 см³) МГП.

Коэффициент вариации жизненной емкости легких у курсантов-мужчин (рис. 9) практически не отличался у представителей первой и второй групп (1,41% и 1,3% соответственно), а у лиц, входящих в состав третьей МГП показатели V были значительно выше (2,55%), хотя и не выходили за пределы «должных» величин.

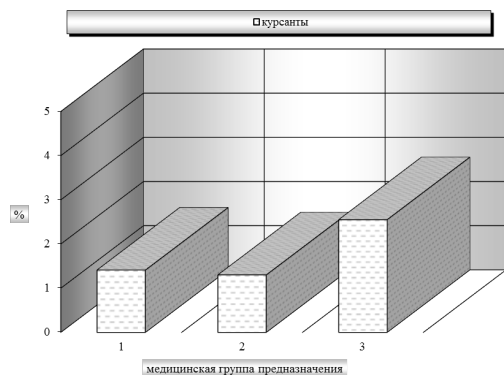

Рис. 9. Коэффициент вариации жизненной емкости легких у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Становая динамометрия применялась для определения силы разгибателей туловища курсантов первого года обучения. Средние значения становой динамометрии лиц мужского пола (рис. 10), принадлежащих к первой медицинской группе предназначения, были выше на 6.9 кг, по сравнению с курсантами, входящими в состав второй группы, и на 9.7 кг выше, в отличие от учащихся третьей медицинской группы. Различия статистически достоверны между представителями первой и третьей МГП.

Стандартное отклонение показателей СДМ отличалось у представителей различных медицинских групп: средние значения σ составили 2.32 кг (первая медицинская группа предназначения), 3.62 кг (вторая группа), 4.31 кг (третья МГП).

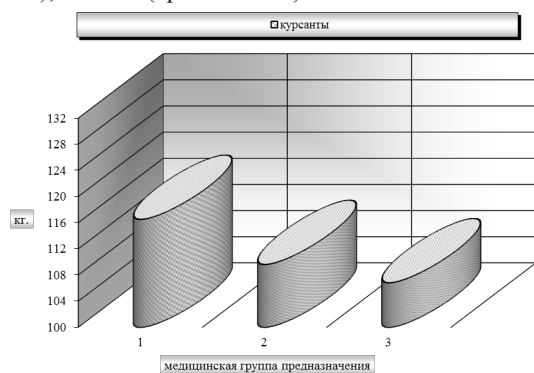

Рис. 10. Изменение показателей становой динамометрии у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

Коэффициент вариации становой динамометрии (рис. 11) не выходил за пределы, определяющие однородность рассматриваемых групп: его максимальные значения зафиксированы у курсантов-мужчин третьей медицинской группы – 4,04%, несколько ниже у представителей второй группы (3,3%). У лиц, принадлежавших к первой медицинской группе предназначения, средние величины V составили 2,99%.

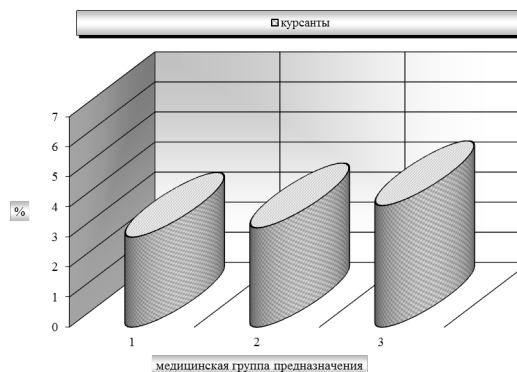

Рис. 11. Коэффициент вариации становой динамометрии у курсантов-мужчин различных медицинских групп предназначения

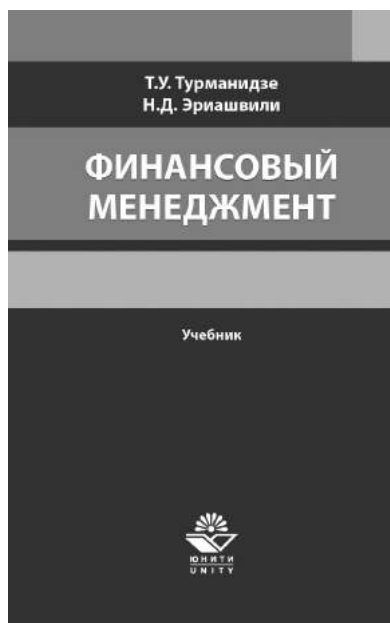
Таким образом, анализ средних значений, определяющих уровень физического развития курсантов-мужчин первого года обучения, позволил сделать заключение относительно имеющей место закономерности: лица, относящиеся к первой медицинской группе предназначения, превосходили курсантов второй и третьей медицинских групп. Статистически значимые различия выявлены между представителями первой и третьей групп предназначения по средним величинам длины и массы тела, окружности грудной клетки, жизненной емкости легких, становой динамометрии, а, значит, планирование педагогических воздействий на учебных занятиях по физической подготовке следует осуществлять с учетом принадлежности курсантов мужского пола к определенной группе предназначения.

Литература

1. Бахрах И.И., Дорохов Р.Н. Исследование и оценка биологического возраста детей: руководство по спортивной медицине. М., 1991. С. 230–257.
2. Дорохов Р.Н. Спортивная морфология. М, 2002. 230 с.

References

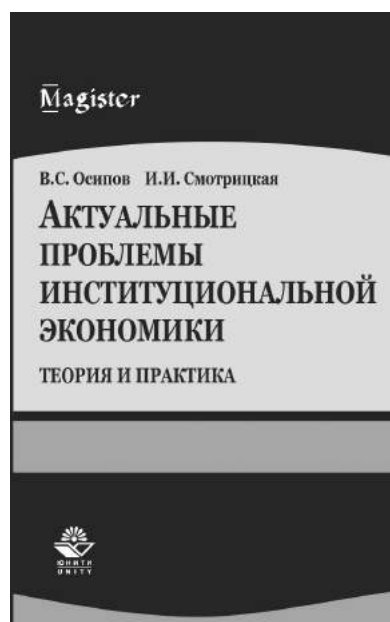
1. Bakhrah I.I., Dorokhov R.N. Investigation and assessment of biological age children: a guide to sports medicine. M., 1991. P. 230–257.
2. Dorokhov R.N. Sports morphology. M., 2002. 230 p.

Финансовый менеджмент. Учебник. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Турманидзе Т.У., Эришвили Н.Д. Изд-во ЮНИТИ, 2015.

Приводится обзор методов, методик и приемов для проведения аналитических расчетов по управлению высоколиквидными активами компании. Рассмотренные методы иллюстрируются множественными примерами, которые позволяют понимать логику процесса управления финансовыми активами компании для повышения ее платежеспособности и финансовой устойчивости.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. Может быть полезен специалистам в области управления бизнесом, аспирантам, преподавателям, аудиторам, предпринимателям.

Актуальные проблемы институциональной экономики. Теория и практика. Учебное пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. (Серия «Magister»). Осипов В.С., Смотрицкая И.И. Изд-во ЮНИТИ, 2015. 327 с.

В учебном пособии представлены современные течения институциональной теории: институциональное поле, институт контрактных отношений, институт общественных потребностей и иные важные позиции.

12 учебных кейсов содержат не только теоретический материал для подготовки, но и практические аспекты, необходимые студентам магистратуры и аспирантам при изучении курсов «Институциональная экономика», «Экономическая теория (продвинутый уровень)», «Государственное и муниципальное управление». К кейсам даются вопросы и задания, а также темы для дискуссий.

Для студентов магистратуры и аспирантов, обучающихся по экономическим специальностям. Может использоваться как для групповых семинарских занятий, так и для самостоятельной работы.

вых семинарских занятий, так и для самостоятельной работы.